

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Оноре
де Бальзак

ОЗОРНЫЕ
РАССКАЗЫ

Иллюстрации
Гюстава Доре, Альбера Робида,
Ральфа Бартона

ИНОСТРАНКА

18+

Иностранная литература. Большие книги

Оноре де Бальзак
Озорные рассказы

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

де Бальзак О.

Озорные рассказы / О. де Бальзак — «Азбука-Аттикус»,
— (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23865-7

Оноре де Бальзак – великий французский писатель, у которого, по определению Льва Толстого, «в оное время учились писать все». В многочисленных романах своей «Человеческой комедии» он воссоздал пестрый, жестокий и многоликий мир, отразив жизнь всех классов современного ему общества. Книга «Озорные рассказы» стоит особняком в творчестве Бальзака. Это собрание игривых и забавных новелл, стилизованных под Боккаччо и Рабле, в которых – в противовес модным в ту пору печальным романтическим мотивам – воскресают галльская живость и веселость, а действие перенесено в далекое прошлое. Яркие, необыкновенные сюжеты, описания утонченных любовных утех, невероятные приключения, выразительные герои (многие из которых – реальные исторические персоны, включая монархов и распутниц) и великолепный юмор обеспечили «Озорным рассказам», несмотря на возмущенные обвинения критиков в непристойности, неувядающую популярность среди широкой массы читателей. В настоящее издание вошли все «озорные рассказы» Бальзака, включая пять историй, не опубликованных при жизни автора. Тексты сопровождаются иллюстрациями Гюстава Доре (1832–1883), чьи великолепные, живые изображения персонажей «Озорных рассказов» так и остались непревзойденными. Также в издание включен комплект иллюстраций американского художника Ральфа Бартона (1891–1931) и избранные иллюстрации французского художника Альбера Робида (1848–1926), никогда не публиковавшиеся в России. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-23865-7

© де Бальзак О.
© Азбука-Аттикус

Содержание

«Озорные рассказы»: непростая история с хорошим концом	7
Озорные рассказы	13
Предисловие к изданию 1855 года	13
Первый десяток	16
Пролог	17
Красавица Империя	21
Невольный грех	42
Глава первая	43
Глава вторая	61
Глава третья	69
Глава четвертая	77
Глава пятая	82
Королевская зазноба	91
Наследник дьявола	109
Увеселения короля Людовика Одиннадцатого	135
Жена коннетабля	156
Тилузская девственница	183
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Оноре де Бальзак

Озорные рассказы (сборник)

Honoré de Balzac

LES CONTES DROLATIQUES

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. В. Трынкина, перевод, статья, примечания, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Все, кто любит его гений как таковой, все, кто любит наслаждение, которое он нам дарит, и, наконец, все, кто ценит его за услуги, оказанные языку и литературной форме, не в силах предать забвению «Озорные рассказы»...

Из предисловия к изданию «Озорных рассказов» в 1855 году

Читатель нашего века поймет, что эти озорнические сказки сделаны не для одного только смеха, и оценит их определенное оздоравливающее общественное значение. И самый смех, возбуждаемый озорными сказками, это, по выражению Бальзака, нагое дитя, беспечно играющее вещами, шпагами и митрами, безгрешен и прав, потому что предметы, поражаемые им, вредные для человечества, достойны его повергающей в прах кармы.

Федор Сологуб

«Озорные рассказы»: непростая история с хорошим концом

«Господин Бальзак довольствуется одним распутством. Разврат в его сочинениях выставлен во всей наготы; он с веселою улыбкой простирает неблагопристойность до последней точки дерзости. Многие места его сочинений способны привести в краску любого драгуна и даже изумить извозчика».

Вы думаете, это сказано об «Озорных рассказах»? Нет, так в 1834 году критик О. И. Сенковский в журнале «Библиотека для чтения» отзывался о творчестве Бальзака вообще и о его романе «Физиология брака» (1829) в частности. И в то время этот критик был не одинок в своих суждениях.

Однако, вопреки официальному неприятию, среди знавших французский язык российских читателей появлялись поклонники Бальзака. Например, молодой Ф. М. Достоевский в письме к брату от 9 августа 1838 года восторженно писал: «Бальзак велик! Его характеры – произведения ума вселенной!», а первой публикацией начинающего литератора стал перевод романа Бальзака «Евгения Гранде», опубликованный в 1844 году.

К концу XIX века в России вместе с политическими и социальными переменами изменилось и отношение к творчеству Бальзака, и в 1896–1898 годах санкт-петербургское издательство Л. Ф. Пантелеева выпустило собрание сочинений писателя, состоявшее из двадцати томов, в каждом из которых было по одному роману. Но в этом собрании места для «Озорных рассказов» не нашлось.

Первым пробным шаром в деле их публикации на русском языке послужили переводы двух рассказов, выполненные поэтом и прозаиком Федором Сологубом и в 1922 году напечатанные отдельной книгой в петроградском издательстве «Полярная звезда» под названием «Озорные сказки». Сологуба, который переводами почти не занимался, это произведение Бальзака привлекло как неординарностью своего содержания, так и возможностью стилизации текста на «доломоносовском языке». Этот смелый опыт оказался вполне удачным, однако продолжения не последовало: скорее всего, Сологуб его и не планировал.

Вторая попытка донести до советских читателей «Озорные рассказы» была предпринята в конце 1920-х годов. Отобрав одиннадцать рассказов поучительного и, так сказать, наиболее безобидного содержания, издатели поручили их перевод М. В. Голицыну, ранее не занимавшемуся профессиональной литературной деятельностью, – перевод для него был средством заработка в тяжелые времена, наступившие для представителя знаменитого дворянского рода. По свидетельству его сына, советского писателя С. Голицына, в работе над рассказами принимал участие его дед, князь В. Голицын (в прошлом московский губернатор и городской голова), «чей устарелый слог оказался весьма подходящим», и именно ему принадлежала идея названия «Смехотворные рассказы».

Судя по всему, эта небольшая книжка, вышедшая в 1929 году под редакцией и с предисловием известного филолога А. Смирнова, подверглась строгой цензуре: в рассказах частично опущены исторические детали и колоритные подробности, которыми так дорожил Бальзак, а все слишком фривольные намеки или словечки были отретушированы или изъяты. Кроме того, по непонятной причине рассказы в книге были расположены в порядке, не совпадающем с тем, что был у Бальзака.

В 1930-е годы Бальзак как автор «Человеческой комедии» возводится в классики «критического реализма»: ему повезло, кто-то из литературоведов обнаружил, что его творчество высоко оценили К. Маркс и Ф. Энгельс, и отныне Бальзака следовало переводить, издавать и изучать. В 1937 году в самом авторитетном в то время издательстве «Academia» вышел двух-

томник Бальзака, во второй том которого был включен рассказ из второго десятка «Озорных рассказов» «Ведьма» (в переводе С. Вышеславцевой).

В эти же годы Гослитиздат взялся за подготовку пятнадцатитомного собрания сочинений Бальзака, которое вышло уже после войны, в 1951–1955 годах. Для четырнадцатого тома было отобрано одиннадцать из тридцати озорных рассказов, в том числе шесть из тех, что уже переводились Голицыным. На этот раз издатели отобрали рассказы скорее серьезные, чем озорные, и наиболее пристойные, а кроме того, по соображениям, о которых можно только догадываться, не решились опубликовать истории, «порочающие» королевских особ.

Переводы, выполненные С. Вышеславцевой и Н. Соколовой, ничуть не устарели, как всё, во что вложены труд, мастерство и талант. В пятидесятые годы эти одиннадцать рассказов несколько раз выпускались отдельными книжками разными областными издательствами, затем наступило тридцать лет относительного затишья, а количество их переизданий за последние двадцать лет трудно подсчитать. Судя по тиражам, даже в таком «урезанном» виде рассказы пришлись по душе российским читателям, которые теперь могут прочитать «Озорные рассказы» в том объеме и порядке, в каком они были задуманы и изданы их автором, Оноре де Бальзаком¹. Кроме того, настоящее издание дает возможность познакомиться с рассказами, подготовленными Бальзаком для следующих «десятков» и сохранившимися в его архивах.

В предисловии к «Шагреневой коже» (1831), подготовленном к переизданию романа 1834 года, уже добившийся известности Бальзак писал: «Общество требует от нас прекрасных картин: но где их найти? Ваши жалкие одежды, недоделанные революции, болтливые буржуа, мертвая религия, выродившаяся власть, короли на половинном содержании – так ли уже они поэтичны, чтобы стоило их изображать? Сейчас мы можем только издеваться, насмешка – вот литература умирающего общества...»

Насмешка... Издевка... Сатира... А так хочется просто посмеяться и отдохнуть душой! Бальзак работает по 16–18 часов в день, ему нужны деньги, чтобы отдать долги, в которые он влез, пытаясь открыть собственное дело и потерпев крах. В личной жизни тоже далеко не все гладко... Он пишет с небольшими перерывами уже почти десять лет, но успех пришел лишь с последними романами, он устал, хотя ему еще только тридцать, а жизнь передышки не дает.

Как может отдохнуть тот, кому нужно зарабатывать? Смена работы тоже отдых, и писатель берется за «другое» перо и обращается к музе другой – озорной.

Она подсказывает: окунись в прошлое, вспомни, как смеялись Рабле, Вервиль, Маргарита Наваррская, Боккаччо, Ренье. Обратись к тем векам, когда Франция еще умела любить и ненавидеть, смеяться и хохотать, не смущаясь и не краснея. Вернись в свои родные края, в свою пресветлую Турень, там источник радости и нового вдохновения. Удиви и порадууй Францию, напиши сто, да-да, именно сто, потешных новелл, пусть все увидят, что ты не уступаешь восхитительным и плодовитым писателям Средневековья. Вспомни их язык: народный, естественный, чарующий, не стесненный оковами академических правил и оттого порою сам по себе смешной.

По сути, возвращение к прошлому было для Бальзака своеобразным бунтом против настоящего. Писателю надоело описывать общество, в котором, по словам одной из героинь его романа «Отец Горио», чтобы преуспеть, надо наносить удары беспощадно, относиться к людям, как к почтовым лошадям, и гнать их не жалея, пусть себе мрут на каждой станции, а свои подлинные чувства прятать глубоко, чтобы никто и не подозревал об их существовании.

¹ Впервые все три десятка «Озорных рассказов» с иллюстрациями Гюстава Доре увидели свет в 2012 году в коллекционном издании (тираж 100 экземпляров) московского издательства «ПК „Кожаная мозаика“».

Рискованный замысел давался Бальзаку непросто. Первые два десятка «Озорных рассказов» вышли в 1832² и 1833 годах, третий десяток был закончен лишь к 1837-му, а обещанная сотня так и не была написана. Помешало исполнению задуманного, в частности, и то, что после выхода первого десятка на Бальзака обрушилась критика и справа, и слева. Бальзак произвел такой эффект, как будто он в наряде шута явился на похороны, загремел погремушками и задудел в дудку. Нечего вспоминать Рабле, писал критик, «когда вся жизнь посвящается двум идеям, двум ожесточенным врагам страстей радостных и наивных, богатству и власти». Писателя обвиняли как в том, что его книга слишком архаична, что он не читал Рабле, на которого ссылается, не знает истории – в общем, в самозванстве и надувательстве, – так и в том, что рассказы написаны неудобоваримым и неправильным языком, ну и, разумеется, в чрезмерном эротизме и непристойности.

Полемика с критиками отражается в прологах ко второму и третьему десяткам «Озорных рассказов», а в уже процитированном предисловии к «Шагреневой коже» Бальзак так отвечал на нападки: «Писатели, имеющие какую-нибудь цель, будь то возвращение к идеалам прошлого (именно потому, что эти идеалы вечны), всегда должны расчищать себе почву. А между тем всякий, кто вносит свою долю в царство идей, всякий, кто отмечает какое-либо заблуждение, всякий, кто указывает на нечто дурное, чтобы оно было искоренено, неизменно слывет безнравственным. Впрочем, упрек этот, которого не удалось избежать ни одному смелому писателю, – последнее, что остается, когда ничего другого выдумать не могут. Если вы правдивы в изображении, если, работая денно и ночно, вы начинаете писать языком небывалым по трудности, тогда вам в лицо бросают упрек в безнравственности. Сократ был безнравствен, Христос был безнравствен, обоих преследовали во имя социального строя, который они подрывали или улучшали. Когда кого-нибудь хотят изничтожить, его обвиняют в безнравственности. Этот способ действия, свойственный партиям, позорит всех, кто к нему прибегает».

Язык, которым написаны «Озорные рассказы», в самом деле непрост, по крайней мере на первый взгляд. Это язык не только средневековый, но и «озорной», его средствами Бальзак передает непохожесть своих героев на испорченных уродливыми отношениями современников; язык забавный и «сказочный», чарующий музыкой давно забытых слов и оборотов; язык, который проводит границу между прошлым и настоящим и переносит туда, где все кажется исполненным чистоты и простого человеческого счастья. Вслед за Рабле Бальзак примешивает к французскому архаизмы и диалектизмы, латынь, итальянизмы и неологизмы, термины технические, шуточные, слова простонародные и грубые и придает им причудливую орфографию³.

С. Вышеславцева и Н. Соколова осуществили перевод «Озорных рассказов» литературным русским языком, придав ему легкую архаическую окраску устаревшими словами и оборотами так, чтобы они были сразу понятны из контекста и, не затуманивая смысла, украшали повествование.

Для преемственности, единообразия и в знак уважения к переводчикам, которые в середине XX века перевели на русский язык часть книги Бальзака, мы не только придерживались указанного стиля, но и сохранили прежнее название – «Озорные рассказы», хотя и тут есть над чем задуматься, и не случайно Ф. Сологуб назвал их «Озорными сказками», а М. Голицын – «Смехотворными рассказами».

Бальзак определил жанр своих рассказов редким французским словом «drolatique», которое означает то, что заставляет смеяться своей вольностью, даже двусмысленностью, и неожиданно.

² Это просто совпадение, но мимо него невозможно пройти: 6 января 1832 года, когда писатель заканчивал работу над первым десятком «Озорных рассказов», родился Гюстав Доре, которому спустя 23 года первому выпала честь эти рассказы проиллюстрировать.

³ Глоссарий, прилагаемый к изданию «Озорных рассказов» 1990 года (издательство «Gallimard»), содержит около тысячи слов, которые без этого глоссария понять довольно затруднительно.

данностью, и которое можно перевести не только как «озорной», но и как «потешный», «забавный», «чудной», «странный», «смехотворный» или «смехотворящий», «уморительный» и даже «смехоносный», а также «поразительный» и «удивительный»; но все эти слова не передают греко-латинские суффиксы «ат» и «ик», которым в русском языке соответствуют суффикс и окончание «ат» и «ический» (например: драматический, догматический). Бальзак выбрал такое определение в пику модным в первой половине века рассказам романтическим и фантастическим, дабы сразу отмежеваться от тех, кто, как он уверял, разучился смеяться.

Бальзак издал не сто, а тридцать озорных рассказов, его замысел остался незавершенным, но не только и не столько критики в этом повинны. Причина в другом. За те восемь-девять лет, что прошли от начала работы над «Озорными рассказами» (когда Бальзаку было тридцать лет) до выхода третьего их десятка, Бальзак изменился и перерос, если можно так выразиться, свое «озорство». Это, надо заметить, сказывается и на сюжетах, и на тональности рассказов, которые постепенно становятся все менее озорными и все более серьезными, а место действия переносится из Турени в Руан, Милан и даже на Сицилию. Сделав крюк, испытав свои силы, доказав самому себе, что он может «пересмеять» великих предшественников, Бальзак вернулся от прошлого к настоящему и к тому, что волновало и его как писателя, и читателей больше, чем анекдоты давно минувших дней, – к «Человеческой комедии». Бальзак еще долго не сдавался, он продолжал работу, надеясь исполнить свое обещание и написать-таки всю сотню, и всегда утверждал, что «Озорные рассказы» – это лучшее из всего им написанного.

Во Франции творение Бальзака подвергли конструктивной критике и оценили по достоинству лишь в XX веке, когда «Озорные рассказы» вошли в изданное в 1932–1933 годах собрание сочинений Бальзака. Затем последовали и другие издания, и в каждом из них критики находили все новые и новые достоинства этого творения и связи между ним и «Человеческой комедией».

Как и положено по законам жанра ренессансной новеллы, каждый рассказ посвящен одному событию или несложной цепочке событий, связанных единством обозначенного конфликта и немногочисленностью персонажей. Событие подается как там-то и тогда-то происшедшее и в то же время необычное, из ряда вон выходящее. Эта необычность подчеркивается неожиданной концовкой и назиданием для читателей. По времени действия «Озорные рассказы» разбросаны по более чем трем векам и тринадцати царствованиям, а местом действия большинства рассказов является Турень, ее населенные пункты и столица, родной город Бальзака – Тур. Турень – историческая провинция, находящаяся на юго-западе от Парижа, которая с 1204 года принадлежала французской короне, а с 1360 года стала герцогством, которое также находилось во владении принцев крови. Это родина Бальзака, край благодатный и прекрасный, прозванный за свое плодородие «садом Франции». Здесь мягкий климат, леса, полные дичи, виноградники, реки Луара, Эндр и Шер и восхитительные пейзажи. Именно в Турени располагаются знаменитые на весь мир королевские замки, которые не раз упоминаются в «Озорных рассказах».

Что касается исторической правды, то Бальзак не всегда сводит концы с концами, но история для него не главное, хотя нередко именно исторические события вмешиваются в судьбу его героев. Главное для писателя – человек со всеми его пороками и достоинствами, чувствами низкими и возвышенными. Ему равно дороги и простая прачка из Портильона, и благородная Берта, и нищий попрошайка, и короли Франции.

Каждого своего персонажа и каждую сцену он описывает столь выразительно, что возникают зримые образы. Неудивительно, что за прошедшие с момента появления на свет «Озорных рассказов» полтора века образовалась целая галерея иллюстраций, созданных в различной манере художниками разных стран. Наряду с французскими художниками Альбером Дюбу (Albert Dubout, 1939), Альбером Робида (Albert Robida, 1925), Жозефом Эмаром (Joseph

Hemard, 1926), Люсьеном Метиве (Lucien Metivet, 1926) иллюстрации к «Озорным рассказам» создали американские художники Ральф Бартон⁴ (Ralph Barton, 1928) и Стил Севедж (Steele Savage, 1955), российская художница Юлия Евстратова (2010) и другие. Богатство бальзаковского сочинения давало простор для творчества художников, а потому, следуя своему воображению и предпочтениям, одни художники подчеркивали комизм персонажей, их уродливость или, напротив, красоту, других привлекала сатира, третьих – эротика. Одни рисовали в реалистической манере, другие – в сказочной, карандашом и кистью, одним словом, отталкиваясь от мира, созданного Бальзаком, они создавали свой мир, образно поясняя и дополняя фантазию писателя.

Однако первым проиллюстрировать «Озорные рассказы» посчастливилось двадцатитрехлетнему Гюставу Доре, и в последующие сто пятьдесят лет никто из художников (по крайней мере по количеству иллюстраций) не смог полностью затмить Доре, поражавшего современников своим неиссякаемым воображением, неутомимостью и трудолюбием.

Почему издатель Арман Дютак доверил этот труд молодому художнику? Помните, как в 1833 году критик упрекал Бальзака за то, что тот не ко времени «вспомнил Рабле»? Так вот, благодаря Гюставу Доре, который в 1853 году проиллюстрировал новое издание «Гаргантюа и Пантагрюэля» и вдохнул в него новую жизнь, французы, а затем и англичане увидели образы героев Рабле и приняли их, как своих старых знакомых. Успех был феноменальным, и на волне этого успеха Дютак решил выпустить «Сто озорных рассказов» с иллюстрациями многообещающего гения.

Художник в манере резкой и даже карикатурной (напомним, что он с пятнадцати лет работал карикатуристом в «Газете для смеха»), часто доходящей до гротеска, схватывает образы героев Бальзака и передает ключевые сцены точно фотограф, побывавший на месте события. И около семидесяти иллюстраций, будто в газете, сопровождаются подписями – цитатами из текста. Сцены народных волнений и военных столкновений ужасают своей дикостью и накалом страстей, и даже природа в изображении Доре исполнена тревоги, как будто где-то рядом притаилась угроза. В работе художника не чувствуется любования прошлым и озорства, она скорее пронизана насмешкой и издевкой, теми самыми, что, по словам Бальзака, свойственны умирающему обществу.

Пролог ко второму десятку Доре украсил метафорическим портретом Бальзака-энтомолога. Писатель смотрит в огромную лупу, записывает свои наблюдения на листке, левая рука его лежит на книге «Чешуекрылые», к столу огромными булавками приколоты фигурки насекомообразных человечков (или человекообразных насекомых), слева валяется потрепанный «Трактат о препарировании», а на заднем плане видны три склянки с заспиртованными зародышами и надписями на латыни. Кроме того, художник увидел Бальзака в описании мэтра Ансо, героя рассказа «Настойчивость любви», того самого, который, будучи подмастерьем, «трудился с превеликим усердием, став мастером, трудолюбие свое умножил, всюду перенимать старался новые приемы ремесла своего, сам придумывал способы поискуснее и на пути исканий набрел на многие открытия». Читатели заметят, что изображения Ансо-Бальзака, наряду с портретом старого Рабле, являются, наверное, самыми светлыми образами, созданными Доре для иллюстрации «Озорных рассказов». Перед третьим прологом изображены беседующие Рабле и Бальзак. Доре назвал эту работу «Отец и сын», а завершил книгу изображением Бальзака в образе императора, окруженного почитателями и хулителями. Слева и как бы в тени Бальзака-императора высится фигура в мантии, и эта фигура, надо полагать, изображает самого Доре, благодаря которому «Озорные рассказы» получили новое измерение.

⁴ В настоящем издании впервые в России воспроизводится комплект иллюстраций Ральфа Бартона, а также избранные иллюстрации Альбера Робиды. – *Примеч. ред.*

В заключение хочется повторить слова Армана Дютака из его предуведомления к «Озорным рассказам»: «Все, кто любит его гений как таковой, все, кто любит наслаждение, которое он нам дарит, и, наконец, все, кто ценит его за услуги, оказанные языку и литературной форме, не в силах предать забвению „Озорные рассказы“, и именно поэтому мы предлагаем читателю их новое издание».

Можно предположить, что и сейчас найдутся «злые люди» (так называл Бальзак своих критиков), которым его любимое детище придется не по вкусу и покажется не ко времени. Что ж, как он сам написал в прологе к пятому десятку, «ему от этого ни жарко ни холодно», а всем, кто способен насладиться «Озорными рассказами», напомним строки из стихотворения Городецкого «Флоренция»:

И в схватках с тьмою очумелой
С Боккаччио смеемся мы,
Читая вольные новеллы,
Спасаящие от чумы.

*Е. Трынкина*⁵
hbc

⁵ Переводы Е. Трынкиной осуществлены по изданию: *Balzac H. de. Oeuvres diverses*. Т. I. Paris: Gaillimard, 1990 (Bibliothèque de la Pléiade). Переводы С. Вышеславцевой и Н. Соколовой воспроизводятся (с незначительными поправками) по изданию: *Бальзак О. де. Собрание сочинений* в 15 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 14.

Озорные рассказы

Предисловие к изданию 1855 года

6

Издатель не рискнул бы опубликовать эту книгу, не будь она произведением искусства в полном смысле этого слова – слова, которое в наши дни стало слишком расхожим. Однако он счел, что добросовестные критики и искушенные читатели, взяв в руки «Сто озорных рассказов»⁷, вспомнят широко известные прецеденты, оправдывающие сие смелое предприятие, коего дерзость и чреватость опасностями автор его полностью сознавал.

Тот, кому еще дорога литература, не отречется от королевы Наваррской⁸, Боккаччо⁹, Рабле¹⁰, Ариосто¹¹, Вервиля¹² и Лафонтена¹³ – редких для нового времени гениев, каждый из

⁶ Это предисловие предвляло издание 1855 года, в которое вошли все три десятка озорных рассказов и которое было проиллюстрировано Гюставом Доре. Автором его является душеприказчик Бальзака, публицист и издатель Арман Дютак (1810–1856), возглавлявший парижскую издательскую компанию «Ez bureaux de la Société Générale de Librairie».

⁷ «Сто озорных рассказов». – Первоначально Бальзак намеревался написать именно сто новелл, и потому первое издание первого десятка вышло в парижском издательстве «Gosselin», возглавлял которое Шарль Госслен (1793–1859), под названием «Сто озорных рассказов». Бальзак своего замысла полностью не осуществил, а выпустил в общей сложности тридцать историй, которые публиковал «десятками» в 1832, 1833 и 1837 годах. Сохранились рассказы, наброски и планы, сочиненные Бальзаком для четвертого, пятого и десятого десятков, которые впервые были опубликованы во Франции в 1990 году.

⁸ *Королева Наваррская* – Маргарита (1492–1549), сестра короля Франциска I, с которым ее связывала крепкая дружба, жена Генриха д'Альбре, короля Наваррского. Одна из первых женщин-писательниц во Франции, автор сборника новелл «Гептамерон» и других сочинений.

⁹ *Боккаччо* Джованни (1313–1375) – итальянский писатель, представитель литературы эпохи Раннего Возрождения, автор «Декамерона» – сборника новелл, проникнутых духом свободомыслия и антиклерикализма, жизнерадостным юмором и гуманизмом.

¹⁰ *Рабле* Франсуа (ок. 1494–1553) – французский писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

¹¹ *Ариосто* Лудовико (1474–1533) – итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения, автор поэмы «Неистовый Роланд», которая полюбилась итальянскому народу за новизну, полноту человеческих чувств и радостное ощущение жизни, однако подвергалась и критике за «несерьезность», «безнравственность» и «отход от признанных образцов».

¹² *Вервиль* Франсуа Бироальд де (1556–1626) – псевдоним французского писателя Франсуа Ватабля Бруара, который последние годы своей жизни провел в Туре. Автор книги «Способ выйти в люди», которая так же, как и сочинения Рабле, «заразила» Бальзака желанием написать рассказы в духе эпохи Возрождения.

¹³ *Лафонтен* Жан де (1621–1695) – автор басен, считающихся шедеврами французской и мировой литературы, и фривольных сказок, писатель, учивший трезвому взгляду на жизнь, умению пользоваться обстоятельствами, полагаться на собственные силы и, несмотря ни на что, смеяться, а не лить слезы.

которых, за вычетом сцены, стоил Мольера. Вместо того чтобы живописать чувства, большинство из них воссоздавало эпоху: и потому, чем ближе тот час, когда литература умрет, тем больше мы ценим эти старые книги, позволяющие вдохнуть свежий аромат простодушия, пронизанные смехом, коего лишен современный театр, называющие вещи своими именами, написанные языком живым и терпким, прибегнуть к которому сейчас уже никто не осмеливается даже в мыслях.

Понимание – вот чего ждет рассказчик, который не то чтобы считает себя наследником основоположников, но всего лишь идет по пути, уже пройденному и, казалось бы, закрытому прекрасными гениями, пути, успех на котором стал как будто невозможен в тот день, когда наш язык утратил свою первозданную наивность. Мог ли Лафонтен написать «Влюбленную куртизанку» в стиле Ж.-Ж. Руссо? Издатель позаимствовал эту ремарку у автора, дабы оправдать вышедшие из употребления обороты, используемые в этих рассказах: ко всем препятствиям, мешавшим осуществлению своего замысла, писатель добавил еще и непопулярный стиль.

Во Франции многие сейчас страдают от англицизмов и жаргона, на который часто сетовал лорд Байрон. Эти люди, краснеющие от милых откровенностей, которые в прошлом заставляли смеяться принцесс и королей, облачили в траур нашу древнюю физиономию и убедили самый веселый и остроумный народ в мире, что смеяться подобает лишь благопристойно, прячась за веером, они забыли о том, что смех как дитя малое, которое бесстрашно играет с тиграми, мечами и коронами.

При подобных нравах только талант может спасти от наказания автора «Озорных рассказов», однако, не желая все же рисковать, он осмелился представить на суд публики лишь первые десять рассказов. Мы же, преисполненные глубокой веры в читателя и автора, надеемся в скором времени выпустить еще десять, ибо не боимся ни книги, ни упреков.

И почему мы поносим в литературе то, что заслужило признание на художественных выставках, – поиски Делакруа, Девериа, Шенавара и многих великих художников Средних веков? Если мы признаём живопись, витражи, мебель и скульптуру эпохи Возрождения, то почему надо объявлять вне закона веселые новеллы, смешные стихи и сказки?

Дебют этой музыки, ничуть не озабоченной своей наготой, нуждается в горячих защитниках и доброжелательной поддержке, и, может статься, таковые найдутся среди людей, чей вкус и порядочность не вызывают сомнений.

Издатель почел своим долгом дать это предуведомление всему свету. Что касается оправданий авторских, то они являются неотъемлемой частью его книги.

Март, 1832

Мы посчитали необходимым воспроизвести здесь предисловие, которым автор, назвавшись издателем, предварил первое издание первого десятка озорных рассказов. В нем он четко сформулировал собственный взгляд на нравственное значение своего сочинения. При всей известной высокодуховности, присущей его идеям и произведениям, автор «Человеческой комедии» подозревал, что на книгу, которую он считал своим шедевром, обрушится фарисейская критика, и, как видим, ответил на нее заранее, и этот глубокий по смыслу и ясный по форме ответ проливает свет и исключает всяческие споры.

Книга Бальзака на самом деле не просто произведение искусства в духе Дон Жуана, Пантагрюэля, поэм Пульчи¹⁴ и тому подобных книг, украшающих библиотеки самых строгих ценителей литературы, она, и не надо об этом забывать, есть продукт литературной археологии. В эпоху, ставшую эпохой обновления и которую историки литературы еще будут порицать, моло-

¹⁴ Пульчи Луиджи (1432–1484) – итальянский поэт-гуманист, прославившийся своей героико-комической эпикой «Морганте».

дой горячий Бальзак, достигший того возраста, когда одаренные буйной фантазией люди пьянеют от самих себя и, словно вакханки, наслаждаются собственными дарованиями, Бальзаку захотелось воскресить язык и дух прошлого. Он подражает Рабле, как иные подражали Ронсару¹⁵, и пишет «Озорные рассказы» на чудесном языке шестнадцатого столетия – языке роскошном, насыщенном, свежем и лучезарном, освещающем мрак, подобно Авроре Корреджо, поднимающейся над чашей священного леса!

Таков был замысел Бальзака, и таково его произведение. Это добросовестные литературные раскопки, лишенные любых макиавеллиевских уловок, к которым прибегают литературные мистификаторы типа макферсонов, чаттертонов и многие другие. Бальзак в один прекрасный день решил, что было бы хорошо либо для услаждения собственного его ума, либо в более широких и возвышенных интересах пойти по пути подражания образцам, от которых в последнее время отвернулись, возможно слишком резко; и оказалось, что этот великий словесник, любивший французский язык, как родную мать, создал такое чудесное подражание, что оно стоит дороже иного оригинального произведения. Этого художника влекла лишь красота, он, подобно античному бегуну, гнался за нею с факелом в руках и наполнил опустевшие матрицы Рабле, Монтеня¹⁶ и Ренье¹⁷ своей молодой, бурлящей гением кровью и напоил их своими жизненными соками. Все, кто любит его гений как таковой, все, кто любит наслаждение, которое он нам дарит, и, наконец, все, кто ценит его за услуги, оказанные языку и литературной форме, не в силах предать забвению «Озорные рассказы», и именно поэтому мы предлагаем читателю их новое издание.

Первое издание показалось нам неполным и недостойным гения их автора, который, повторяем, ценил свои «Озорные рассказы» и любил их как шедевр, который стоил ему наибольших трудов. Оно показалось нам недостойным как огромного числа почитателей этого произведения, так и его славы. Сочинение, стоящее в стороне от «Человеческой комедии», сочинение исключительное, требовало особого подхода, и нам захотелось, чтобы ларчик был достоин жемчужины, и ради этого мы были готовы на все. Молодой художник, такой же в своем деле изобретатель, каким был изобретатель «Озорных рассказов», господин Гюстав Доре, вдохновленный Бальзаком так же, как Бальзак вдохновился примером Рабле и Боккаччо, придал в свою очередь новую форму «Озорным рассказам», форму пластическую, которая облакает в зримые образы картины, созданные словом. Иллюстрации, это украшение книг, сообщают новому изданию всю свою роскошь и будут содействовать ее новому успеху.

Август, 1855

¹⁵ Ронсар Пьер де (1524–1585) – поэт-лирик, создатель новых поэтических форм и размеров.

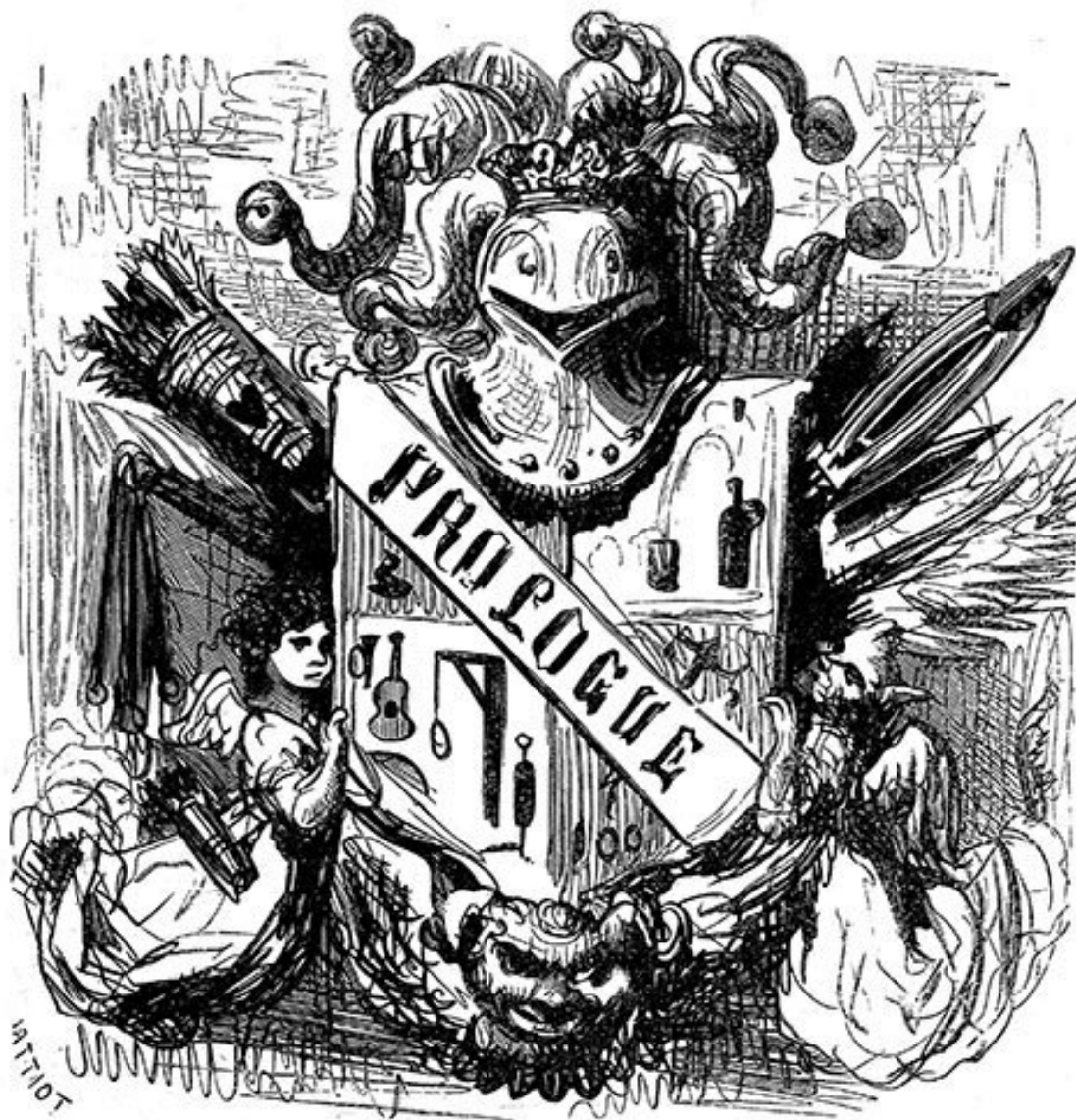
¹⁶ Монтень Мишель де (1533–1592) – писатель и философ, автор книги «Опыты».

¹⁷ Ренье Матюрен (1573–1613) – французский поэт-сатирик.

Первый десяток

Пролог

Сие есть книга высокого варения, полная утех тонких и приправ пряных, приуготовленная для тех досточтимых венериков и достославных пьяниц, к коим обращался наш высокоуважаемый единоземец и вечная слава Турени – Франсуа Рабле. Не сказать, чтобы автору в самомнении его мало быть добрым туренцем и смешить отъявленных сластолюбцев сего милого тучного края, богатого на рогоносцев, проказников и шутников, как никакая другая земля, – края, одарившего Францию знаменитостями вроде покойного остро слова Курье¹⁸, Вервиля, сочинившего «Способ выйти в люди», и многих иных не менее известных личностей, из списка коих мы вычеркнули Декарта¹⁹ ввиду насупистости оногo и за то, что он восславлял пустопорожные мечтания, а не вино и лакомства. Любоумра сего все пирожники и мясники Тура чураются, как огня, знать его не хотят и слышать о нем не желают, а коли все же услышат

¹⁸ Курье Поль-Луи де Мерэ (1772–1825) – французский ученый и памфлетист, противник реставрации, либерал и антиклерикал. Погиб в своем имении в Турени. За свои остроумнейшие и злые памфлеты неоднократно подвергался судебному преследованию и тюремному заключению.

¹⁹ Декарт Рене (1596–1650) – математик, физик, философ родом из Турени, один из величайших умов эпохи Возрождения. Подвергался травле за вольнодумство и в 1649 году переехал в Стокгольм.

его имя, вопрошают: «А он из каких краев?» Так вот, книга сия есть продукт веселого досуга добрых старых монахов, которые еще обретаются кое-где по соседству с Туром, скажем, в Гренадьере-ле-Сен-Сир, Саше, Азе-лё-Риделе, Мармустье, Верете и Рошкорбоне. Дряхлые каноники и дерзкие жены, знававшие еще то славное времечко, когда можно было хохотать без оглядки и не боясь лопнуть, – это чистый кладезь прелестных историй. Нынче же дамы смеются украдкой, что подходит нашей жизнерадостной Франции, как корове седло, а королеве маслобойка. А поскольку смех – это привилегия, дарованная свыше только человеку, коему хватает поводов для слез из-за разных политических свобод, чтобы вдобавок еще и над книжками плакать, я решил, что будет чертовски патриотичным выпустить в свет толику веселостей тогда, когда скука льется на нас мелким ситничком и не только пронизывает нас до мозга костей, но и растворяет наши древние обычаи, согласно коим смех является увеселением народным. Увы, мало осталось тех старых пантагрюэлистов, кои предоставляли Богу и королю делать свое дело и, довольствуясь смехом, не слишком-то докучали своей пастве, теперь их не сыщешь днем с огнем, так что я вельми опасаюсь, что сии почтенные фрагменты старых настольных книг будут освистаны, ошиканы, охаяны, опорочены и осуждены, что меня отнюдь не позабавит, ибо я питаю и всячески выказываю огромное почтение к нашим добрым галльским насмешникам.

Знайте же, злобные критиканы, белибердоносцы и гарпии, вы, втапывающие в грязь находки и выдумки всех и каждого, мы смеемся только в детстве, и чем мы старше, тем реже звучит наш смех: он затухает и хиреет, словно огонек в лампаде. Сие означает, что, дабы смеяться, надобно быть невинным и чистым душою, в противном случае вы кривите рот, кусаете губы и хмурите брови, как всякий, кто пытается скрыть свои пороки и нечистые помыслы. Посему смотрите на это сочинение как на статую или группу статуй, некоторые особенности

коих художник никак не может скрыть, и был бы он дурак дураком, коли заменил бы их фиговыми листочками, ибо подобные изваяния, как и эта книга, для монастырей не предназначены. Однако же я хоть и с отвращением великим, но позаботился о том, чтобы выдолбить из рукописей старые и уже мало кому понятные слова, которые могли бы поранить уши, ослепить глаза, вогнать в краску щеки и порвать уста девственниц с гульфиками и целомудренных при трех любовниках особ, ибо подобает всячески подстраиваться под пороки своего времени, а иносказание гораздо галантнее слова! Надобно признать, мы стары и посему находим, что длиннющие окоlesiны лучше коротких безумств нашей юности, хотя они услаждали нас дольше и больше. Следовательно, избавьте меня от вашего злословья и, дабы книга моя дала жару, читайте ее не днем, а на ночь, и, главное, не давайте ее девственницам, ежели паче чаяния таковые еще где-то обретаются. Оставляю вас с ней наедине, вовсе за нее не опасаясь, ибо она родом из благодатного края – все, что вышло из него, имело большой успех. Это доказывают королевские ордена Золотого Руна, Духа Святого, Подвязки, Бани и многие другие примечательные штуковины, коими наградили тех, в чьей тени я скромно прячусь.

Итак, милые мои, развлекайтесь и – телу во здравие, чреслам на пользу – веселитесь, читая мою книгу, и чума вас возьми, коли, все прочитав, вы не помянете меня добрым словом. Слова эти принадлежат нашему доброму учителю Рабле, царю здравомыслия и комедии, перед которым мы все должны снять шляпу в знак почтения и признательности.

Красавица Империя

Время действия: конец 1415 года.

Отправляясь на Констанцкий собор²⁰, архиепископ города Бордо принял в свиту свою турского священника – прелестного обхождением и речами юношу, который считался сыном куртизанки и некоего губернатора. Епископ Турский с охотой уступил юношу своему другу, когда тот через город Тур следовал, ибо архипастыри привыкли оказывать друг другу подобные услуги, ведая, как досадить может богословский зуд. Итак, молодой священнослужитель прибыл в Констанц и поселился в доме у своего прелата, мужа преученого и строгих правил.

²⁰ *Констанцкий собор* – был созван в 1414 году в городе Констанце на Рейне и продолжался до 1418 года. Главной задачей собора было прекратить церковную схизму (раскол) и покончить с троепапством. Соборные отцы низложили всех трех пап и избрали нового – Оддоне Колонну (1368–1431), принявшего имя Мартин V. Именно этот собор приговорил к сожжению чешского реформатора Яна Гуса. Собор восстановил единство католической церкви, но привел к кровопролитным Гуситским войнам.

Наш священник, прозывавшийся Филиппом де Мала, положил вести себя добронравно и со всем тщанием служить своему попечителю, но вскоре увидел он, что многие, прибывшие на славный собор, самую рассеянную жизнь вели, за что не только индульгенций не лишались, а даже более их имели, нежели иные разумные добропорядочные люди, а сверх того удостаивались еще и золотых монет и прочих доходов. И вот как-то в ночь, роковую для добродетели нашего монаха, дьявол тихохонько шепнул ему на ухо, чтобы он от благ земных не отвращался, ибо каждый да черпает в неоскудеваемом лоне святой нашей матери церкви, и таковое неоскудение есть чудо, доказывающее наивернейшим образом бытие Божие. Наш священник внял советам дьявола. И тут же порешил обойти все констанцские кабачки, всех немецких удовольствий испробовать даром, если представится случай, ибо у него за душой не было ни гроша. А так как до той поры Филипп был поведения скромного, во всем следуя престарелому своему пастырю, который – не по доброй воле, а по немощи своей – плотского греха чурался и даже через это прослыл святым, наш юноша часто терзался жгучим вожделением и впадал в великое уныние. Причиной тому было множество прелестных полнотелых красоток, весьма, впрочем, к бедному люду суровых и обитавших в Констанце ради просветления умов святых отцов, участников Собора. И тем сильнее распалялся Филипп, что не знал, как подступиться к сим роскошным павам, кои помыкали кардиналами, аббатами, аудиторами, римскими легатами, епископами, герцогами и маркграфами разными, словно самой последней церковной братией. Прочитав вечернюю молитву, юноша твердил мысленно разные нежные слова, предназначенные для прелестниц, упражняясь в пресладостном молитвословии любви. Тем самым подготавливался он ко всем возможным случаям. А на следующий день, если он, направляясь ко всенощной, встречал какую-либо из этих принцесс, прекрасную собою, надменно возлежащую на подушках в своих носилках, в сопровождении горделивых пажей при оружии, он останавливался, разиня рот, словно пес, нацелившийся на муху. И от созерцания холодного лица красавицы его еще пуще бросало в жар.

Секретарь епископа, дворянин из Перигора, как-то раз поведал ему, что все эти святые отцы, прокуроры и аудиторы римские, желая попасть в дом к такой красотке, весьма щедро одаряют ее, и отнюдь не святыми реликвиями и индульгенциями, а напротив того – драгоценными камнями и золотом, ибо тех кошечек соборные вельможи лелеют и оказывают им высокое покровительство. Тогда наш бедный туренец, как ни был он прост и робок, стал припрятывать под матрац жалкие свои гроши, получаемые от епископа за то, что перебелил его бумаги, в надежде, что со временем соберется у него довольно денег, дабы хоть издали взглянуть на кардинальскую наложницу, а далее он уповал на милость Божию. И, будучи сущим младенцем по разуму, он столько же сходствовал с мужчиною, сколько коза в ночном мраке похожа на девицу. Однако, влекомый желанием своим, бродил он вечерами по улицам Констанца, нисколько об опасностях не помышляя, ни даже о мечях грозной стражи, и дерзко выслеживал святых отцов, когда они к любовницам своим пробирались. И тут он видел, как зажигались в доме огни, как освещались окна и двери. Потом внимал он веселью блаженных аббатов и других прочих, когда те, отведав роскошных вин и яств, затягивали тайную аллилуйю, рассеянным ухом внимая музыке, которой их угощали. Повара на кухне совершали поистине чудеса, как бы творя обедни наваристых супов, утрени окорочков, вечерни лакомых паштетов и вознося славословие сластей; а уж после возлияний пресвятые отцы умолкали. Младые их пажи играли в кости у порога, ретивые мулы брыкались на улице. Все шло отменно. И вера и страх Божий всему сопутствовали. А вот беднягу Гуса предали огню. За какую вину? За то, что полез рукою без спроса в блюдо. Зачем было соваться в гугеноты до времени, раньше других?

Премиленький наш монашек частенько получал затрешины или хватал тумаки, но дьявол поддерживал и укреплял в нем надежду, что рано или поздно настанет и его черед и выйдет он сам в кардиналы у какой-нибудь кардинальской наложницы. Возгоревшись желанием, стал он смел, словно олень по осени, и даже настолько, что как-то вечером пробрался в красивейший из домов Констанца, на лестнице коего он часто видел офицеров, сенешалей, слуг и пажей, с факелами в руках ожидающих своих господ – герцогов, королей, кардиналов и епископов.

«Ага! – сказал про себя наш монах. – Здешняя прелестница, должно быть, самая прекрасная и есть!»

Вооруженный страж пропустил Филиппа, думая, что юноша состоит в свите баварского электора²¹ и, верно, послан с каким-нибудь поручением от одного герцога, только что покинувшего дом красавицы. Быстрее гончего пса в любовном раже взбежал наш монашек по ступеням, влекомый сладостным запахом духов, до самой той комнаты, где раздевалась хозяйка,

²¹ Электор – в феодальной Германии титул, присваивавшийся владетельным князьям, имевшим право участвовать в выборах императора.

болтая со своими служанками. И встал он как вкопанный, трепеща, словно вор, застигнутый стражником. Красавица скинула уже платье. Служанки хлопотали над ее разуванием и раздеванием и столь проворно и откровенно обнажили ее прекрасный стан, что зачарованный попик успел только громкое «ах!» воскликнуть, и в этом возгласе была сама любовь.

- Что вам нужно, мой мальчик? – спросила дама.
- Душу мою вам предать, – отвечивал тот, пожирая ее взором.
- Можете прийти завтра, – промолвила она, желая потешиться над юношей.
- На что Филипп, весь зардевшись, отвечал:
- Долгом своим почту!

Хозяйка громко засмеялась. А Филипп, в блаженном смятении, не трогаясь с места, взором ласкал ее прелести, зовущие любовь, как то: волосы, ниспадающие вдоль спины, слоновой кости глаже, а сквозь кудри, рассыпавшиеся по плечам, атласом отливала кожа белее снега. На чистом челе красавицы горел рубиновый подвесок, но огненными своими переливами он уступал блеску ее черных очей, увлажненных слезами, кои вызваны были неудержимым смехом. Играючи, она даже подкинула востроносую тувельку, всю раззолоченную, словно дароносица, и, от хохота изогнувшись, показала свою босую ножку, величиной с лебязий клювик. К счастью для юного попа, красавица была в тот вечер весела, а то вылететь бы ему прямо из окна, ибо и знатнейшего епископа могла при случае постичь та же участь.

– У него красивые глаза, – промолвила одна из служанок.

– Откуда он взялся? – спросила другая.

– Бедное дитя! – воскликнула Империя²². – Его, наверное, мать ищет. Надобно нам наставить его на путь истинный!

²² *Империя* (Империя) – знаменитая римская куртизанка (1455/ 1485–1511). В 1993 году в Констанце на берегу Боденского озера была открыта девятиметровая статуя «Империя» (автор Петер Ленк) в память об описанных Бальзаком временах Констанцкого собора. Эта статуя стала символом Констанца. В левой руке статуя держит гротескную фигурку папы римского, в правой – изображение императора Сигизмунда.

Расторопный наш туренец, нимало не теряясь, с упоением воззрелся на ложе, покрытое золотой парчой, где собиралась отдыхать прекрасная блудница. Влажный его взгляд, умудренный силою любви, разбудил воображение госпожи Империи, и, покоренная красавчиком, она не то шутя, не то всерьез повторила: «Завтра...» – и отослала его, властно махнув рукою, мановению которой покорился бы сам папа Иоанн²³, тем более сейчас, когда был он подобен улитке, лишенной раковины, ибо Констанцкий собор только что его обезвятиканил.

– Ах, госпожа, вот и еще один обет целомудрия полинял от любовного жара, – промолвила прислужница.

²³ *Иоанн XXIII* (1370–1419) – был избран на папский престол небольшим числом кардиналов на Пизанском соборе 1410 года, тогда как остальные кардиналы признавали «авиньонского» папу Бенедикта XIII. Приехав в Констанц и убедившись в том, что не может рассчитывать на поддержку большинства, ибо известен был своей жестокостью, жадностью и иными злодеяниями, Иоанн решил бежать, но был схвачен и лишен сана.

Смех возобновился, шутки посыпались градом, Филипп ушел, стукнувшись головой о косяк, и долго не мог опомниться, как встрепанная ворона, – столь пленительна, подобно сирене, выходящей из вод, была госпожа Империа. И, запомнив зверей, искусно вырезанных на дверных наличниках, Филипп вернулся к своему добродушному пастырю с дьявольским вождением в сердце и ошеломленный виденным до самой глубины своего естества. Поднявшись в отведенную ему каморку, он всю ночь напролет считал и пересчитывал свои гроши, но больше четырех монет, называемых «ангелами», ничего не обнаружил, и, так как не было у бедняги иного состояния, понадеялся он убоготворить красавицу, отдав ей все, чем владел в этом мире.

– Что с тобою, сын мой? – спросил его добрый архиепископ, обеспокоившись возней и вздохами монашка.

– Ах, монсеньор! – отвечивал бедный. – Я дивлюсь, как сие возможно, чтобы столь легковесная и красивая дама таким непереносимым грузом лежала на сердце.

– Какая же? – спросил архиепископ, отложивший требник, который читал он для виду.

– Господи Иисусе, вы станете укорять меня, отец мой и покровитель, за то, что я посмел улицезреть возлюбленную кардинала, а может, и того знатнее. И я возрыдал, увидя, как мало имею я этих треклятых монет, дабы с благословения вашего наставить грешницу на путь добра.

Архиепископ собрал на челе своем, над самым носом, морщины наподобие треугольника и не изрек ничего. А смиренный Филипп дрожал всем телом оттого, что отважился исповедоваться пред своим высоким наставником. Святой отец только спросил его:

– Стало быть, она весьма дорогая?

– Ах, – воскликнул монашек, – она обчистила немало митр и облупила не один жезл.

– Итак, Филипп, ежели отречешься от нее, я выдам тебе тридцать «ангелов» из казны для бедных.

– Ах, святой отец, это будет для меня весьма убыточно, – отвечивал юноша, пылая при мысли о наслаждениях, каковые обещал себе изведать.

– О Филипп, – промолвил добрый пастырь, – неужели ты решился предать себя в лапы дьявола и прогневать Господа, уподобившись всем нашим кардиналам?

И учитель, сокрушенный скорбью, стал молить святого Гатьена, покровителя девственников, дабы тот оградил смиренного слугу своего. А молодому грешнику приказал коленопреклоненно молить заступника своего Филиппа; но окаянный монах просил у небесного своего предстателя совсем иного: помочь ему не оплошать, когда отдаст он себя на милость и волю прелестницы. Добрый архиепископ, видя прилежное моление юноши, воскликнул:

– Крепись, сын мой! Небо тебя услышит.

Наутро, пока старец, покровитель Филиппа, изобличал на Соборе распутство христианских апостолов, юноша истратил свои тяжким трудом добытые денежки на благовония, притирания, паровую баню и на иные суеты и стал до того хорош, что можно было его принять за любовника какой-нибудь куртизанки. Через весь город Констанц направился он отыскивать дом королевы своего сердца, и, когда спросил у прохожих, кому принадлежит названное жилище, те засмеялись ему в лицо, говоря:

– Откуда такой сопляк взялся, что никогда не слыхал о красавице Империи?

Услышав имя Империи, он понял, в сколь ужасную западню лезет сам себе на погибель, и испугался, что прикопленные им «ангелы» он дьяволу под хвост выбросил.

Из всех куртизанок Империя почиталась самой роскошной и слыла к тому же взбалмошной, и вдобавок была она прекрасна, словно богиня; и не было ее ловчее в искусстве водить за нос кардиналов, укрощать свирепейших вояк и притеснителей народа. При особе ее состояли лихие капитаны, лучники, дворяне, готовые служить ей во всяком деле. Единое ее гневное слово любому не угодившему ей могло стоять головы. И такую же погибель несла любезная ее улыбка, ибо не единожды мессир Бодрикур, военачальник, на службе короля французского состоявший, вопрошал, нет ли такого, кого сей же час ради нее надлежит убить, чтобы посмеяться над святыми отцами.

Важнейшим особам духовного звания госпожа Империа вовремя умела ласково улыбнуться и вертела всеми как хотела, будучи бойка на язык и искусна в любви, так что и самые добродетельные, самые холодные сердцем попадались, как птицы в тенета. И потому она жила, любима и уважаема, не хуже родовитых дам и принцесс, и, обращаясь к ней, называли ее «госпожа Империа». Одной знатной и строгого поведения даме, которая сетовала на то, сам император Сигизмунд²⁴ отвечивал, что они-де, благородные дамы, суть блюстительницы мудрых правил святейшей добродетели, а госпожа Империа хранит сладостные заблуждения богини

²⁴ Сигизмунд I Люксембургский (1368–1437) – король Германии с 1410 года, император Священной Римской империи с 1433 года. Являлся одной из движущих сил Констанцкого собора и хитростью добился казни Яна Гуса.

Венеры. Слова, доброго христианина достойные, и несправедливо ими возмущались благородные дамы.

Итак, Филипп, вспоминая прелести, кои он с восторгом лицезрел накануне, опасался, что этим дело и кончится, и тяжело огорчился. Он бродил по улицам, не пил, не ел, ожидая своего часа, хотя был достаточно привлекателен собою, весьма обходителен и мог найти себе красавиц, менее жестокосердых и более доступных, нежели госпожа Империа.

С наступлением ночи молодой наш туренец, подстрекаемый самолюбием и обуреваемый страстью, задыхаясь от волнения, проскользнул, как уж, в жилище истинной королевы собора, ибо пред нею склоняли главы свои все столпы церкви, мужи закона и науки христианнейшей.

Дворецкий не признал Филиппа и хотел было вытолкать его вон, когда служанка крикнула сверху лестницы:

– Эй, мессир Имбер, это дружок нашей госпожи.

И бедняга Филипп, вспыхнув, как факел в брачную ночь, поднялся по лестнице, спотыкаясь от счастья и предвкушая близкое уже блаженство. Служанка взяла его за руку и повела в залу, где в нетерпении ждала госпожа Империа, одетая, как подобает жене многоопытной и чающей удовольствий. Империа, сияя красотой, сидела за столом, покрытым бархатною скатертью, расшитой золотом и уставленной отменными напитками. Вина во флягах и кубках, одним своим видом возбуждающие жажду, бутылки с гипокрасом²⁵, кувшины с добрым кипрским, коробочки с пряностями, зажаренные павлины, приправы из зелени, посоленные окорочка – все это восхитило бы взор влюбленного монашка, если бы не так сильно любил он красавицу Империю. А она сразу же заметила, что юноша очей от нее не может оторвать. Хоть и не в диковинку были ей поклонения бесстыжих попов, терявших голову от ее красоты, все же она возрадовалась, ибо за ночь совсем влюбилась в злосчастного юнца, и весь день он не давал покоя ее сердцу. Все ставни были закрыты. Хозяйка дома была в наилучшем расположении духа и в таком наряде, словно готовилась принять имперского принца. И наш хитрый монашек, восхищенный райскою красою Империи, понял, что ни императору, ни бургграфу, ни даже кардиналу, накануне избрания в папы, не одолеть его в тот вечер – его, бедного служку, у коего за душой нет ничего, кроме дьявола и любви. Он поспешил поклониться с изяществом, которому мог позавидовать любой кавалер. И за то дама сказала, одарив его жгучим взором:

– Садитесь рядом со мною, я хочу видеть, переменились ли вы со вчерашнего дня.

– О да, – отвечивал Филипп.

– А чем же?

– Вчера, – продолжал наш хитрец, – я любил вас, а нынче вечером мы любим друг друга, и из бедного страдальца я стал богаче короля.

– Ах ты, малыш, малыш! – воскликнула она весело. – Ты, я вижу, и впрямь переменился: из молодого священника стал старым дьяволом.

²⁵ Гипокрас – в прежние времена так называли ликер домашнего приготовления.

И они сели рядышком возле жаркого огня, от которого по всему их телу еще сильнее разливалось любовное опьянение. Они так и не начинали ужинать, не касались яств, глаз не отрывали друг от друга. И когда наконец расположились привольно и с удобством, раздался неприятный для слуха госпожи Империи шум, будто невеста сколько людей вопили и дрались у входа в дом.

– Госпожа, – доложила вбежавшая служанка, – а вот еще другой!

– Кто? – вскричала Империя высокомерно, как разгневанный тиран, встретивший препону своим желаниям.

– Куарский епископ хочет поговорить с вами.

– Чтоб его черти побрали! – ответствовала Империя, взглянув умильно на Филиппа.

– Госпожа, он заметил сквозь ставни свет и расшумелся.

– Скажи ему, что я в лихорадке, и ты не солжешь, ибо я больна этим милым монашком, так он мне вскружил голову.

Но не успела она произнести эти слова, пожимая с чувством Филиппу руку, пылавшую от любовного жара, как тучный епископ Куарский²⁶ ввалился в залу, пыхтя от гнева. Слуги

²⁶ *Епископ Куарский* — Жеан Абонди, один из видных участников Констанцского собора. Куар (по-немецки Кур) – столица швейцарского кантона Граубюнден.

его, следовавшие за ним, внесли на золотом блюде приготовленную по монастырскому уставу форель, только что выловленную из Рейна, затем пряности в великолепных коробочках и тысячу лакомств, как то: ликеры и компоты, сваренные святыми монахинями из аббатства Куарского.

– Ага! – громогласно возопил епископ. – Почто вы, душенька, торопите меня на вертел к дьяволу, я и сам сумею к нему отправиться во благовремение.

– Из вашего брюха когда-нибудь сделают изрядные ножны для шпаги, – ответствовала Империя, нахмуря брови, и всякого, кто узрел бы грозное ее чело, еще недавно ясное и приветливое, пробрала бы дрожь.

– А этот служка ныне уже участвует в обедне? – свирепо спросил епископ, поворачивая к прекрасному Филиппу свое широкое и багровое лицо.

– Монсеньор, я здесь, дабы исповедовать госпожу Империю.

– Как, разве ты канона не ведаешь? Исповедовать дам в сей ночной час положено лишь епископам. Чтобы духу твоего здесь не было! Иди пасись с монахами своего чина и не смей носа сюда показывать, иначе отлучу тебя от церкви.

– Ни с места! – воскликнула, разъярясь, госпожа Империя, еще прекраснее в гневе, нежели в любви, а в то мгновение в ней сочетались и любовь и гнев. – Оставайтесь, друг мой, вы здесь у себя.

Тогда Филипп уразумел, что он воистину ее возлюбленный.

– Разве не поучает нас Писание и премудрость евангельская, что вы оба равны будете перед ликом Господним в долине Иосафатской? – спросила госпожа Империа у епископа.

– Сие есть измышление дьявола, каковой своих адских выдумок к Библии подмешал, но так и впрямь написано, – отвечивал тупоумный толстяк, епископ Куарский, поспешая к столу.

– Ну так будьте же равны передо мною, истинной вашей богиней на земле, – промолвила Империа, – а то я прикажу вас превежливо задушить чрез несколько дней, сдавив хорошенько то место, где голова к плечам приделана. Клянусь в том всемогуществом моей тонзуры, которая ничуть не хуже папской! – И, желая присовокупить к трапезе форель, принесенную епископом, равно как и пряности и сласти, она сказала: – Садитесь и пейте.

Но хитрой девке не впервой было проказничать, и она подмигнула милому своему: пренебреги этим тевтоном, чем больше он отведаёт разных вин, тем скорее придет наш час.

Прислужница усадила епископа за стол и захлопотала вокруг него; тем временем Филипп онемел от ярости, ибо видел уже, что счастье его рассеивается как дым, и в мыслях посылал епископа ко всем чертям, коих сулил ему больше, чем существует монахов на земле. Трапеза близилась к концу, но наш Филипп к яствам не прикоснулся, он алкал одной лишь Империи и, прижавшись к ней, сидел, не говоря ни слова, кроме как на том прекрасном наречии, которое ведомо всем дамам и не требует ни точек, ни запятых, ни знаков восклицания, ни заглавных букв, заставок, толкований и картинок. Тучный епископ Куарский, весьма сластолюбивый и превыше всего радеющий о своей брэнной шкуре, в каковую его заправила покойная мать, пил гипокрас, щедро наливаемый ему нежною рукою хозяйки, и уже начал икать, когда раздался громкий шум приближавшейся по улице кавалькады. Топот множества лошадей, покрики пажей – го! го! – возвещали, что прибывает некий вельможа, одержимый любовью. И точно. Вскоре в залу вошел кардинал Рагузский, которому слуги Империи не посмели не открыть дверей. Злосчастная куртизанка и ее любовник стояли в смущении и расстройстве,

словно пораженные проказой, ибо лучше было бы искусить самого дьявола, нежели отринуть кардинала, тем паче в тот час, когда никто не ведал, кому быть папой, ибо три притязателя на папский престол уже отказались от тиары к вящему благу христианского мира.

Кардинал, хитроумный и весьма бородатый итальянец, слывший ловким спорщиком в богословских вопросах и первым запевалой на всем соборе, разгадал, долго не раздумывая, альфу и омегу этой истории. Поразмыслив с минуту, он уже придумал, как действовать, чтобы ублажить себя без лишних хлопот. Он примчался, гонимый монашеским сластолюбием, и, чтобы заполучить свою добычу, не дрогнув заколол бы двух монахов и продал бы свою частицу честного Креста Господня, что, конечно, достойно всяческого осуждения.

– Эй, дружок, – обратился он к Филиппу, подзывая его к себе.

Бедный туренец, ни жив ни мертв от страха, решив, что сам дьявол вмешался в его дела, встал и отвечивал грозному кардиналу:

– К вашим услугам!

Последний взял его под руку, увел на ступени лестницы и, поглядев ему прямо в глаза, начал не мешкая:

– Черт возьми, ты славный малый, так не вынуждай же меня извещать твоего пастыря, сколько весят твои потроха. Могу же я потешить себя на старости лет, а за содеянное расквитаться благочестивыми делами. Посему выбирай: или сочетаться тебе крепкими узами до окончания дней своих с неким аббатством, или с госпожой Империей на единый вечер и за то принять наутро смерть.

Бедный туренец в отчаянии промолвил:

– А когда, монсеньор, пыл ваш уляжется, дозволено будет мне сюда вернуться?

Кардинал хоть и не рассердился, однако ж ответил сурово:

– Выбирай – виселица или митра!

Монашек лукаво улыбнулся:

– Дайте аббатство покрупнее да посытнее...

Услышав это, кардинал вернулся в залу, взял перо и нацарапал на обрывке пергамента грамоту французскому представителю.

– Монсеньор, – сказал наш туренец кардиналу, пока тот выводил наименование аббатства. – Куарский епископ не уйдет отсюда так быстро, как я, ибо у него самого аббатств не менее, нежели в граде Констанце найдется солдатских кабачков, вдобавок он уже вкусил от лозы виноградной. Посему, думается мне, дабы возблагодарить вас за столь славное аббатство, должен я дать вам благой совет. Вам, конечно, известно, как зловереден и прилипчив проклятый коклюш, от которого град Париж жестоко претерпел, – итак, скажите епископу, что вы сейчас напутствовали умирающего старца, вашего друга – бордоского архиепископа. И вашего соперника выметет отсюда, как пучок соломы ветром.

– Ты достоин большей награды, нежели аббатство, – воскликнул кардинал. – Черт возьми, мой милый, вот тебе сто экю на дорогу в аббатство Тюрпеней, я их вчера выиграл в карты, прими от меня их в дар.

Услыхав эти слова и видя, что Филипп де Мала удаляется, не ответив даже, как она уповала, на нежный взгляд ее глаз, из коих струилась сама любовь, красавица Империя запыхтела

подобно дельфину, ибо догадалась, почему отрекся от нее пугливый монашек. Она еще не была столь ревностной католичкой, чтоб простить любовнику, раз он изменил ей, не желая умереть ради ее прихоти. И в змеином взоре, коим Империя смерила беглеца, желая его унижить, была начертана его смерть, что весьма позабавило кардинала: распутный итальянец почувал, что аббатство, подаренное им, вскоре обратно к нему вернется. А наш туренец, нимало не обращая внимания на гнев Империи, выскользнул из дома, как побитый пес, которого отогнали от господского стола. Из груди госпожи Империи вырвался стон: в тот час она бы жестоко расправилась со всем родом человеческим, будь это в ее власти, ибо пламя, вспыхнувшее в ее крови, бросилось ей в голову и огненные искры закружились в воздухе вокруг нее. И немудрено – впервые случилось, что ее обманул какой-то жалкий монах. А кардинал улыбался, видя, что теперь дело пойдет на лад. Ну и хитер был кардинал Рагузский, недаром заслужил он красную шляпу²⁷.

– Ах, дражайший мой собрат, – обратился он к епископу Куарскому, – я не нарадуюсь, что нахожусь в столь прекрасной компании, и паче рад, что прогнал отсюда семинариста, недостойного быть в обществе госпожи Империи, – особенно потому, что, коснувшись его, моя красавица, бесценная моя овечка, вы могли бы умереть самым недостойным образом по вине простого монаха.

– Но как это возможно?

– Он писец у архиепископа Бордоского, а наш старичок нынче утром заразился...

Епископ Куарский разинул рот, словно собираясь проглотить круглый сыр целиком.

– Откуда вы это знаете? – спросил он.

– Мне ли то не знать, – ответил кардинал, взяв за руку простодушного немца, – я только что исповедал его и напутствовал. И в сей час наш безгрешный старец готовится прямым путем лететь в рай.

Тут епископ Куарский доказал, сколь люди тучные легки на подъем. Доподлинно известно, что праведникам, особливо пузатым, Господь по милости Своей и в возмещение их тягот дарует кишки весьма растяжимые, как рыбы пузыри. И вышеназванный епископ, подпрыгнув, отпрянул назад, обливаясь потом и до времени кашляя, будто бык, которому в корм подмешали перья. Потом, вдруг побледневши, бросился он вниз по лестнице, не сказав даже «прости» госпоже Империи. Когда двери захлопнулись за епископом и он уже припустился бегом по улице, кардинал Рагузский²⁸ рассмеялся и сказал, желая позабавиться:

– Ах, милочка моя, ужель недостойн я стать папою и – того лучше – быть хоть на сегодня твоим возлюбленным?

Увидев, что Империя нахмурилась, он приблизился к ней, желая заключить ее в объятия, приголубить, прижать к груди по-кардинальски, ибо у кардиналов руки лучше подвешены, чем у прочих людей, лучше даже, чем у вояк, по той причине, что святые отцы в праздности живут и силы свои зря не расточают.

– Ах, – воскликнула Империя, отшатнувшись, – ты ищешь моей смерти, митроносец безумный! Для вас превыше всего ваше распутство, бессердечный грубиян! Что я тебе? Игрушка, служанка твоей похоти. Ежели страсть твоя меня убьет, вы причислите меня к лику святых, только и всего. Ты заразился коклюшем²⁹ и смеешь еще домогаться меня! Ступай прочь, поворачивай отсюда, безмозглый монах, а меня и перстом коснуться не смей, – кричала она, видя, что он к ней приближается, – не то попотчую тебя этим кинжалом.

И лукавая девка выхватила из кошелька свой тонкий стилет, коим она при надобности умела владеть.

²⁷ Красная шляпа – головной убор кардинала.

²⁸ Кардинал Рагузский – Джованни Доминичи. Рагуза – провинция в Италии.

²⁹ Коклюш – так в XV веке называли холеру.

– Но, птичка райская, душечка моя, – молил кардинал, – ужели ты не поняла шутки? Надобно же было мне выпроводить прочь престарелого куарского быка.

– Да, да, сейчас я увижу, любите вы меня или нет. Уйдите немедленно. Если вас уже взял недуг, погибель моя вас нимало не тревожит. Мне достаточно знаком ваш нрав, знаю я, какую цену вы готовы заплатить ради единого мига улады; в тот час, когда вам придет пора помирать, вы всю землю без жалости затопите. Недаром во хмелю вы сами тем похвалялись. А я люблю только себя, свои драгоценности и свое здоровье. Ступайте! Придите завтра, если только до утра не протухнете. Сегодня я тебя ненавижу, добрый мой кардинал, – добавила она, улыбаясь.

– Империа! – возопил кардинал, падая на колени. – Святая Империа, не играй моими чувствами.

– Да что вы! – отвечала куртизанка. – Никогда я не играю предметами священными.

– Ах ты, тварь! Завтра же отлучу тебя от церкви!

– Боже правый! Да ваши кардинальские мозги совсем свихнулись!

– Империа, отродье дьявольское! Нет! Нет! Красавица моя, душенька!

– Уважайте хоть сан свой! Не стойте на коленях. Глядеть противно!

– Ну хочешь, я дам тебе отпущение грехов *in articulo mortis*³⁰. Хочешь, подарю тебе все свое состояние или, того лучше, частицу Животворящего Креста Господня? Хочешь?

– Нынче вечером мое сердце не купить никакими богатствами, ни земными, ни небесными, – смеясь, отвечала Империа. – Я была бы последней из грешниц, недостойной приобретаться Святых Тайн, не будь у меня своих прихотей.

– Я сожгу твой дом! Ведьма! Ты приворожила меня и за то сгоришь на костре... Выслушай меня, любовь моя, моя душенька, обещаю тебе лучшее место на небесах. Ну скажи! Не хочешь? Так смерть тебе, смерть, колдунья!

– Вот как? Я убью вас, монсеньор!

Кардинал даже задохнулся от ярости.

– Да вы безумны, – сказала Империа. – Ступайте прочь, вы последних сил лишитесь.

– погоди, вот буду папою, ты за все заплатишь.

– Все равно и тогда из моей воли не выйдешь!

– Скажи, чем могу я угодить тебе сегодня?

– Уйди.

³⁰ На случай внезапной смерти (*лат.*).

Она вскочила, проворная, словно трясогузка, порхнула в свою спальню и заперлась на замок, предоставив кардиналу бушевать одному, так что пришлось ему в конце концов удалиться. Когда же красавица Империя осталась в одиночестве перед очагом у стола, убранного к трапезе, покинутая своим юным монашком, она разорвала на себе в гневе все свои золотые цепочки.

— Клянусь всеми чертями, рогатыми и безрогими, раз этот негодный мальчишка побудил меня задать кардиналу подобную трепку, за что меня завтра могут отравить, а сам мне никакого удовольствия не доставил, клянусь, я не умру прежде, чем не узрю своими глазами, как с него живого шкуру будут сдирать. Ах, сколь я несчастна! — горько плакалась она, на сей раз непритворными слезами. — Лишь краткие часы радости урываю я то здесь, то там и должна оплачивать их тем, что подлым ремеслом занимаюсь, да еще душу свою гублю!

Так Империя горестные пени свои изливала, словно телок, ревуший под ножом мясника, и вдруг увидела она в венецианском зеркале румяное лицо монашка, который ловко проскользнул в комнату и тихонько встал за ее спиной. И тогда воскликнула она:

– Ты самый распрекрасный из монахов, самый миленький монашек на свете, который когда-либо монашничал, монашил, монашулил в сем священном любвеобильном городе Констанце. Поди ко мне, мой любезный друг, любимый мой сынок, яблочко мое, услада моя райская. Хочу выпить влагу очей твоих, съесть тебя хочу, убить любовью. О мой цветущий, благоуханный мой, лучезарный бог! Тебя, простого монаха, я сделаю королем, императором, папой римским, и будешь ты счастливее их всех! Твори тогда твою волю, рази мечом, пали огнем! Я твоя и докажу тебе это, ибо станешь ты вскорости кардиналом, хоть бы пришлось мне отдать всю кровь сердца, чтобы в алый цвет окрасить твою черную шапочку!..

Дрожащими руками наполнила она греческим вином золотую чашу, принесенную толстяком епископом Куарским, и поднесла, счастливая, своему дружку, желая услужить ему, опустилась она перед ним на колени – она, чью туфельку принцы находили куда слаще для уст своих, чем папскую туфлю.

Но туренец молча смотрел на красавицу взором, столь алчущим любви, что она сказала ему, трепеща от блаженства:

– Ни слова, милый. Приступим к ужину!

Невольный грех

Время действия: середина XIII века.

Глава первая Как старый Брюин выбрал себе жену

Мессир Брюин, тот самый, что достроил замок Рош-Корбон ле Вувре на Луаре, был в молодости отчаянным повесой. Еще юнцом он портил девчонок, пустил по ветру родительское достояние и дошел в своем негодяйстве до того, что родного отца, барона де ла Рош-Корбон, засадил под замок; став сам себе господином, он денно и ночно бражничал и блудил за троих. Порастряс он свою мошну, погряз в распутстве с продажными девицами, провонял вином, предал запустению свои поместья и был отринут честными людьми, — остались ему друзьями лишь ростовщики, коим отдавал он в заклад последнее добро. Но лихоимцы весьма

скоро стали скупеньки, и ничего из них нельзя было выжать, как из сухой ореховой скорлупы, когда увидели они, что ему нечем больше отвечать, кроме как фамильным замком де ла Рош-Корбон, ибо этот «Рюпес-Корбонис» находился под опекой самого короля. Тогда Брюин взбесился, бил правого и виноватого, сворачивая людям скулы, норовил по пустякам затеять драку. Видя это, аббат Мармустьерского монастыря, его сосед, весьма острый на язык, сказал ему, что такие поступки – верные признаки вельможных качеств и мессир стоит на правильном пути, но куда разумнее будет к вящей славе Господней бить мусульман, поганящих Святую землю; без сомнения, он вернется в Турень, нагруженный сокровищами и индульгенциями, или же проследует прямо в рай, откуда и ведут свое происхождение все бароны.

Названный барон, восхищаясь великим умом аббата, отбыл, снаряженный в дорогу попечением монахов, благословляемый аббатом и при громком ликовании своих соседей и друзей. Тогда пустился он грабить многие города Азии и Африки, избивать нехристей, без зазрения совести резать сарацин, греков, англичан и прочих, не заботясь о том, друзья они или нет и откуда они берутся, ибо, к чести своей, мессир Брюин не страдал излишним любопытством и спрашивал, с кем бился, лишь после того, как уже сразил противника. В этих трудах, весьма приятных Господу, королю и ему самому, Брюин заслужил славу доброго христианина, верного рыцаря и немало развлекся в заморских странах, поскольку охотнее он давал экую девкам, нежели медный грош беднякам, хотя чаще встречал честных бедняков, чем заманчи-

вых девиц. Но, как истый туренец, не брезгал он никакой похлебкой. Наконец, пресытившись турками, священными реликвиями и прочей добычей, захваченной в Святой земле, Брюин, к великому изумлению жителей Вуврильона, воротился из Крестового похода, нагруженный золотом и драгоценными камнями, не в пример тем, которые уезжают с набитым кошельком, а возвращаются отягченные проказой и с пустой мошной. На обратном пути из Туниса король наш Филипп³¹ наградил его графским титулом и назначил сенешалем в нашей округе и в Пуату. С тех пор его весьма полюбили, и стал он уважаем всеми по той причине, что, кроме всех прочих своих заслуг, основал собор Карм-Дешо в Эгриньольском приходе, чувствуя себя должником перед небесами за все грехи своей молодости, чем в полной мере снискал расположение самого Господа и святой церкви. Оплешивев, наш гуляка и злодей образумился и зажил честно, а если и блудил, то лишь втихомолку. Редко он гневался, разве только когда роптали при нем на Бога, чего не терпел, ибо сам в безумные годы своей младости был завзятым богохульником. И уж конечно, ни с кем больше он теперь не ссорился, да и не с кем было – кто не уступит сенешалю по первому его слову? А раз все желания твои исполняются, тут и сам черт ангелом делается.

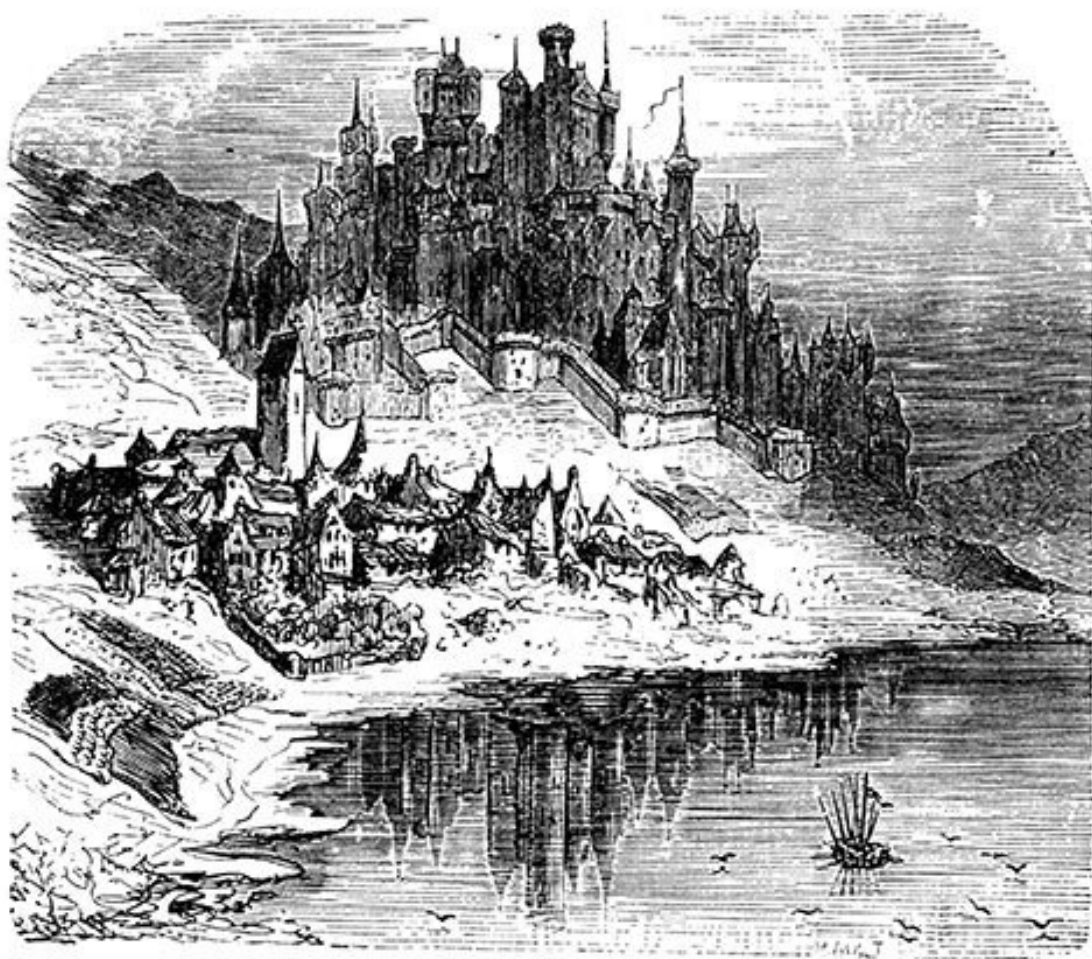
³¹ *Филипп III Смелый* (1245–1285) – король Франции с 1270 года. Участвовал вместе с отцом, Людовиком IX, в его последнем Крестовом походе, привел из Туниса остатки армии, которая сильно поредела из-за чумы. Уже в следующем, 1271 году Филипп присоединил к своей короне Тулузу, Пуату, Турень и Овернь.

Был у графа замок сверху донизу в живописных надстройках, подобно испанскому камзолу. Замок сей был расположен на вершине холма, откуда смотрелся он в воды Луары. Внутри все покои разукрашены были роскошными шпалерами, мебелью разной, драгоценными занавесями, всякими сарацинскими диковинками, на которые не могли налюбоваться турецкие жители и сам архиепископ с монахами обители Святого Мартина, коим граф подарил стяг с бахромой из чистого золота. Вокруг того замка жались разного рода постройки, мельницы, амбары с зерном и всевозможные службы. Это был военный склад всей провинции, и Брюин мог выставить тысячу копий в распоряжение нашего короля. Если случалось местному бальи³², склонному к короткой расправе, приводить к старому графу бедного крестьянина, заподозренного в каком-либо проступке, то старик говорил, улыбаясь:

– Отпусти этого, Бредиф, за него уже поплатились те, коих я в свое время по легкомыслию обидел...

³² *Бальи* – в средневековой Франции королевский чиновник, исполнявший обязанности судьи и сборщика податей на определенной территории (бальяже).

Нередко, правда, и сам он приказывал вздернуть кого-нибудь без долгих слов на ближайшем дубовом суку или же на виселице. Но происходило это лишь во славу правосудия, чтоб добрый обычай не забывался в его владениях. Посему народ там был благоразумен и смирен, подобно монашкам, некогда здесь обитавшим, люди жили в спокойствии, зная, что сенешаль³³ защитит их от разбойников, злоумышленников, коим и впрямь он не мирволил, помня, какая язва оные проклятые хищники. А впрочем, сенешаль весьма был привержен Господу и прекрасно управлялся со всем: и с церковной службой, и с хорошим вином, и суд чинил по-турецки, заводя веселую болтовню с тем, кто проигрывал тяжбу, и даже некоторых к трапезе приглашал, им в утешение. Повешенных хоронили по его повелению в освященной земле, наравне с людьми, чистыми перед Богом, ибо он рассуждал так: повешенному и той кары довольно, что жизни своей лишился. Что же касается евреев, то притеснял их лишь по мере надобности, когда слишком уж они жирели, давая деньги в рост и набивая мошну. Потому и позволял им собирать свою дань, как пчелы собирают свою, говоря, что они лучшие сборщики податей. Обирал же их только на благо и пользу служителей церкви, короля, провинции или себя самого.

³³ Сенешаль – здесь: судья, вершивший правосудие именем короля.

Такое добродушие привлекало к нему все сердца от мала до велика. Когда барон, отсидев положенное время на своем судейском кресле, с улыбкой возвращался домой, то аббат мармустьерский, тоже глубокий старец, говорил:

– Что-то вы нынче веселы, мессир, наверное, вздернули кого-нибудь.

А когда барон проезжал верхом по дороге из Рош-Корбона в Тур, через предместье Святого Симфориона, люди промеж себя говорили:

– Вот едет наш добрый барон вершить суд!

И без страха смотрели на него, как он трусил рысцой на статной белой кобыле, которую вывез с Востока. На мосту мальчишки прерывали игру в камушки и кричали:

– День добрый, господин сенешаль!

И он отвечал шутя:

– Играйте себе на здоровье, детки, пока вас не высекли.

– Слушаем, господин сенешаль!

Так по милости его весь наш край был весьма доволен и забыл, какие такие бывают воры, и даже в приснопамятный год наводнения на Луаре в течение всей зимы повесили лишь двадцать два злоумышленника, не считая одного еврея, каковой был сожжен в округе Шато-Нёф за то, что украл хлеб причастия или купил его, как говорили в народе, ибо все знали о несметном его богатстве.

В следующем году, в канун Ивана Купалы, или святого Ивана Косаря, как говорится у нас в Турени, появились в наших краях египтяне или цыгане, а может, и другие воровские шайки, каковые святотатственно обокрали обитель Святого Мартина и как раз у подножия статуи госпожи нашей Богородицы, желая оскорбить и поглумиться над истинной нашей верой, оставили дьявольски красивую девчонку, совершенно голую, такую же фиглярку и черномазую, как они сами. За сие неслыханное преступление, по решению королевских судей, равно как и церковных, юная мавританка должна была расплатиться. Ее приговорили к сожжению живьем на площади Святого Мартина, рядом с колодцем, что на зеленом рынке. Тогда добряк Брюин наперекор прочим искусно доказал, что было бы весьма угодно Господу, разумно и выгодно эту африканскую душу приобщить к истинной религии. Ибо если дьявол уже вошел в оное жен-

ское тело и упорно гнездится в нем, то ни на каких кострах его не сожжешь. Архиепископ признал сие соображение весьма мудрым и канонически правильным, полностью согласным с христианским милосердием и Евангелием. Однако ж городские дамы и иные влиятельные особы громко выражали свое неудовольствие, сетуя, что их лишают торжественной церемонии, ибо мавританка, говорили они, так горько оплакивает в тюрьме свою участь, кричит, как связанная коза, и не раздумывая согласится принять христианство, лишь бы остаться в живых, и, дай ей волю, проживет с вороний век. На это сенешаль отвечивал, что если чужеземка пожелала бы, как это и должно, принять христианскую веру, то по установленному обряду состоится куда более торжественная церемония, и он обещал устроить все с королевским великолепием, сказав, что сам будет восприемником на крестинах, кумой же должна быть девственница, чтобы в полной мере угодить Господу, так как он, Брюин, «непосвященный».

В нашем краю, в Турени, так называют молодых людей – холостяков или считающихся таковыми, в отличие от женатых и вдовцов. Но бойкие бабенки превосходно узнают их без

всякого прозвища по тем признакам, что оные молодые люди легкомысленнее и веселее, чем иные прочие, закосневшие в брачной жизни.

Мавританка не колебалась в выборе между огнем костра и водой крещения. Она предпочла жить христианкой, нежели сгореть египтянкой. За это нежелание пожариться единый краткий миг обречена была усохнуть сердцем на всю жизнь, ибо для вящей уверенности в ее благочестии новообращенную поместили в монастырь рядом с Шардонере, где она и произнесла монашеский обет. Церемония крещения завершилась в доме архиепископа, где был задан бал. На нем плясали без усталости в честь Спасителя рода человеческого дамы и дворяне Турени, которая тем и славится, что там забавляются, едят, блудят, устраивают шумные игры и всякие увеселения чаще, чем где-либо на свете. Добрый сенешаль захотел покумиться с дочкой мессира д'Азе-лэ-Ридель, коего в ту пору просто называли Азе Сожженный. Рыцарь этот участвовал в битве под Акрой³⁴, городом весьма отдаленным, и попал в руки сарацина, потребовавшего за него королевский выкуп по той причине, что названный рыцарь отличался важностью осанки.

Супруга мессира Азе заложила родовое свое поместье ломбардщикам и ростовщикам, чтобы собрать нужные деньги, осталась без единого гроша и в ожидании своего господина ютилась в жалком городском жилище, где даже коврика не имелось, но была горда, как царица Савская, и смела, как борзая, защищающая добро своего хозяина. Узнав о великой ее нужде, сенешаль поспешил весьма деликатно пригласить мадемуазель д'Азе в крестные матери к названной египтянке и тем приобрести право помочь госпоже д'Азе. Он приберег тяжелую золотую цепь, доставшуюся ему при взятии Кипра, которую и собирался надеть на шейку миленькой своей куме; но вместе с цепью отдал он ей все свои поместья, седовласую голову, свою казну и белых кобылиц – одним словом, отдал все, как только увидел Бланш д'Азе танцующей павану среди турецких дам. И хотя мавританка, расплясавшаяся напоследок, удивила все общество быстрыми поворотами, круженьем, прыжками, порханьем и разными фокусами, однако ж Бланш превзошла ее, по общему мнению, своей целомудренной грацией в танцах.

³⁴ *битве под Акрой...* – Акра, город в Сирии на берегу Средиземного моря: во время Крестовых походов несколько раз переходил из рук в руки. Здесь имеется в виду взятие Акры крестоносцами в 1191 году.

И сенешаль Брюин, любуясь этой прелестнейшей девицей, ножки которой едва касались пола и которая резвилась в невинности своих семнадцати лет, подобно стрекозе, настраивающей свою скрипочку, почувствовал вдруг, как дряхлую его плоть сводит судорога старческого

неодолимого желания, разливая жар по всем суставам, от пят до самого затылка, пощадив лишь голову, ибо трудно любви растопить снег, коим время осыпало кудри. И Брюин задумался, поняв, что не хватает жены у него в доме, и дом показался ему еще более печальным, чем когда-либо. Что хорошего, когда в замке нет хозяйки... Словно колокол без языка. Жена – вот его последнее желание, которое оставалось неисполненным. А последнее желание надо исполнить не мешкая: ведь если госпожа д'Азе станет откладывать да тянуть, ему не миновать стать перебраться из здешнего мира в иной. И пока шумели гости на крестинах, он забыл, что изувечен в битвах и что уже перешагнул восьмой десяток, отчего реже стали его седые кудри. Мессир Брюин думал, что все еще достаточно зорки его глаза, коли он видит ясно свою куму, которая, следуя приказу матери, привечала его улыбкой и ласковым взглядом, полагая, что такой старый кум – соседство неопасное. Вследствие чего Бланш, невинная простушка, в отличие от всех туреньских девушек, шаловливых, как майское утро, позволила старцу поцеловать сначала ручку, а потом и шейку ниже дозволенного, по свидетельству архиепископа, обвенчавшего их неделю спустя. И до чего же прекрасную сыграли свадьбу, но прекраснее всего была сама невеста.

Названная Бланш была тонка и свежа несравненно, и лучше того – девственна, как сама девственность! До того девственна, что не имела понятия, что такое любовь и зачем и как она творится. До того была она невинна, что удивлялась, зачем это супруги нежатся в постели, и думала, что младенца находят в кочне капусты. Мать ее воспитала в полном неведении и если что объясняла, то разве только как ложку до рта донести. И так выросла Бланш цветущей и нетронутой, веселой, простодушной, словом, чистым ангелом, коему не хватало лишь крыльев, чтоб улететь в рай. И когда она, выехав из бедного жилища, где оставила плачущую мать, направилась на торжество бракосочетания в собор Святого Гатьена и Святого Маврикия, окрестные жители собрались поглазеть на невесту и на ковры, разостланные вдоль улицы Селери, и говорили они, что впервые столь крошечные ножки ступают по туреньской земле и впервые глядят в туреньское небо такие глазки. А такого праздника с цветами и коврами не припоминают даже старожилы. Городские девки, те, что из квартала Святого Мартина и из пригорода Шато-Нёф, завидовали густым золотистым косам невесты, коими Бланш, по их разумению, и подцепила себе графство; но еще больше хотелось им иметь платье, затканное золотом, и заморские драгоценности, и бриллианты, и цепи, коими Бланш поигрывала и кои навсегда приковали ее к названному сенешалю. Старый вояка подбодрился, стоя рядом с невестой, весь сиял, счастье так и сквозило сквозь все его морщины, так и светилось во взгляде его и в каждом движении. Хотя мессир Брюин и походил фигурой на кривой тесак, он все же старался вытянуться во фронт перед Бланш, не хуже ландскнехта, отдающего честь на параде; и все прикладывал к груди руку, будто от счастья у него спирало дыхание. Внимая перезвону колоколов, любуясь процессией и пышным свадебным поездом, о котором начали говорить уже на следующий день после праздника в архиепископском доме, вышеназванные девки размечтались: подавай им охапками мавританские души да уйму старых сенешалей, и чтобы градом сыпались крестины египтянок; но тот случай так и остался единственным в Турени, ибо наш край далеко от Египта и от Богемии. Госпоже д'Азе после церемонии была вручена немалая сумма денег, с которой она и отправилась незамедлительно навстречу своему супругу по направлению к городу Акре, сопровождаемая начальником стражи и алебардщиками, которых граф де ла Рош-Корбон снарядил на свой счет. Благородная дама тронулась в путь сразу же после свадьбы, передав свою дочь с рук на руки сенешалю, слезно прося при том побереечь ее. Вскоре она вернулась со своим супругом, рыцарем д'Азе, каковой оказался зараженным проказой, и она излечила мужа, усердно ухаживая за ним и не боясь, что проказа пристанет к ней. Сей поступок вызвал всеобщее одобрение.

По окончании свадебных празднеств, длившихся три дня, к великой радости туренцев, мессир Брюин с почетом повез Бланш в свой замок. Следуя обычаю, он торжественно уложил новобрачную в постель, каковую заблаговременно благословил мармустьерский аббат. После чего и сам Брюин возлег на супружеское ложе, которое возвышалось в огромной семейной спальне де ла Рош-Корбонов, обтянутой зеленой парчой с золотыми нитями. Когда, весь надутый, старик Брюин очутился бок о бок со своей хорошенькой женой, он сперва поцеловал

ее в лобик, потом в грудку, белую, пухленькую, в то самое место, где недавно с ее разрешения застегнул пряжку тяжелой золотой цепи, и тем дело и кончилось. Старый распутник, слишком много о себе возомнив, надеялся довершить остальное, но, увы, пришлось отпустить амура на все четыре стороны. Напрасно из нижних зал, где все еще продолжались танцы, доносились веселые свадебные песни, эпиталамы и шутки. Брюин пожелал подкрепиться и хлебнул свадебного напитка из золотого кубка, тоже получившего по обычаю соответствующее благословение, однако же оное питье согрело ему лишь желудок, но отнюдь не воскресило того, что почило навеки. Бланш даже и не заметила такого обмана со стороны супруга, ибо она была девственна душою и в супружестве видела лишь то, что зримо глазам молоденькой девушки, как то: наряды, празднества, коней, а также то, что тебя называют дамой, госпожой, что ты графиня, что можешь веселиться и приказывать. Наивное дитя, она перебирала пальчиками золотую бахрому полога и восхищалась пышностью усыпальницы, где предстояло увянуть цветку ее молодости.

Слишком поздно осознав свою вину, но не теряя надежды на будущее, хотя оно день за днем должно было разрушить и то малое, чем мог он еще располагать для утешения жены, сенешаль решил попробовать заменить действие словом. И вот он стал развлекать Бланш разговором, сказал, что к ней перейдут ключи от всех шкафов, чердаков, баулов, полная и неограниченная власть над всеми его домами и поместьями, – словом, сулил ей и синицу в руки, и журавля в небо. И, поняв, что она будет кататься как сыр в масле, Бланш решила, что ее супруг самый любезный кавалер на всем свете.

Усевшись в кровати, она с улыбкой любовалась зеленым парчовым пологом и радовалась, что будет отныне еженощно почивать на столь прекрасном ложе.

Видя, что Бланш разыгралась, хитрый вельможа, который с девушками знался редко, а водился чаще с куртизанками, помнил лишь, что женщины весьма бойки в постели, и убоился игры прикосновений, случайных поцелуев и других выражений любви, на которые в былые времена достойно умел ответить, а ныне – увы! – они могли взволновать его не более чем заупокойная месса о почившем пане. Итак, он отодвинулся к самому краю постели, опасаясь даров любви, и сказал своей слишком пленительной супруге:

– Ну что ж, моя милочка, вот вы теперь и супруга сенешаля и, в сущности, неплохо осенешалены.

– О нет! – ответила она.

– Как – нет?! – возразил Брюин в испуге. – Разве вы не дама?

– Нет, – повторила она. – Я буду дама, только когда у меня родится ребенок.

– Видели вы поля по дороге сюда? – заговорил старичок.

– Да, – сказала она.

– Ну, так они теперь ваши.

– Вот как! – ответила Бланш со смехом. – Я там буду бабочек ловить, резвиться!

– Вот и умница! – промолвил граф. – А как же лес?

– Ах, я туда одна не пойду, вы меня будете сопровождать. Но, – прибавила она, – дайте мне немножечко того ликера, который варили для нас с таким старанием.

– А к чему он вам, душенька? От него внутренности жжет.

– Пусть жжет, – воскликнула она в раздражении, – ведь я хочу подарить вам как можно скорее ребеночка, а питье тому поможет.

– О моя малютка! – сказал сенешаль, поняв, что Бланш была девственна до кончиков ногтей. – Для сего дела прежде всего необходимо соизволение Господа, и жена должна быть готова к принятию своего сеятеля.

– А когда же это будет? – спросила она, улыбаясь.

– Когда того возжелает природа, – ответил он шутки ради.

– А что для того надо делать?

– О, тут нужны некие действия, каббалистические и алхимические, кои далеко не без-опасны.

– А-а! – протянула она с задумчивым видом. – Вот почему матушка плакала, ожидая моего превращения, но Берта де Прейли ужасно важничает оттого, что сделалась женщиной, и она говорила мне, что ничего нет проще на свете.

– Сие зависит от возраста, – ответил старик. – Но скажите, видели вы на конюшне белую кобылицу, о коей так много говорят по всей Турени?

– Да, видела. Очень смиренная и статная лошадка.

– Так я вам дарю ее, и вы на ней будете скакать, когда вам захочется и сколько вам угодно.

– О, вы очень добры. Я вижу, что мне не солгали, когда так говорили о вас.

– Здесь, моя милочка, – продолжал он, – у меня есть эконо́м, капеллан, казначей, начальник конюшни, начальник кухни, балы и даже кавалер Монсоро, молодой слуга по имени Готье, мой знаменосец, и он сам, и его люди, командиры, солдаты и кони – все вам подвластны и будут исполнять ваши желания беспрекословно, под страхом виселицы.

– Но, – возразила она, – что касается того алхимического действия, разве нельзя его произвести немедленно?

– О нет, – сказал сенешаль. – Для сего требуется, чтобы сначала на нас обоих снизошла благодать, иначе у нас родится злосчастный ребенок, отягченный грехами, что воспрещается законами церкви. Потому-то на свете и расплодилось такое множество неисправимых, негодных мальчишек. Неблагоразумные родители, видно, не стали дожидаться, пока очистятся их души, и чадам своим передали дурные наклонности. Прекрасные и добродетельные дети рождаются лишь от безупречных отцов. Вот почему мы и попросили мармустьерского аббата благословить наше ложе. Не нарушали ли вы в чем-либо предписаний святой церкви?

– О нет! – с живостью возразила Бланш. – Перед обедней я получила отпущение всех моих грехов, и с тех пор я не совершила даже самого маленького грешка.

– Вы, значит, вполне добродетельны! – воскликнул хитрый сенешаль. – И я в восторге, что у меня такая жена, но я-то бранился и сквернословил, как язычник.

– О, почему же?

– По той причине, что танцы слишком затянулись и я не мог вас заполучить, привести сюда и поцеловать!

И он припал весьма изысканно к ее ручкам, осыпал их поцелуями и развлекал ее разными пустяками, чем она осталась очень довольна.

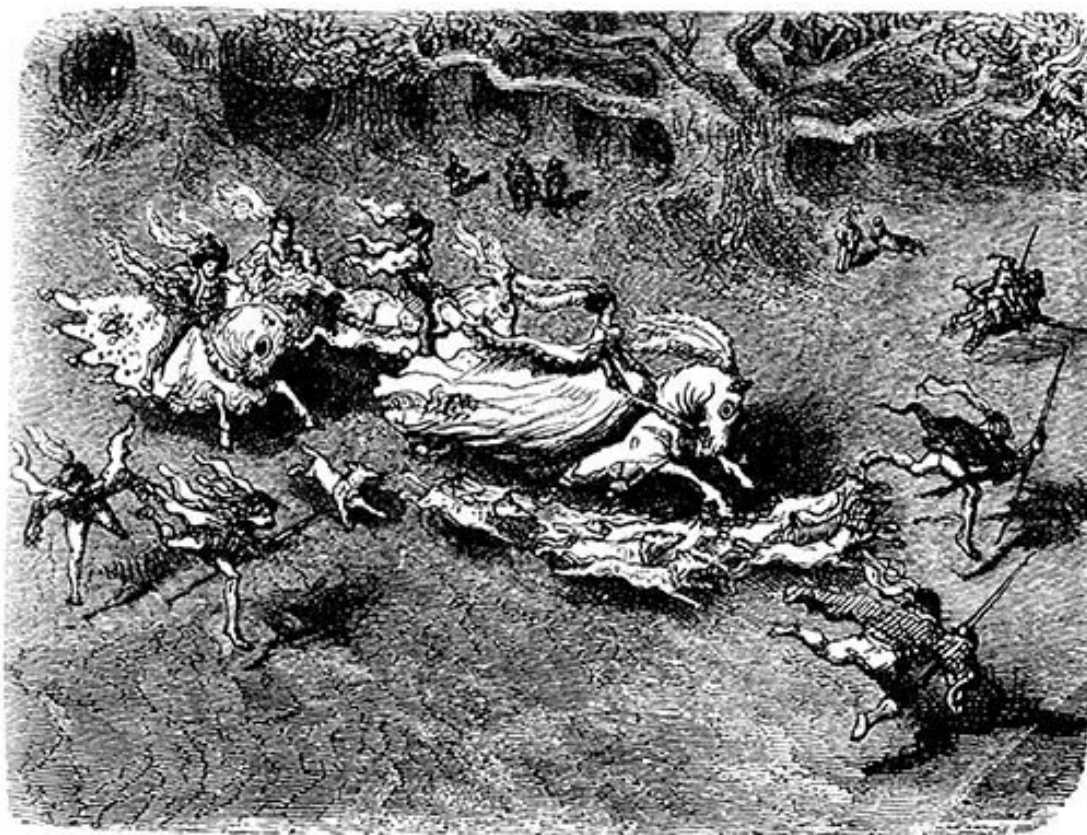
Так как Бланш чувствовала себя утомленной от танцев и всех церемоний, она снова при-легла, сказав сенешалю:

– Завтра я сама буду следить за тем, чтоб вы больше не грешили.

И она уснула, предоставив очарованному старцу любоваться ее светлой красотой, ее неж-ным телом; и все же был он в большом смущении, понимая, что сохранить ее в столь прият-ном для него неведении окажется не легче, чем объяснить, почему быки непрерывно жуют свою жвачку. И хотя будущее не сулило ему ничего доброго, он так возгорелся, созерцая див-ные совершенства Бланш, прелестной в невинном своем сне, что решил сохранить ее для себя одного и зорко оберегать сей чудесный перл любви. И со слезами на глазах стал он целовать ее мягкие золотистые волосы, прекрасные веки, ее алые и свежие уста, действуя с превеликой осторожностью, в страхе, что она проснется... Вот и все, что он познал в первую брачную ночь, – немые улады жгли ему сердце, а Бланш не шелохнулась. И бедняга горько оплакивал зимний хлад своей старости и понял, что Бог подшутил над ним, дав ему орехов в ту пору, когда у него уже не осталось зубов.

Глава вторая

Как сенешаль Брюин укрощал свою девственную супругу

В течение первых дней медового месяца сенешаль придумывал разные глупые отговорки, злоупотребляя похвальным неведением своей супруги. Прежде всего сослался он на доuku сенешальских своих обязанностей, которые побуждают его столь часто оставлять ее одну. Потом отвлек ее сельскими забавами, повез на сбор винограда в свои виноградники близ Вувре и все старался убаюкать всякими рассказками. То он утверждал, что людям благородного звания не следует вести себя как всякой мелкоте, что зачатие графских детей происходит лишь при известном расположении небесных светил, каковое определяется учеными астрологами. Или же говорил, что надо воздерживаться от зачатия детей в праздники, ибо сие есть тяжелый труд. Он же соблюдает праздники, желая без помехи попасть в рай. А то заявлял, что если на родителей не снизошла благодать Божья, то ребенок, зачатый в день святой Клары, родится слепым, а если в день святого Генуария, то тогда у него будет водянка, а в день святого Анания – парша, а святого Рока – непременно чума. Потом стал объяснять, что зачатые в феврале – мерзляки, в марте – драчуны, в апреле – никудышные, а хорошие мальчики все майские. Словом, он, сенешаль, хочет, чтоб его ребенок был совершенством, семи пядей во лбу, а для сего требуется благоприятное совпадение всех обстоятельств. Иной раз он говорил Бланш, что мужу дано право дарить ребенка своей жене, когда на то будет его воля, и ежели она добродетельная женщина, то и должна подчиняться желанию своего супруга. Потом, оказывается, надо было дожидаться, чтоб мадам д'Азе вернулась, дабы могла присутствовать при родах. Из всего этого Бланш уразумела лишь одно: сенешаль недоволен ее просьбами и, должно быть, прав, ибо он стар и умудрен опытом. Итак, она покорилась, но думала про себя о столь желанном младенце, вернее, только о нем и думала, как всякая женщина, если что-нибудь ей в голову взбредет, и не подозревала, что уподобляется в своей настойчивости куртизанкам и девкам, каковые не стесняясь гонятся за удовольствиями. Однажды вечером Брюин случайно загово-

рил о детях, хотя обычно избегал таких речей, как кошка воды, но тут, забывшись, стал жаловаться на некоего парня, наказанного им поутру за важный проступок.

– Наверное, – сказал сенешаль, – этот малый произошел от родителей, обремененных смертными грехами.

– Что ж, – возразила Бланш, – если вам угодно подарить мне ребенка, то не бойтесь, не ждите отпущения грехов, я направлю нашего младенца на стезю добродетели, и вы будете довольны.

Тут граф понял, что жена его одержима своим желанием и что настало время вступить в борьбу, дабы одолеть его, вытравить, обуздать, пришибить, усыпить, загасить.

– Как это так, милочка, вы хотите стать матерью, – сказал он, – а еще не знаете дамского ремесла и не привыкли быть хозяйкой замка.

– Ах! – воскликнула она. – Значит, чтоб стать настоящей графиней и носить во чреве маленького графа, я должна сначала уметь изображать даму! Ну что ж, я и этому научусь наилучшим образом.

Итак, Бланш, желая добиться потомства, стала охотиться за оленями и дикими козами, перепрыгивала через рвы, скакала на белой своей кобылице по долинам и холмам, через поля и леса. Она с удовольствием глядела, как кружат ее соколы, сама снимала с них колпачок, ловко держала их на своем маленьком кулачке, охотилась с утра до ночи. Сбылось пожелание сенешаля! Но Бланш меж тем копила силы, нагуливая себе волчий аппетит. Иной раз, читая надписи на дорогах или же разлучая смертоносной стрелой птиц и диких зверей, застигнутых в любовной близости, Бланш подвергалась алхимическому действию самой природы, которая окрашивала румянцем ее лицо и волновала ей кровь. Это не способствовало умиротворению ее воинственной натуры, а лишь сильнее раздражало ее желание, выражавшееся смехом, трепетом и шаловливыми фантазиями. Сенешаль, надеясь обезоружить мятежное девство супруги, отправил ее гарцевать по полям, но обман не привел к добру по той причине, что неизведанная страсть, кипевшая в жилах охотницы, этой скачкой лишь подстегивалась, требуя игр и турниров, как паж, только что посвященный в рыцари. Добрый сенешаль уразумел тогда, что он просчитался и что не бывает прохладного местечка на жаровне. И не знал, какую еще задачу задать могучей амазонке, ибо чем больше старался он утомить ее, тем крепче она становилась. В этом бою один должен пасть от дьявольских козней, так пусть с Божьей помощью избегнет он сего унижения, пусть оно падет на его голову лишь после смерти.

Бедный сенешаль уже и сейчас с превеликим трудом сопровождал супругу свою на охоту. Он потел под своей амуницией и едва был жив от усталости, а ловкая его графиня набиралась сил и веселилась. Случалось, что во время ужина ей вдруг приходила охота танцевать. Старик под тяжестью расшитого камзола изнемогал от упражнений, в коих обязан был принимать участие, – то подавай жене руку, когда она выплясывает не хуже мавританки, то держи перед ней зажженный факел, когда она исполняет танец с подсвечником, и, невзирая на боли в пояснице, чирьи и ревматизмы, улыбайся, произноси любезности и расточай похвалы после всех этих прыжков, гримас и комических пантомим, которыми она развлекалась. Брюин был без ума от своей супруги – попроси она у него хоругвь из храма, он побежал бы за ней во всю прыть.

Однако ж в один прекрасный день почувствовал он, что старые его кости не дают ему бороться с резвой натурой супруги. И, униженно признав свое бессилие перед ее девственностью, махнул он на все рукой, хотя и рассчитывал в душе на стыдливость и христианскую чистоту Бланш. Но все же он лишился сна, ибо подозревал, что Господь Бог сотворил девушек для любви, подобно тому как куропатки созданы для вертела. Однажды в хмурое утро, когда после обильного дождя улитки выползают на дорогу и все навевает меланхолическую истому, Бланш отдыхала в креслах, погруженная в мечты, ибо ничто так не согревает плоть до последнего суставчика, будь то даже зелье самое сладостное, самое жгучее, проникающее, пронизывающее и живительное, нежели ласковое тепло, что меж пуховой подушкой и нежным

пушком, покрывающим девичью кожу. Не ведая сама, что с ней творится, графиня тяготилась своей девственностью, которая нашептывала ей всякую ересь и досаждала сверх меры.

Видя, как томится его супруга, старик огорчился и решил, что пора рассеять думы, кои уводят любовь от супружеского ложа.

– Что за причина вашего уныния, милочка? – спросил он.

– Стыд.

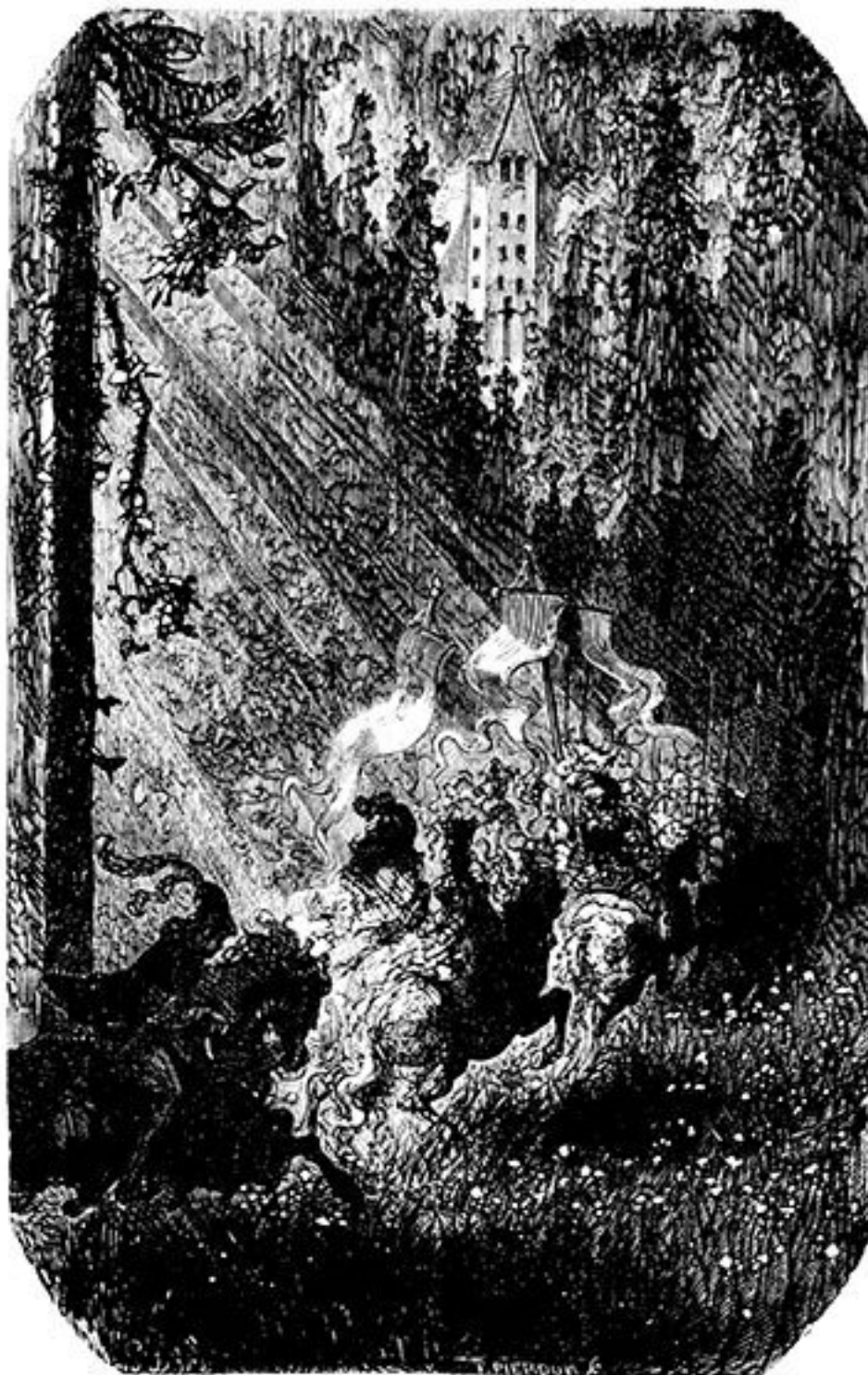
– Чего же вы стыдитесь?

– Позор моей добродетели, ежели у меня до сих пор нет ребенка, а у вас потомства! Какая же это дама без детей? Никакая. Взгляните, у всех наших соседок есть дети. Я вышла замуж, желая стать матерью, а вы женились, желая стать отцом. Все дворяне Турени многодетны, их жены рожают целыми выводками. Вы один бездетный. Над нами будут смеяться. Что станется с вашим именем, с вашими родовыми землями, кто наследует ваш титул? Ребенок – драгоценное сокровище матери; великая радость для нас завертывать его, пеленать, одевать, раздевать, ласкать, качать, баюкать, будить поутру, укладывать ввечеру, кормить, и чувствую, что, достанься мне хоть плохенький, я бы целые дни его укачивала, ласкала, свивала, развивала на нем пеленки, подбрасывала его и смешила, как и все замужние дамы.

– Но нередко случается, что при родах женщина умирает, а вы, чтоб родить, еще слишком тонки и не развились, не то вы давно уже были бы матерью, – ответил сенешаль, ошеломленный сим словесным фонтаном. – Не хотите ли купить готовенького? Он ничего не будет вам стоить – ни страданий, ни боли...

– Нет, – сказала она, – я хочу страдания и боли, без того он не будет нашим. Я отлично знаю, что он должен выйти из меня, ибо слышала в церкви, что Иисус – плод чрева матери своей, Пресвятой Девы.

– Тогда давайте помолимся, чтоб так и было, – воскликнул сенешаль, – и обратимся к Святой Деве Эгриньоль некой. Многие женщины зачали после девятидневной молитвы, почему бы и нам тоже не попробовать.

В тот же день Бланш отправилась в Эгриньоль, к Божьей Матери. Она выехала из дому, будто королева, на красивой своей кобылице, в зеленом бархатном платье, зашнурованном тонкой золотой тесьмой и открытом до самых персей. У нее были алые манжеты, крошечные сапожки, высокая шапочка, расшитая драгоценными камнями, и золоченый пояс, обхватывав-

ший ее талию, гибкую, как тростинка. Бланш намеревалась подарить свой наряд госпоже Деве Марии и обещала преподнести свой дар Божьей Матери в день очистительной молитвы после родов. Мессир Монсоро гарцевал перед ней, сверкая ястребиным взором, оттеснял народ и наблюдал со своими всадниками за безопасностью пути. Август выдался знойный, и Брюин, разомлев от жары, задремал, неуклюже покачиваясь на своем иноходце. Увидя веселую и хорошенькую жену рядом с таким старым хрычом, крестьянка, присевшая на пень напиться водички из глиняного кувшина, спросила у беззубой ведьмы, которая подбирала рядом колося, кляня свою бедность:

– Не едет ли это принцесса, чтобы Смерть утопить?

– Ничуть, – ответила старуха, – это наша госпожа Рош-Корбон, супруга сенешаля Пуату и Турени, и едет она вымаливать себе ребенка.

– Ах! – воскликнула молодая девка и, зажужжав, как взбесившаяся муха, указала на статного красавца Монсоро, ехавшего во главе поезда. – Ну если этот молодец за дело примется, то она много денег на свечи и на попов не истратит.

– Ах, моя красавица, – продолжала старая ведьма, – дивлюсь я, что это графине вздумалось к Эгриньольской Божьей Матери ехать, священники там не ахти как хороши. Ей бы лучше остановиться на часок, посидеть у мармустьерской колокольни, сразу бы и понесла, уж очень там святые отцы резвы.

– Черт с ними, с монахами, – вмешалась третья крестьянка. – Взгляните на кавалера Монсоро: и горяч, и пригож, ему ли не открыть сердце оной дамы, тем паче что в нем уже трещинка есть.

И тут наши кумушки залились хохотом. Юный Монсоро хотел было их повесить на первой осине в наказание за непотребные речи, но Бланш воскликнула:

– О мессир, пока не вешайте их, они не всё еще досказали. На обратном пути послушаем, тогда и решим.

И она вся зарумянилась, а Монсоро взглянул на нее в упор, как бы желая вселить в ее сердце тайное понимание любви. Но от речей бойких кумушек уже взбудоражились все мысли графини Брюин, и немудреные слова уже пустили росток в ее сердце. Девственность ее стала подобна труту – от одного слова могла вспыхнуть. Только теперь юная Бланш увидела приметные различия между внешними достоинствами старого ее супруга и совершенствами Готье Монсоро, которого не слишком тяготили его двадцать три года, так что держался он в седле прямо, как кегля, и был бодр, как первый звон к заутрене, меж тем как сенешаль все время подремывал. Готье был ловок и расторопен в том, в чем хозяин его сдавал. Соседство таких горячих молодцов некоторые красотки предпочитают всем своим ночным уборам, полагая, что оно вернее предохраняет от блох. Некоторые их за это поносят, чего делать не следует, ибо каждый вправе спать, как ему заблагорассудится.

Много дум передумала графиня в пути и додумалась до того, что, подъезжая к турскому мосту, уже вспылала к Готье страстью, тайной и безрассудной, как может любить лишь девица, не знающая, что такое любовь. Итак, стала она доброжелательной, ибо пожелала добра ближнего своего, самого лучшего, чем обладает мужчина. Она впала в любовный недуг, опустил в мгновение ока на самое дно страданий, ибо весь путь, от первого до последнего вздоха вожделения, охвачен огнем. А ведь до того она не знала, что стало ей ведомо теперь: что через взоры может передаваться некий тончайший бальзам, причиняющий жестокие потрясения во всех уголках сердца, бегущий по всем жилкам, по мышцам, вплоть до корней волос, вызывая испарину во всем естестве, проникая в самые мозги, в поры кожи, во все внутренности, гипохондрические сосуды и прочее; и все в ней сразу расширилось, загорелось, разыграло, прониклось сладкой отравой, взбунтовалось и затрепетало, словно ее кололи тысячи иголок. И столь опьянило девственницу вполне понятное волнение, что затуманился ее взор и вместо своего старого супруга видела она Готье, которого природа наградила столь же щедро, как иного аббата,

коему она дарует второй подбородок сверх положенного человеку. Когда наш старец въехал в город, его разбудили приветственные клики толпы, и весьма торжественно со всей своей свитой он проследовал в собор Эгриньольской Богоматери, каковую в старые времена называли «Достойнейшая». Бланш направилась к часовне, где у Господа Бога и Девы Марии вымаливают дамы себе потомство, и по обычаю вошла туда одна, а сенешаль, свита его и любопытные остались за решеткой. Когда графиня увидела старика-монаха, в обязанность коего входило служить молебствия об избавлении от бесплодия и выслушивать обеты богомольцев, спросила она названного монаха, много ли есть на свете женщин бесплодных. На что монах ответил, что жаловаться на сие было бы грех, ибо младенцы приносят изрядный доход святой церкви.

– А часто ли вам случается видеть, – продолжала Бланш, – молодых женщин, у которых были бы столь старые супруги, как сенешаль?

– Редко, – ответил монах.

– Но дождались ли сии женщины когда потомства?

– Всенепременно, – ответил монах с улыбкой.

– А те, у которых мужья помоложе?

– А те не всегда.

– О, значит, с таким супругом, как сенешаль, дело обстоит вернее?

– Вне сомнения, – ответил монах.

– А почему?

– Потому, госпожа, – с важностью промолвил монах, – что до сего возраста единый Бог в это дело вмешивается, а после участвуют в нем люди.

В те времена, как известно, вся ученая премудрость была достоянием духовных лиц. Бланш произнесла обет, и дар ее был одним из самых богатых, ибо одежды ее стоили не менее двух тысяч золотых.

– Вы весьма веселы, – сказал ей граф, когда на обратном пути она поднимала на дыбы, горячила и заставляла плясать свою кобылицу.

– О да, отныне я верю, что рожу ребенка. Но раз нужны для того чьи-либо труды, как сказал мне монах, то решила я обратиться к Готье...

Старик тут же возжелал убить монаха, но одумался, ибо такое преступление слишком дорого ему стоило бы, и он порешил отомстить с помощью архиепископа, самому же остаться в стороне. Еще не доехав до Рош-Корбона, он приказал мессире де Монсоро отправляться к себе на родину поискать ветра в поле, что молодой Готье не преминул выполнить, помня былые подвиги своего хозяина.

А на место названного Готье Брюин призвал сына дворянина Жаланжа, поместье коего входило в феод Рош-Корбон. То был юноша по имени Ренэ, еще не достигший четырнадцати лет, и граф назначил его пажом, полагая позднее произвести в оруженосцы, а командование над своими людьми препоручил старому рубаке, с коим немало натворил дел в Палестине и в иных странах. Действуя так, граф надеялся оградить себя от ношения налобника с ветвистыми

рогами и решил попытаться обуздать, укротить, осадить непокорное девство своей супруги, по причине коего она металась, как кобылица, запутавшаяся в аркане.

Глава третья Что есть грех невольный

В воскресенье, следующее за прибытием юного Ренэ в замок ла Рош-Корбон, отправилась Бланш на охоту, оставив дома старого Брюина, и когда въезжала в лес неподалеку от монастыря

Карно, то увидела монаха, который прижал девушку с ретивостью, небезопасной для жизни бедняжки, и потому, пришпорив лошадь, графиня пустилась вскачь, крикнув своим людям:

– Эй, помогите, как бы он ее не убил!

Но, подскавав поближе, круто повернула, ибо зрелище того, что совершил монах, испортило ей всю охоту. В раздумье воротилась она домой, и с той поры мозг ее озарился, словно зажгли в темноте фонарь, и в лучах его предстали изображения на стенах церкви и другие картины, строки фаблио, сказы трубадуров и повадки птиц. И неожиданно уразумела она сладостную тайну любви, о которой рассказывает природа на всех сущих языках, даже на языке безгласных рыб. Нет большего безумия, чем скрывать сию науку от девственниц! Бланш легла спать в ранний час и, отходя ко сну, сказала мужу:

– Брюин, вы меня обманули! Вы должны поступить со мной, как тот монах с девушкой.

Старый Брюин догадался, о чем идет речь, и почуял, что настал роковой час. И, кинув на Бланш обжигающий взгляд, в коем страсть все еще не хотела сдаваться, тихо промолвил:

– Увы, милочка, когда брал я вас в жены, любви в моем сердце было много, а силы в теле мало, и понадеялся я на вашу милость и добродетель. Вся беда моя в том, что могу я любить теперь лишь сердцем. И беда эта приблизит мою кончину, так что скоро вы станете свободной. Подождите же, когда я отойду в мир иной. Вот единственная просьба, с которой обращается к вам ваш господин, тот, кто мог бы приказывать вам, но желает быть лишь вашим подданным, слугой вашим. Не позорьте же моих седин. Случалось, что в подобных обстоятельствах мужья убивали своих жен.

– Значит, вы меня убьете? – промолвила она.

– Нет, я слишком люблю тебя, – ответил старец. – Ведь ты цветок моей старости, радость моей души. Ты моя возлюбленная дочь! Твоя краса – отрада моих очей, и от тебя я все приму – и горе и счастье. Я дал тебе полную свободу, докажи, что ты не так уж ненавидишь бедного Брюина, который сделал тебя важной дамой, богатой и всеми чтимой. А какая прекрасная из тебя выйдет вдова! Поверь, счастье твое облегчит мне мою кончину.

И на глаза его, не знавшие слез, набежала горячая слеза и скатилась по щеке его, бурой, как сосновая шишка, и упала на руку жены; тронутая великой любовью старца, готового лечь в могилу ей в угоду, она воскликнула со смехом:

– Полно, полно, не плачьте, я подожду.

Тогда сенешаль стал лобзать ее ручки и улещать жену нежными словечками, произнося с волнением в голосе:

– Если б ты знала, Бланш, голубка моя, как я ласкал, как целовал тебя, пока ты спала, вот сюда и вот тут...

И старый сатир поглаживал ее обеими руками, костлявыми, как руки скелета.

– Но я, – продолжал он, – не смел разбудить зверя, который оскорбил бы мою честь, ибо в любовном моем приближении участвовало только сердце.

– Ах, вы можете меня ласкать, – перебила она супруга, – даже когда я не сплю, мне от этого вреда не будет.

В ответ на эти слова бедный граф взял с ночного столика маленький кинжал и, подавая его Бланш, произнес в неистовой ярости:

– Убей меня или скажи, что ты меня любишь, хоть самую малость!

– Да, да, я постараюсь крепко вас полюбить, – воскликнула она в испуге.

Вот так-то молодая девственница поработила его, забрала власть над стариком и с хитростью, свойственной женскому полу, стала гонять взад и вперед бедного графа, словно мельник своего осла: вот, мол, тебе за то, что оставил невозделанным прекрасное поле Венеры... Брюин... Брюин, милый, подай мне то... Брюин, подай мне се... Скорее, Брюин! И туда Брюин, и сюда Брюин, так что Брюин исстрадался более от милости своей супруги, нежели от ее немилости. То вдруг ей понравится пурпуровый цвет, и надо немедля все в доме менять, то вдруг нахмурит брови, и тогда развязывай мошну. А когда она бывала грустна, граф, сидя в своем судейском кресле, приказывал: «Вешать!» – правого и виноватого. Другой на его месте пропал бы, как муха, в этой бабьей войне, но Брюин оказался железной породы, и добить его было нелегко. Однажды перевернула Бланш весь дом вверх дном, загоняла людей и скотину и своими капризами могла бы довести до отчаяния самого Отца Небесного, у коего терпение неиссякаемо, ибо Он терпит нас, грешных. А ложась спать, сказала она сенешалю:

– Мой добрый Брюин, меня одолели всякие фантазии, они жалят и колют меня, добираются до сердца, до мозга и толкают меня на злые поступки, а по ночам мне все чудится монах из Карно.

– Голубка моя, – ответил сенешаль, – все это – чертовщина и соблазн, против чего умеют защищаться монахи и монахини. Потому, ради спасения вашего, следует вам пойти на исповедь к достойному мармустьерскому аббату, соседу нашему; он даст вам совет и отечески наставит вас на путь истины.

– Я завтра же отправлюсь, – ответила она.

Едва забрезжило утро, как Бланш отправилась в монастырь благочестивых братьев, которые, дивясь посещению такой прелестной дамы, совершили вечером не один грех, но в тот час весьма учтиво проводили ее к достойному аббату.

Бланш застала названного аббата во внутреннем саду, под цветущей аркой, около утеса. Она остановилась в благоговении, пораженная строгой осанкой святого отца, хотя и не привыкла трепетать перед почтенными синами.

— Храни вас Господь, графиня, — сказал аббат, — что ищите вы, такая молодая, столь близко от смерти?

— Ваших драгоценных советов, — ответила та, приседая перед ним. — И если вы соблаговолите наставить заблудшую овцу, я буду весьма счастлива иметь такого мудрого духовника.

— Дочь моя, — отвечал монах, с которым старый Брюин заранее сговорился, прося его sluкавить и сыграть комедию пред молодой графиней. — Если б над моей лысеющей головой не пронеслось сто студеных зим, не стал бы я слушать ваших грехов... Но говорите. И если вы попадете в рай, пусть сие совершится с моей помощью.

Тогда супруга сенешаля выбросила перед ним всю мелкую рыбешку из своего сачка и, очистившись от малых докук, дошла до главной причины, приведшей ее на исповедь.

– Ах, отец мой, я должна вам открыть, что ежедневно я мучима желанием зачать ребенка... Грех ли это?

– Нет, – отвечал аббат.

– Но по воле природы супругу моему не дано открыть кошель и подать на бедность, как говорят нищие на дорогах, – промолвила графиня.

– В таком случае вы должны жить в чистоте, бежать от помыслов подобного рода, воздерживаться, – отвечал аббат.

– Но я ведь слышала проповедь в церкви Богоматери Жаланжской, что нет в том греха, если не извлекаешь ни прибыли, ни удовольствия.

– И удовольствие вы получите, – сказал аббат, – и ребенка, а его можно счесть прибылью! Посему уразумейте и запомните, что смертный грех пред Богом и преступление пред людьми совершает та женщина, что зачнет от мужчины, с которым ее не соединила церковь; оные жены, нарушающие святые законы брака, понесут великую кару на том свете, отданы будут на произвол страшных чудовищ с острыми когтями, с вилами; с теми вилами вкинут они грешницу в огненную печь за то, что в земной жизни накаляла она свое сердце свыше того, чем дозволено.

На что Бланш, почесав себе за ушком и немного подумав, спросила:

– А как поступила Дева Мария?

– О, сие есть чудо, – отвечал аббат.

– А что такое чудо?

– Нечто необъяснимое и во что следует верить не рассуждая.

– А почему бы мне не совершить чуда?

– Сие чудо случилось лишь однажды, ибо родившийся был Сын Божий, – сказал священник.

– Неужели, отец мой, мне, по воле Божьей, суждено умереть или из разумной и здоровой женщины стать помешанной, а ведь это мне угрожает! Не только вся я томлюсь и сгораю, но мысли мои мутятся, и ничто мне не мило; чтобы приблизиться к мужчине, я готова лезть через стены, бежать через поля, ничуть не стыдясь, и ничего бы не пожалела, лишь бы узнать, чего добивался монах из Карно. И когда накатит на меня такое и начнет терзать мое тело и душу, тогда нет мне ни Бога, ни черта, ни мужа, – вся дрожу, бегу; врываюсь в трапезную, бью посуду, мчусь на птичий или на скотный двор, все крушу, так что и передать нельзя. Но я не стану сознаваться вам во всех своих проступках по той причине, что меня от слов одних в жар бросает, и чувствую я нестерпимый зуд, будь он проклят. Пусть уж лучше я совсем ума лишусь и добродетели вместе с ним. Неужели Бог, вложивший в мою плоть эту великую любовь, проклянет меня?

В ответ на эти слова теперь уж священник почесал у себя за ухом, весьма дивясь, что девство может порождать столь жалобные пени, глубокие мысли и рассуждения.

– Дочь моя, – сказал он, – Бог отличил нас от животных и создал рай, каковой есть наша награда, потому-то и дан нам разум, кормило средь бурь, управляющее нашими суетными желаниями. Есть еще и другие способы обуздать плотское буйство – посредством поста, усиленных трудов и прилежания. И вместо того, чтоб снова и метаться, как сорвавшийся с цепи сурок, вам следует молиться Деве Марии, спать на голых досках, заботиться о хозяйстве, а не пребывать в праздности.

– Ах, отец мой, когда я в церкви сижу на своей скамье, я никого не вижу, ни священника, ни алтарь, а только младенца Христа, и одолевает меня все то же желание. А что, если вдруг закружится у меня голова, помрачится мой рассудок, ведь могу я попасть в силки любви?

– Если б то случилось с вами, – вымолвил неосторожно аббат, – вы уподобились бы святой Диодоре, которая однажды крепко заснула, немного раскинувшись по случаю большой жары, притом же и одета была весьма легко. К ней подкрался юноша, исполненный скверных

намерений, овладел ею во время сна, и зачала она. И поскольку названная святая в неведении оставалась о своей беде, то весьма удивилась, когда подошло ей время родить, ибо полагала, что чрево ее пухнет по причине какого-нибудь тяжкого недуга. Она покалась, и дано ей было отпущение, как от греха невольного, раз не испытала она никакой утешения от сего преступного насилия, ибо не проснулась и была неподвижна, как свидетельствовал перед казнью сам злодей, каковой и был обезглавлен.

– Ах, отец мой, можете не сомневаться в том, что я не шелохнусь, не хуже вашей святой.

С этими словами Бланш, улыбнувшись, поспешила уйти, веселясь и играя, и все думала, как бы и ей совершить невольный грех. Вернувшись из обители, она увидела во дворе юного пажа, которого обучал старик-конюший лихому наездничеству; юноша, гарцуя по кругу на чистокровном коне, как бы сросся с ним, подымал его на дыбы, бросал вперед, продельвая всякие вольты, посылал коня то галопом, то рысью, скакал, приподнимаясь на седле, и был до того миловиден, ловок, поворотлив, что и описать невозможно. Словом, мог бы он соблазнить самое добродетельную Лукрецию, лишившую себя жизни после совершенного над нею насилия.

«Ах, жаль, что нашему пажу еще не минуло пятнадцати лет, я бы крепко уснула где-нибудь поблизости от него», – подумала Бланш.

Но, несмотря на слишком юный возраст красивого пажа, во время вечерней трапезы она заглядывалась на черные его кудри, на белизну и румянец, на изящные движения; особенно ей полюбились его глаза, где играли прозрачная влага и живой огонь, который он, как дитя малое, страшился обнаружить перед посторонними.

Позднее, вечером, когда супруга сенешаля сидела, задумавшись, в креслах у огня, старый Брюин спросил, чем она озабочена.

– Я думаю, – ответила она, – что вы, должно быть, весьма рано начали свои любовные похождения, если стали такой развалиной.

– О, – ответил он, улыбаясь, как все старцы, когда их просят припомнить шалости юных лет. – Мне не было и четырнадцати, когда я обрюхатил служанку моей матери.

Бланш только того и нужно было, она подумала, что и паж Ренэ, должно быть, вошел уже в силу, и, развеселясь, стала теревить старого графа, затаив в себе желание слаще меда сладчайшего.

Глава четвертая

Каким образом и с чьей помощью появился на свет некий младенец

Супруге сенешаля недолго пришлось раздумывать, как пробудить скороспелую любовь в отроке. Она раскинула ловушки, куда сам собой попадает наисильнейший зверь. И вот как это произошло. В жаркий полдень старый граф имел обыкновение возлежать после трапезы, по сарацинскому обычаю, и привычки этой никогда не изменял со времени своего возвращения из Святой земли. В тот час Бланш либо гуляла одна в поле, либо развлекала себя женским рукоделием, как то: вышиванием и шитьем. Но чаще всего, не покидая замка, наблюдала за стиркой или за уборкой скатертей, а то бродила по замку. Тогда-то ей и пришло в голову посвятить сей тихий час досуга занятиям с пажом, дабы довершить его воспитание чтением книг и повторением молитв. И вот на другой же день, как только сенешаль уснул, изнемогая от солнца, которое так и палит в этот час на холмах Рош-Корбона (да что и говорить, полезнее было старику соснуть, чем крутиться, вертеться и терпеть муку от дьявольских проделок неугомонной девственницы), Бланш взобралась на парадное графское кресло, решив, что это высокое сиденье будет ей очень кстати, если кто случайно поглядит снизу; лукавая особа весьма удобно расположилась в этом кресле, подобно ласточке в гнездышке, и склонила милое свое личико на руку, словно уснувшее дитя. Но, приготовляясь таким образом, она смотрела вокруг себя жадными, веселыми глазами, улыбаясь заранее всяким тайным радостям, каковые принесут ей вздохи и смущенные взоры юного пажа, ибо она собиралась усадить его у своих ног на расстоянии не большем, чем может прыгнуть старая блоха. И впрямь она весьма ловко разостлала бархат-

ный четырехугольный коврик, где должен был преклонить колени бедный мальчик, жизнью и душой коего Бланш собиралась всласть наиграться, здраво рассудив, что даже святой, вытесанный из камня, ежели заставить его взирать на складки атласных юбок, не преминет заприметить и залюбоваться совершенством прекрасной ножки, обтянутой белым чулком. И немудрено, что слабый паж попался в силки, из которых и богатырь не стал бы вырываться. Вертась и пересаживаясь то так, то этак, Бланш наконец нашла положение, при котором названные силки были наилучшим образом расставлены, и тут тихонько позвала: «Ренэ, Ренэ!», зная, что мальчик находится рядом в зале, где помещалась стража. Он тотчас прибежал на ее зов, и вот чернукудная голова уже показалась между драпировками входной двери.

– Что вам будет угодно приказать? – спросил паж.

И он стоял, учтиво нагнувшись и держа в руке свой бархатный алый берет, а румяные свежие щеки его с ямочками были еще алее берета.

– Подойдите сюда, – позвала она прерывающимся голосом, взволнованная его присутствием до того, что совсем не помнила себя.

Да и то сказать, не было на свете драгоценных камней, которые блистали бы подобно очам Ренэ, не было полотна белее его кожи, не было даже у женщин столь изящного сложения. И он казался ей сугубо пленительным от близкой возможности исполнить свое желание. Легко можно себе представить, как увлекательна игра любви, когда она разгорается при свете юных глаз и солнца, при тишине и прочем.

– Читайте мне славословие Богородице, – сказала она, протягивая пажу открытую книгу, лежавшую на пюпитре. – Мне надобно знать, хорошо ли обучает вас ваш учитель. Как прекрасна Дева Мария, не правда ли? – спросила Бланш, улыбаясь, когда он взял в руки часослов, страницы которого были расписаны лазурью и золотом.

– Это же картинка, – ответил он скромно, бросая робкий взгляд на свою прелестную госпожу.

– Читайте, читайте!

Тогда Ренэ стал прилежно произносить сладостную мистическую хвалу, но ответные слова Бланш: «Ora pro nobis»³⁵ – звучали все слабее и слабее, подобно отдаленному пению рога, и, когда Ренэ с жаром повторил: «О, роза сладчайшая», графиня, прекрасно слышавшая сии слова, ответила легким вздохом. Вследствие сего Ренэ подумал, что супруга сенешаля уснула. Он не мог оторвать от нее восхищенных взоров, смело ею любовался, и ему не надо было иных песнопений, кроме гимнов любви. От счастья стучало и чуть не разрывалось сердце его. И, понятно, два чистых пламени горели один другого жарче, и если б кто увидел их вместе, понял бы, какая им грозит опасность. Ренэ наслаждался лицезрением Бланш и находил тысячу прелестей в этом пышном цветке любви. Забывшись в восторге, уронил он книгу и тут же устыдился, словно монах, застигнутый врасплох за детским грехом, но благодаря сему происшествию понял, что Бланш и в самом деле крепко уснула, ибо она не шелохнулась. Она не открыла бы глаз и при большей опасности и надеялась, что свалится нечто иное, чем часослов. Известно, что желание понести дитя есть одно из самых навязчивых желаний! Итак, юноша заметил ножку своей госпожи, обутую в крохотную голубую туфельку. Ножка поставлена была на скамеечку необычным образом по той причине, что графиня сидела слишком высоко в креслах своего супруга. Ножка была узенькая, с красивым изгибом и шириной не более чем в два перста, а длиной с воробышка, с миниатюрнейшим носком – одним словом, ножка, для наслаждения созданная, истинно девичья, достойная поцелуя, подобно тому как разбойник достоин петли, и такая многообещающая ножка, что ангела могла бы низвести с небес, сатанински дразнящая, и, глядя на нее, хотелось создать еще хоть пару подобных ножек, точь-в-точь таких же, дабы умножить на сей земле прекрасные творения Господа. Так бы и разул эту

³⁵ Молись за нас (лат.).

красноречивую ножку! Собираясь исполнить задуманное, перебегал он взорами, где светилась пылкая юность, от названной ножки к лицу спящей дамы и обратно. Так раскачивается язык колокола, прежде чем ударить. Ренэ прислушивался к ее сну, пил ее дыхание и не мог решить, что слаще – прильнуть ли поцелуем к ее свежим алым устам или же поцеловать заманчивую ножку. И наконец, из уважения ли, а может быть, убоясь ее гнева или от великой любви, выбрал он ножку и поцеловал ее крепко, но еще несмело и тут же схватил книгу, чувствуя, что краснеет все более и более, и, задыхаясь от восторга, закричал, как слепой на паперти: «О, Ianuа coeli!»³⁶ Но Бланш отнюдь не проснулась, ожидая, что паж от ножки вознесется к колену, а оттуда прямо в небеса. И почувствовала она глубокое разочарование, когда молитвословие кончилось, не принеся ей дальнейшего ущерба, и когда Ренэ, решивший, что счастья перепало ему на целую неделю, убежал, испарился, более обрадованный сим похищенным поцелуем, чем самый дерзкий вор, унесший кружку с пожертвованиями для бедных.

Оставшись одна, супруга сенешаля испугалась в глубине души своей, что юноша, пожалуй, никогда не дойдет до дела, ежели они ограничатся чтением «Magnificat». Тогда она придумала, что на следующий день чуть приподнимет ножку, дабы краешком показать совершенства, кои туренцы называют «нетленными» по той причине, что они от воздуха никогда не портятся и свежести не теряют.

Уж поверьте, что после вчерашнего дня паж, воспламененный своим желанием, а еще более воображением, нетерпеливо поджидал часа чтения требника любви. И он не ошибся, его призвали, и снова началось славословие, за которым Бланш не преминула заснуть. На этот раз наш Ренэ провел рукою по прелестной ножке и осмелился даже проверить, насколько гладко колено и везде ли так же атласна кожа. В чем он и убедился, но страх столь сильно сковал его желания, что он едва прикоснулся к ножке робким поцелуем и тут же притаился. Уловив эти колебания чутким сердцем и понятливой плотью, графиня, изо всех сил сдерживаясь, чтобы остаться неподвижной, крикнула пажу:

– Ну же, Ренэ, я сплю!

Приняв ее возглас за суровый укор, испуганный паж убежал, бросив книгу и начатое дело. По сему случаю супруга сенешаля присовокупила к славословию следующую свою молитву:

– Святая Дева, как трудно с детьми!

³⁶ «О, Небесные врата!» (лат.)

Во время обеда паж обливался холодным потом, когда ему приходилось прислуживать своему господину и его супруге, и как же он был удивлен, поймав взгляд графини, самый красноречивый и жаркий из всех взглядов, когда-либо брошенных женщиной, и какая же сила заключалась в этом взгляде, если им невинный отрок был сразу превращен в смелого мужчину. Вечером этого же дня по той причине, что Брюин задержался дольше обычного по своим судейским делам, паж отправился разыскивать Бланш и, найдя ее спящей, подарил ей дивный сон. Он освободил ее от того, что так ее тяготило, и столь щедро ее одарил, что сего дара хватило бы с избытком не на одного младенца, а на двойню. После чего Бланш обняла своего милого и, прижав его к себе, воскликнула:

– Ах, Ренэ, ты меня разбудил!

И впрямь, сие разбудило бы и мертвую, и любовники подивились, до чего крепкий сон у святых угодниц. От того случая, безо всякого чуда, а лишь в силу благостного свойства, спасительного для супругов, на голове у почтенного мужа стало появляться некое изящное и нежное украшение, которое со временем вырастает в рога, не причиняя носителю их ни малейшего беспокойства.

С того приснопамятного и счастливого дня супруга сенешаля с удовольствием предавалась в полдень отдохновению на французский лад, меж тем как Брюин храпел на сарацинский лад. Но после каждого такого отдохновения Бланш убеждалась все тверже, насколько паж ей милее старых сенешалей, и ночью куталась в покрывала, лишь бы не слышать противного духа, который шел от чертова графа. И так день ото дня, засыпая и просыпаясь после многих выше-названных отдохновений и многих акафистов, супруга сенешаля однажды почувствовала, как

зародилась в ее прекрасном лоне та жизнь, о которой она так долго вздыхала, но отныне она более возлюбила сами усилия, нежели их плоды.

Заметим, что Ренэ научился бегло читать, и не только в книгах, но и в глазах своей престелстной госпожи, ради которой он охотно бросился бы в огонь, если б она того пожелала. После многих встреч, число коих уже давно перевалило за сто, супруга сенешаля задумалась и забеспокоилась о будущем любимого своего паж. И вот в одно пасмурное утро, когда они, словно невинные дети, играли в ладошки, Бланш, которая все время проигрывала, сказала:

– Послушай, Ренэ, я ведь совершаю грех невольный, ибо творю его во сне, а ты совершаешь смертный грех.

– Ах, сударыня, – воскликнул Ренэ, – куда же Господу Богу девать всех грешников, ежели это называется грехом!

Бланш расхохоталась и, поцеловав его в лоб, промолвила:

– Молчи, гадкий мальчишка, дело идет о рае, а надобно нам туда попасть обоим, если хочешь вечно быть со мной!

– О, рай мой здесь!

– Перестаньте же, богохульник, вы забыли, что я люблю вас более всего на свете! Разве ты не знаешь, что я ношу ребенка, которого скоро так же трудно будет скрыть, как нос на лице. А что скажет аббат, что скажет мой супруг! Он может казнить тебя, если прогневается. Мой совет таков, мой милый: ступай к мармустьерскому аббату, покайся в своих грехах и предоставь ему решать, как следует тебе поступить при встрече с моим сенешалем.

– Увы, если я выдам ему тайну нашего счастья, то он наложит запрет на нашу любовь, – сказал хитрый паж.

– Пусть так. Твое вечное блаженство мне слишком дорого.

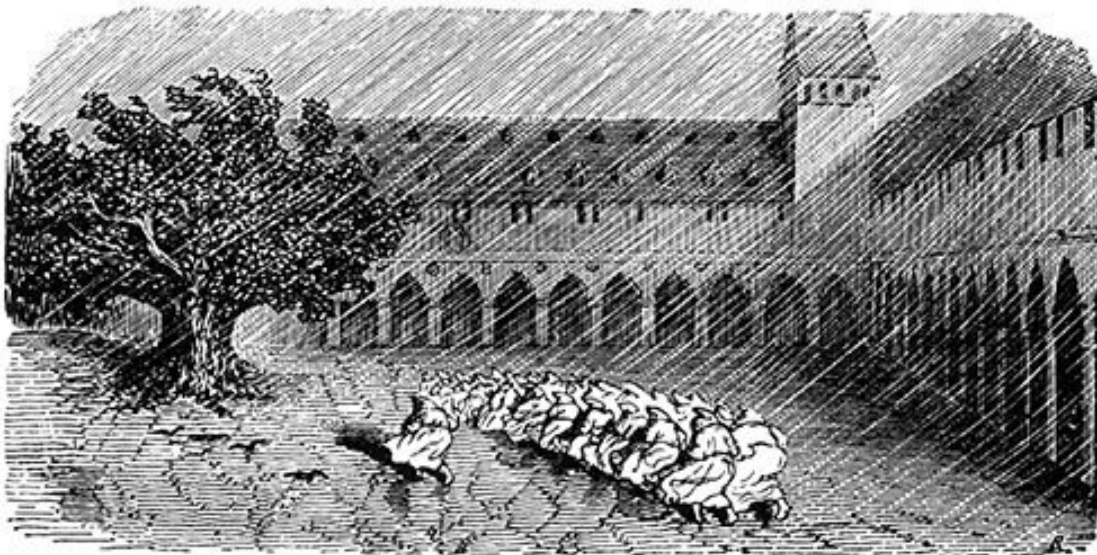
– Итак, вы сами этого хотите, моя милая!

– Да, – ответила она не очень твердым голосом.

– Ну что ж, я пойду, но прошу вас, усните еще раз на прощание.

И юная чета принялась усердно творить прощальное славословие, как бы предвидя, и тот и другая, что любви их суждено кончиться в расцвете своей весны. На следующее утро, более для того, чтоб спасти свою бесценную госпожу, чем для собственного спасения, а также дабы доказать ей делом свое послушание, отправился Ренэ де Жаланж в Мармустьерский монастырь.

Глава пятая
Как за грех любви наложено было строгое
покаяние и наступила засим великая печаль

– Боже праведный! – воскликнул аббат, выслушав из уст пажа пространную хвалу сладостным его прегрешениям. – Ты повинен в страшном обмане, ты предал господина своего! Знаешь ли ты, злосчастный, что за прегрешения сии будешь ты гореть на том свете вечно и во веки веков? И ведомо ли тебе, что лишаешься ты навсегда блаженства небесного за единый преходящий миг земной услады? Несчастный, я уже зрю, как ввергают тебя в преисподнюю, если не искупишь ты еще на сем свете грехи твои перед Господом!

Сказав это, добрый старик-аббат, который был из того теста, из коего пекутся святые, и пользовался большим почетом по всей Турени, стал стращать юношу, описывая всевозможные бедствия, христианнейше его увещевал, приводил церковные наставления, говорил горячо и многословно, не уступая в том самому дьяволу, который, задумав за шесть недель соблазнить девственницу, не мог бы превзойти его в красноречии, так что Ренэ предался в руки аббата, надеясь заслужить отпущение грехов. Названный аббат, желая наставить на путь святой добродетели юного грешника, повелел ему не раздумывая пасть в ноги своему господину и во всем ему повиниться. Засим, если его минует расправа, незамедлительно вступить в ряды крестоносцев, отправиться в Святую землю и не менее пятнадцати лет подряд сражаться против неверных.

– Увы, святой отец, – воскликнул паж, потрясенный его проповедью, – а хватит ли пятнадцати лет, дабы заслужить прощение за столько изведанных утех! Ах, если мерить сладостью, от них вкушенной, потребовалось бы добрых тысячу лет.

– Бог милосерд, иди, – отвечивал аббат, – и впредь не греши. Сего ради *ego te absolvo...*³⁷

Бедный юноша вернулся в замок в великом унынии духа и первым увидел во дворе самого сенешаля, который присматривал, как начищают его вооружение: шлем, налокотники и остальные доспехи. Восседа на мраморной скамье под открытым небом, Брюин любовался блеском своих щитов и нагрудников, кои сверкали в лучах солнца, приводя ему на память веселые походы в Святую землю, удалые дела, любовные забавы и прочее. Когда Ренэ подошел к нему и преклонил колени, старик весьма удивился.

– Что это значит? – спросил он.

– Монсеньор, прикажите слугам удалиться, – ответил Ренэ.

³⁷ Ныне отпущаю тебе... (лат.)

И когда монсеньор отпустил людей, Ренэ признался ему в своей вине, поведал, как овладел преступно графиней во время ее сна и она зачала от него по примеру той святой, с коей так же поступил некий злодей; и пришел он, Ренэ, к господину своему по повелению духовника, дабы отдать себя в руки оскорбленного мужа. Сказав это, Ренэ замолк и потупил прекрасные свои глаза, от коих и пошли все беды, склонился до земли без страха, опустив руки, обнажив голову, покорный воле Божьей, ожидая своего часа. Сенешаль хоть и был бледен, да не настолько, чтоб пуще не побледнеть, посему он и побледнел как полотно и слова не мог произнести от ярости; а затем старик, в жилах коего не хватило жизненных соков, чтоб дать отпрыск роду своему, ощутил в себе в тот страшный миг больше сил, чем нужно, чтобы убить человека. Он схватил волосатой своей дланью тяжелую палицу, поднял ее, размахнулся, поиграл ею, будто легковесным кегельным шаром, и уже приготовился опустить ее на голову Ренэ, который, признавая свой грех перед господином, спокойно подставил шею, надеясь искупить и в сем мире и в будущем вину своей милрой.

Но цветущая его юность и обаяние столь естественного, нежного злодейства тронули суровое старческое сердце; Брюин отвел руку и, швырнув палицу в собаку, уложил ее на месте.

– Пусть тысячи миллионов когтей терзают во веки веков останки той, что породила того, кто посадил дуб, из коего сколотили мое кресло, на котором ты наставил мне рога. Разрази Господь тех, кто породил тебя, злополучный паж. Ступай к черту, откуда ты и пришел. Убейся с глаз моих, прочь из замка, прочь из нашего края и не задерживайся здесь дольше, чем нужно, а не то я сумею придумать тебе страшную казнь, сожгу тебя на медленном огне, и ты по двадцать раз в минуту будешь проклинать гнусную свою похоть.

Услышав такие речи сенешаля, к коему в этот миг вернулась молодость, ежели судить по брани и проклятиям, паж, не теряя времени, пустился наутек, и мудро поступил. Брюин, задыхаясь от ярости, бросился в сад; топча все на своем пути, все сокрушая направо и налево и богохульствуя, он даже опрокинул три лохани, в которых слуга нес корм собакам, и в такое впал беспамятство, что убил бы легавую вместо зайца. Наконец нашел он свою лишившуюся девственности супругу, которая смотрела на дорогу, ведущую в монастырь, поджидая своего пажа, и – увы! – не подозревала, бедняжка, что никогда больше его не увидит.

– Ах, сударыня! Пусть меня тут же проткнет дьявол своими раскаленными вилами. Я, слава богу, уже давно не верю басням и давно уже не дитя. Неужто вы так несчастливо созданы природой, что вас целым пажом не разбудишь... Чума ему на голову! Смерть!

– Это правда, – ответила она, поняв, что все открылось. – Я все отлично почувствовала, но раз вы сами не научили меня ничему, вот я и подумала, что это мне только снится.

Тут гнев сенешаля растаял, как снег на солнце, ибо и Божий гнев смягчила бы единая улыбка Бланш.

– Тысячи миллионов чертей поberi того ублюдка! Клянусь, что...

– Ну, ну, зря не клянитесь! – воскликнула супруга. – Если он не ваш, зато мой, а разве вы не говорили сами в тот вечер, что будете любить все, что от меня исходит?

И тут же она ловко сбила с толку своего супруга, наговорила множество ласковых слов, жалоб, упреков, столько пролила слез, произнесла все, что положено женщинам по их псалтырю: дескать, родовое поместье их никогда не будет подлежать возврату королю, и никогда ни один младенец не был зачат в большей невинности, и то, и другое, и тысячи разных разностей, и столько их насаждала, что добрый наш рогоносец смягчился, а Бланш, воспользовавшись передышкой, спросила:

– Где паж?

– У черта в зубах!

– Как! Вы убили его?

Побледнев, она чуть не упала.

Брюин не знал, что и делать, когда увидел, что отрада его старческих дней гибнет, и готов был ради спасения жены сам привести к ней ее паж. Потому он и послал за ним. Но Ренэ неся, словно на крыльях: боясь казни, он отправился прямо в заморские страны, исполняя свой обет. Когда графиня узнала от аббата, какое на ее милого наложено послушание, она впала в глубокую тоску и все повторяла:

— Где же он, бедный мой? Не сносить ему головы, всем он пожертвовал из любви ко мне.

И она звала его, как ребенок, не дающий покоя матери, пока не исполнят его каприз. Слушая ее жалобы, старик чувствовал, сколь он виноват, и суетился, стараясь угодить чем только мог, кроме одного, в чем угодить он был не в силах, но ничто не могло заменить ей прежних ласк паж...

И вот в один прекрасный день появился на свет долгожданный младенец. Легко себе представить, что это было истинным праздником для рогоносца, ибо ребенок – плод прекрасной любви – лицом был в пригожего отца. Бланш утешилась, и со временем вернулась к ней милая ее веселость и та свежесть невинности, которая была утехой старости сенешаля. Любуясь младенцем, его играми и смехом, которому вторил счастливый смех матери, сенешаль в

скором времени полюбил ребенка и разгневался бы сверх меры на всякого, кто усомнился бы в его отцовстве.

Коль скоро слух о приключении Бланш и ее пажа не перешел за ограду замка, то и говорили по всей Турени, что старый Брюин еще сумел родить себе сына. Честь Бланш посему осталась незапятнанной, а сама она с внезапной прозорливостью, которую черпала в женской своей природе, поняла, сколь необходимо ей хранить в тайне невольный грех, павший на голову ее сына. Вследствие сего стала она сдержанной, разумной и прослыла весьма добродетельной женщиной. Однако ж, немилосердно испытывая терпение своего супруга, она и близко его к себе не подпускала, считая, что навсегда принадлежит Ренэ. В награду за старческое обожание Бланш лелеяла Брюина, расточала ему улыбки, развлекала его, нежно лестила ему, как то обычно делает женщина с обманутым мужем; а сенешаль чем дальше жил, тем больше привыкал к жизни и никак не желал умирать. Но однажды вечером старый Брюин все-таки начал отходить, не зная сам, что с ним такое, и настолько даже, что сказал Бланш:

– Ах, моя милочка, я тебя не вижу. Разве уже настала ночь?

То была смерть праведника, и сенешаль заслужил ее в награду за свои бранные труды в Святой земле.

Бланш после его кончины долго носила траур, оплакивая супруга, как родного отца. Так она не выходила из печального раздумья, не склоняя слуха к просьбам искателей ее руки, за что хвалили ее добрые люди, не ведавшие того, что у нее был тайный друг, супруг сердца, и что жила она надеждой на будущее и на самом деле пребывала вдовой и для людей и для себя самой, ибо, не получая вестей от своего возлюбленного крестоносца, считала его погибшим. Нередко бедной графине снилось, что он лежит распростертый на земле где-то там далеко, и она пробуждалась вся в слезах. И так прожила она долгих четырнадцать лет воспоминаниями об одном счастливом миге. Однажды сидела она в обществе туреньских дам, беседа с ними

после обеда, и вот вбегает ее сын, которому шел тогда четырнадцатый год, и был он похож на Ренэ более, чем мыслимо ребенку походить на отца, ничего не унаследовав от Брюина, кроме фамилии. И вдруг мальчик, веселый и приветливый, какой была в юности его мать, вбегает из сада весь в поту, разрумянившись, толкая и сшибая все на своем пути; по детскому обычаю и привычке бросается он к любимой матери, припадает к ее коленям и, прерывая беседу дам, восклицает:

– О матушка, что я вам скажу! На дворе я встретил странника, он схватил меня и обнял крепко-крепко.

Графиня строго взглянула на дядьку, которому поручено было следовать за молодым графом и охранять его бесценную жизнь:

– Я ведь запретила вам допускать чужих людей к моему сыну, будь то даже святой. Уходите прочь из моего дома!

– Госпожа моя, тот человек не мог причинить ему зла, – ответил смущенно старый дядька, – ибо, целуя молодого графа, обливался горячими слезами...

– Он плакал? – воскликнула графиня. – Это отец!..

Она уронила голову на подлокотник кресла, того самого, где, как вы уже догадались, совершился ее грех.

Услышав странные ее слова, дамы всполошились и не сразу разглядели, что бедная вдова сенешаля мертва. И никто никогда не узнал, произошла ли эта скоропостижная смерть от горя, что ее милый Ренэ, верный своему обету, удалился, не ища встречи с ней, или же от великой радости, что он жив и есть надежда снять с него запрет, коим мармустьерский аббат разбил их любовь.

И все погрузились в великий траур. Мессир де Жаланж лишился чувств, когда предавали земле останки его возлюбленной. Он удалился в Мармустьерский монастырь, который называли в то время Мармустье, что можно было понять как *maius Monasterium*, то есть самый славный монастырь, и поистине не было во всей Франции монастыря прекраснее.

Королевская зазноба

Время действия: XVI век (царствование Франциска I).

В то время один золотых и серебряных изделий торговец проживал близ кузниц, что рядом с мостом Менял, а дочка его по всему Парижу славилась красотой своей и любезностью, так что многие домогались ее любви известными для таких случаев способами, а некоторые, желая взять эту самую дочку в законные жены, предлагали деньги ее отцу, что оному льстило несказанно.

Один сосед, адвокат парламента³⁸, торговавший своим красноречием до того ловко, что прибрал к рукам столько земель, сколько вшей у собаки, вознамерился подарить отцу красавицы в благодарность за его согласие особняк. Ювелир не устоял и обещался дочь ему отдать, не посмотрев, что рожей этот крючкотвор был точно обезьяна, да, сверх того, с редкими зубами и шамкающими челюстями. Алчного торговца не отпугнул даже запашок, исходивший от соискателя, хотя от того воняло, как от всех судейских, что разгребают дворцовые конюшни, загнивая в пергаментях, анналах и темных делах.

³⁸ *Парламент* – верховный суд в дореволюционной Франции, должности в котором покупались и передавались по наследству.

Как только дочка сего женишка узрела, так недолго думая выпалила:

– О Господи! Нет, мне такого даром не надобно.

– Это мне решать! – отвечал отец, которому особняк уже пришелся по вкусу. – Я даю его тебе в мужа. Настройте ваши лютни на один лад, и – с Богом! Отныне ублажать тебя – его повинность.

– Ах так? Ин ладно, послушаюсь я вас, но прежде я ему все скажу.

Вечеру того же дня, после ужина, когда влюбленный принялся с жаром расписывать, как он влюблен, да обещать златые горы до конца ее дней, она прервала его речи такими словами:

– Отец запродам вам мое тело, и коли вы возьмете его, то превратите меня в продажную девку, но знайте, чем вам, я лучше первому встречному отдамся. Обещаю в отместку за всех девушек такое бесчестье, которое обернется только смертью – вашей или моею.

Потом она заплакала, запричитала, как поступают поначалу все еще неопытные девицы, хотя потом из них чего-чего, а слезинки уже не выжмешь. Любезный адвокат принял столь странные повадки за уловки и приманки, к которым прибегают женщины, дабы посильнее раздуть пламя страсти и обратить на все готовность своих суженых в женину долю в наследстве и в прочие имущественные права. Потому сей павлин от слез девичьих отмахнулся и даже посмеялся над тяжкими вздохами красавицы, сказав:

– Так когда свадьба?

– Завтра же, – отвечала она, – поелику чем скорее, тем ранее я получу свободу, заведу полюбовников и проживу веселой жизнью тех, кто любит по склонности сердца своего.

Тут эта жаба безголовая, попавшаяся, как пташка на клей, уходит, приступает к приготовлениям, держит речь во дворце правосудия, бежит в церковный суд, выдает расписки и все это проделывает быстрее, чем свои бесконечные тяжбы, только и мечтая о красавице.

Тем временем король³⁹, возвратясь из дальних странствий, услышал, как весь двор судачит о девушке, которая отказалась от тысячи экю, предложенной ей таким-то, дала от ворот

³⁹ *Король* — Франциск I (1494–1547), французский король с 1515 года. Символ французского Возрождения, король-93

поворот такому-то и вообще не хотела никому покориться и отвергла любовь самых красивых юношей, кои покинули Господа нашего и кущи райские исключительно для того, чтобы когда-нибудь насладиться этим драконом в юбке. Так вот, славный король, весьма охочий до подобной дичи, вышел в город, добрался до кузни у моста Менял и заглянул к ювелиру будто бы за тем, чтобы купить подарок для дамы своего сердца, а на самом деле, чтобы сторговаться на предмет самой прекрасной из драгоценностей, что была в этой лавке. То ли король не нашел ничего для себя подходящего, то ли он сам не подходил к товару, да только старику пришлось залезть в свой потайной шкафчик, чтобы предложить королю самый большой бриллиант. И пока отец стоял, повернувшись к ним спиной, король обратился к красавице с такими словами:

– Милочка, – сказал он, – ты не создана для того, чтобы торговать украшениями, тебе должно их получать. И коли позволишь, я укажу тебе на сокровище, которое сводит меня с ума так, что я готов навеки стать его подданным и слугой, и за которое не в силах расплатиться все французское королевство.

– Ах, сир, – вздыхает красавица, – завтра я выхожу замуж. Но ежели вы уступите мне кинжал, что висит у вас на поясе, я сумею защитить мой цветок и сохранить его для вас, дабы последовать словам Писания, гласящим: «Кесарю – кесарево».

воин, король-строитель, покровитель литературы и искусств. Способствовал укреплению абсолютизма, расширению границ Франции. Отличался женолюбием и жизнелюбием, и удовольствия, которым неосмотрительно предавался Франциск I, рано состарили его. Ему не было еще и сорока, когда здоровье его пошатнулось, а с 1539 года у него начались приступы подагры и боли, вызванные сифилисом, которые сильно сказались на его настроении и характере.

Король протянул свой маленький кинжал девице, чьи слова вскружили ему голову до того, что он потерял всякую охоту к еде и питью. Он стал готовиться к переезду, желая поселить свою новую зазницу на улице Ласточки, в одном из своих особняков.

А адвокат, которому не терпелось, чтоб на него надели хомут, к великой досаде своих соперников, под благовест повел свою невесту к алтарю, потом под музыку задал пир, способный расстроить самые крепкие желудки, и вечером явился в опочивальню, где должна была возлежать его красавица. Но вместо красавицы он увидел в кресле бешеную ошетилившуюся ведьму, которая не желает ложиться в постель и сидит у очага, подогревая свой гнев и зад. Добрый муж в изумлении падает перед ней на колени, умоляя вступить с ним в честный и прекрасный поединок, но она молчит, будто воды в рот набрала, а чуть только он делает попытку приподнять ей подол, чтобы одним глазком узреть то, что столь дорого ему встало, как она все так же молча затрещину ему отвешивает и чуть не ломает нос. Игра сия приходится адвокату по нраву, ибо чает он, что она известно чем кончится, и он с верой и упованием принимает от притворщицы все удары. Он подступает к ней и так и этак, рвет ей рукав, потом юбку и касается-таки предела вожеленного. Подобного лиходейства красавица не стерпела, выбралась, вскочила на ноги и выхватила королевский кинжал.

– Чего ты хочешь от меня? – воскликнула она.

– Всего! – отвечал адвокат.

– Ха! Я стану дрянью распоследней, коли отдамся наперекор своему сердцу. И ежели ты полагаешь, что я не смогу защитить себя, то ты сильно заблуждаешься. Вот королевский кинжал, которым я убью тебя, посмей только шаг сделать.

С этими словами она взяла уголек и, не спуская с адвоката глаз, провела на полу черту и добавила:

– Это граница королевских владений. Не вздумай ее пересечь, я не шучу!

Адвокату вовсе не улыбалось совокупляться с кинжалом, однако, слушая жестокий приговор, который обошелся ему уже в кругленькую сумму, добрый муж видел сквозь прорехи юбки до того прекрасные образчики полной, белой и свежей плоти, что смерть показалась ему

сладка, коли он отведаёт хотя бы один кусочек. И тогда он набросился на королевские владения с криком:

– Плевать мне на смерть!

Бросок его оказался столь мощным, что красавица рухнула на постель, однако не растерялась и стала так отчаянно отбиваться, что адвокат, лишь коснувшись до шерстки бестии, заполучил удар кинжалом, который отсек у него добрый кусок сала, но особого ущерба не причинил. Таковую не слишком, надобно признать, высокую цену пришлось ему заплатить за посягательство на королевскую собственность.

Однако даже столь жалкое завоевание привело его в крайнее возбуждение, и он воскликнул:

– Я не смогу жить, не заполучив это прекраснейшее тело и не вкусив с тобой сладости любви! Убей меня!

И он снова пошел на приступ королевского заповедника.

Красавицу, у которой король не выходил из головы, великая страсть адвоката ничуть не тронула, и она сурово произнесла таковые слова:

– Раз ты мне угрожаешь и не желаешь от меня отстать, то я убью не тебя, а себя!

Лик ее был до того ужасен, что бедный муж перепугался, сел в сторонке, проклиная недобрый час, и остаток ночи, столь радостной для тех, кто любит друг дружку, провел в жалобах, мольбах, восклицаниях и разных обещаниях: и как, дескать, он будет ей угождать, и как дозволит ей все промотать, как она станет есть только на золоте и как из простой девушки превратится в знатную даму и богатую землевладелицу, и, наконец, дозволит она ему преломить копье в честь любви, он оставит ее в покое и расстанется с жизнью так, как она того захочет.

Сим манером прошла ночь, и утром она по-прежнему холодно твердила, что позволяет ему умереть и другого счастья ей от него не надобно.

– Я вас честно предупреждала, – добавила она. – Однако, вопреки моим первым намерениям и угрозам, я отдамся не кому-нибудь, а королю и избавлю вас от случайных прохожих, носильщиков, кучеров и прочих его подданных.

Когда наступил день, она надела подвенечный наряд, спокойно дождалась, пока ее муж отправился по делам, и пошла по улицам города искать короля. Но ей не пришлось долго бродить, потому что по приказанию Его Величества один из королевских прислужников крутился рядом с домом адвоката и, недолго думая, обратился к новобрачной, пока еще не ставшей женой:

– Не короля ли вы ищете?

– Да, – отвечала красавица.

– Тогда я ваш лучший друг, – признался пригожий и ловкий придворный, – и я попрошу вашей помощи и покровительства за те услуги, которые окажу вам сегодня...

И он поведал красавице, что за человек король и с какого бока к нему лучше подступиться, предупредил, что королю свойственно то впадать в ярость, то молчать целый день, и как ей при этом сделать его своим рабом, короче говоря, он всю дорогу так молол языком, что не успели они дойти до дворца, а он уже сделал из нее совершенство, подобное которому не снилось даже госпоже д'Этамп⁴⁰. Бедный же адвокат, не найдя дома своей молодой жены, взревел, точно затравленный олень, и погрузился в страшную тоску. Собратья адвоката, крючки судейские, окружили его издевками да насмешками так, как не окружают почестями даже святого Иакова Компостельского⁴¹. Однако онный бедолага в печали своей до того изводился, до того мучился, что даже бумажные души сжалились и захотели его утешить. Поразмыслив, сии выдавшие виды мужи постановили, что пострадавшего не след именовать рогоносцем, поелику законная жена отказала ему в близости, и он мог бы на оном основании даже возбудить дело о расторжении брака, ежели бы оскорбителем его явился не король, а иное лицо. Однако несчаст-

⁴⁰ *Д'Этамп* — Анна де Пислё, герцогиня д'Этамп (1508 – после 1575), фаворитка Франциска I, с которой он сошелся в 1526 году и не расставался до самой своей смерти. Со своим мужем герцогом д'Этампом она была в столь натянутых отношениях, что он не оставил ей ничего, а новый король Генрих II отобрал у нее бриллианты, подаренные его отцом, выслал из Парижа, и она вынуждена была остаток дней провести в деревне и безвестности.

⁴¹ ...как не окружают почестями даже святого Иакова Компостельского. — Имеются в виду мощи апостола Иакова, хранимые в городе Сантьяго-де-Компостела (Испания), поклониться которым съезжаются христиане со всего мира.

ный адвокат, до умопомрачения влюбленный в несговорчивую девицу, скрепя сердце уступил ее королю в надежде, что когда-нибудь неверная ему все-таки достанется, и в чаянии, что даже одна ночь с нею стоит больше, чем позор на всю оставшуюся жизнь. Да, вот это любовь! Многие спесивцы на его месте плюнули бы на упрямцу и забыли, он же думал о ней денно и ночью, забросив тяжбы, просителей, кражи, в общем, все. Он бродил по дворцу правосудия, точно скупец, пытающийся вернуть украденное добро, озабоченный и погруженный в свои думы до такой степени, что однажды обмочил платье одного советника, полагая, что подошел к стене, у которой адвокаты справляют малую нужду. Тем временем король его красавицу любил с вечера и до утра и никак не мог насытиться, ибо она отличалась в любви особыми изысканными манерами, умея страсть как разжечь, так и остудить. То она отталкивала короля, то строила из себя ханжу, и каждый день она была новой, и фантазия ее была неиссякаемой, в общем, она вертела королем, как хотела, и при этом и сама никогда не унывала, и его смешила до слез.

Спустя какое-то время сеньор де Бридоре покончил с собой, отчаявшись добиться ее милости, хотя он готов был подарить ей свое имение в Турени. Да, тех старых добрых туренцев, которые дарили земли за один веселый удар копьём, давно уж и след простыл. Происшествие красавицу опечалило, да вдобавок и духовник вменил ей эту смерть в грех, так что она про себя решила, что впредь, несмотря на то что ее любит сам король, она, дабы уберечь свою душу, будет тайком принимать земли и тайком за них благодарить. Сим способом она

заложила огромное состояние, которое снискало ей уважение во всем городе. Но тем самым она не дала погибнуть большому количеству дворян, столь ловко настраивая свою лютню с ними в лад и выказывая этакую изобретательность, что король и не догадывался, как славно она споспешествует счастью его подданных. Она до того пришлась королю по нраву, что ей не составило бы труда убедить его, что потолок – это пол, ибо во дворце Ласточки король только и делал, что возлежал, и уже не понимал, где верх, где низ, а только и делал, что проверял на прочность свою зазнобу, однако бедняга оказался непрочен сам, ибо через любвеобилие свое отправился на тот свет. Хотя разборчивая красавица отдавалась лишь тем придворным, что занимали прочное положение при дворе, и ласки ее были редки, словно чудо, завистники и соперницы уверяли, что за десять тысяч экю самый мелкий дворянин может вкусить от королевского стола. Сие было ложь и клевета, и потому как-то раз, поссорившись с Его Величеством, который упрекнул ее за оные пересуды, его зазноба гордо заявила:

– Презираю и тридцать тысяч раз проклиная тех, кто вложил эту ерунду в вашу голову. У меня не было никого, кто не раскошелится бы меньше чем на тридцать тысяч экю.

Как ни осерчал король, а от улыбки не удержался и, дабы заставить умолкнуть злые языки, пробыл с нею еще месяц или около того. Тогда небезызвестная девица по имени Анна де Пислэ решила, что не быть ей дамой сердца короля, пока не пустит она свою соперницу по миру. И многие желали красавице того же, хотя саму Анну де Пислэ выдали замуж за молодого аристократа, который был с нею вполне счастлив, ибо любви и огня в ней было столько, что она могла бы перепродавать их дамам, коим свойственна холодность. Но я отвлекся.

В один прекрасный день королевская зазноба отправилась за покупками – шелковой тесьмой, шнурочками, тапочками, воротничками и прочей любовной амуницией. И до того она была собою прекрасна, что каждый, а особенно мелкие чиновники, завидев ее, думал, что перед ним распахнулись врата рая. Поблизости от Креста на Трауар⁴², когда ее ножка уже спу-

⁴² *Крест на Трауар* – Речь идет о парижской площади Трауар (устар. «место казни»), где с давних времен стоял крест, у которого могли помолиться приговоренные (крест был разрушен в 1789 году). Ступени его каменного постамента служили

стилась с портшеза на мостовую, красавица вдруг заметила своего мужа. Она мгновенно, будто аспида живого узрела, укрылась за занавеской, что говорит о ее доброте, ибо многие знакомые мне женщины не упустили бы случая уязвить собственного супруга и, поправ его законные права, прошествовать мимо него с гордо поднятой головой.

– Что с вами? – забеспокоился имевший честь сопровождать нашу красавицу господин де Ланнуа.

– Ничего, – шепотом отвечала она. – Просто этот мимохожий – мой благоверный. О, бедняжка, как он переменился! Прежде он походил на обезьяну, а нынче это сущий Иов⁴³.

Несчастный адвокат стоял разинув рот, и сердце его таяло при виде обожаемой жены и ее прелестной ножки.

прилавками для торговцев овощами. Станция портшезов была открыта на этой площади в 1639 году, а рядом, на улице Сент-Оноре, находилось множество модных лавок.

⁴³ *Иов Многострадальный* – библейский праведник, история которого излагается в Книге Иова. Имя его буквально означает «удрученный, гонимый» и является символом земных страданий.

Господин де Ланнуа, будучи настоящим придворным насмешником, небрежно ему заметил:

– Будь вы даже сто раз ее мужем, это не повод преграждать дорогу.

При этих словах красавица расхохоталась, а бедный муж не только не убил ее на месте, а, наоборот, почувствовал, что ее смех разбил ему голову, сердце, душу и прочее и прочее, да так, что он пошатнулся и чуть не сбил с ног почтенного старика, который пускал слюни, пожирая глазами королевскую зазнобу. Взирая на прекрасный цветок, который достался ему в виде бутона, а с тех пор распустился, преисполнился благоухания и спеси, и на стан ее дивный, адвокат сделался еще более безумным и больным: никаких слов не достанет, чтобы сие описать, а дабы совершенно понять, до какого исступления он дошел, надобно самому быть пьяным от

возлюбленной, которая вам отказывает. Хотя редко кто попадал в такую переделку, как он. И наш крючок поклялся жизнью, состоянием, честью и всем прочим, что хотя бы раз, но добьется желаемого и устроит себе пиршество любовное, пропади пропадом все его потроха.

– Ох! Да! Нет! Черт меня побери! Она будет моей! Я ее муж! Ох, будь я проклят! – так он метался, бил себя по лбу и охал ночь напролет.

Бывают на свете такие встречи, в кои люди ограниченные не верят, ибо оные происшествия кажутся им сверхъестественными, однако люди с богатым воображением принимают в рассуждение, что выдумать такое невозможно, а значит, это правда. И вот такая чудесная встреча случилась у бедного адвоката на следующий же день после того, как он целую ночь впустую перемалывал свою страсть. Один из его верителей, человек знатный и допущенный в свой час к королю, явился к адвокату с утра и сказал, что ему срочно нужна значительная сумма денег, а именно двенадцать тысяч экю. На что судейский крючок возразил, что, дескать, двенадцать тысяч экю на дороге не валяются и что, помимо гарантий и интересов, надобен человек, у которого есть свободные двенадцать тысяч, а таковых людей в Париже, как бы ни был он велик, мало и еще меньше в иных городах и весях, и сие доподлинно известно всем мало-мальски опытным дельцам.

– Должно быть, – заключил адвокат, – вам попался слишком скаредный и неумолимый заимодавец?

– О да! – услышал он в ответ. – Все дело в королевской зазнобе! Никому ни слова, но нынче вечером с помощью двенадцати тысяч экю и моего имени Бри я ее урезоню.

Адвокат побледнел, точно труп, и вельможа испугался, что дело дрянь. Он только недавно вернулся с войны и знать не знал, что у королевской любовницы имеется в наличии законный муж.

– Как вы побледнели, – только и вымолвил он.

– У меня жар, – пояснил адвокат. – Так это с ней вы договорились о такой сумме?

– Ну да!

– И вы решаете все с ней напрямик?

– Нет, – отвечал вельможа, – все дела и делишки обделывает одна ее побегушка – свет не видывал такой ушлой горничной! Ее вокруг пальца не обведешь, и к ее ручкам наверняка что-то прилипает от ночей, позаимствованных у короля.

– Есть у меня один доверенный ростовщик, – не растерялся адвокат, – он сумеет вам посодействовать. Но я и пальцем не пошевелю, и из этих двенадцати тысяч вы и гроша ломаного не получите, коли эта самая горничная не явится прямо сюда и при мне не сложит в мешок сию немыслимую сумму за столь алхимическую услугу! Ей-богу, от такого даже кровь обратится в золото!

– О, куда как лучше взять с нее еще и расписку! – рассмеялся придворный.

Побегушка без разговоров согласилась на свидание с золотом, и вельможа сам проводил ее к адвокату. Дукаты выстроились на столе, точно монашки, направляющиеся к вечерне, и порадовали бы даже битого осла, такими прекрасными и сверкающими были эти славные, благородные, свеженькие столбики монет. Однако адвокат выложил их вовсе не для ослов. У служанки дух захватило от сей сияющей картины, она облизнула пересохшие губы и забормотала, замурлыкала себе под нос. Адвокат шепнул ей на ухо золотые слова:

– Это тебе!

– Ха! – вскрикнула она. – Мне отродясь никто так много не давал!

– Дорогая, – промолвил несчастный, – я тебя и пальцем не трону, ты получишь их за сущую безделицу... Твой доверитель не говорил тебе, кто я? Нет? Так знай, что я законный муж той дамы, с коей король распутничает и коей ты прислуживаешь. Отнеси ей эти экю и возвращайся сюда, я отсчитаю тебе твою долю при условии, выполнить которое тебе не составит ни малейшего труда.

Потрясенная побегушка пришла в себя, но ей стало страсть как любопытно узнать, за что ей предлагают двенадцать тысяч. Посему вернулась она очень скоро.

– Вот, моя милая, – сказал ей бедный муж, – двенадцать тысяч экю. На эти деньги можно купить земли, мужчин и женщин, а также совесть по меньшей мере трех слуг Господа нашего, а потому полагаю, что за эти двенадцать тысяч ты продашь мне не только душу, но и тело со всеми твоими потрохами. Я верю тебе, как законник: я – тебе, ты – мне. И я хочу, чтобы ты немедленно пошла к господину, который рассчитывает провести эту ночь с моей женой, и остановила его, сказав, будто сегодня король сам решил пожаловать к ней на ужин, а он пусть со своими прихотями нынче вечером справится как-то иначе. А вместо этого красавца и вместо короля к ней приду я.

– Как это?

– О! Я же купил тебя вместе с твоей хитростью! Стал бы я тебе дважды показывать золото, кабы не верил, что ты придумашь, как мне заполучить мою жену, поелику в этом случае и греха-то нет! Разве не благое дело – помочь святому соединению двух супругов, ведь их и только их сочетал узами брака священник перед алтарем?

– Что ж, пожалуй, вы правы! Приходите, – согласилась хитрая чертовка. – После ужина я погашу все свечи, и вы сможете насладиться моею госпожой, но при условии, что не пророните ни звука. К счастью, в эти часы она больше кричит, чем разговоры разговаривает, а вопросы задает жестами, потому что она страсть как стыдлива и не любит пошлой болтовни, подобно придворным дамам...

– О, возьми, возьми эти двенадцать тысяч, я обещаю тебе еще два раза по столько же, коли путем обмана заполучу то, что принадлежит мне по праву.

Они договорились о часе, двери, условном знаке, в общем, обо всем. Служанка в сопровождении дюжих молодцов удалилась, погрузив на мула звонкие монеты, отнятые законником у вдов, сирот и прочих бедняг, кои покорно плетутся к маленькому тиглю, в котором переплавляется все, даже наша быстротечная жизнь. И вот мой адвокат бреется, душится, надевает лучшее белье, отказывается от чеснока и лука, дабы дыхание было свежим, собирается с силами, завивается, как никогда, в общем, делает все, что жалкий судейский крючок может изобрести, дабы выглядеть точно разлюбезный кавалер. Он подбоченивается, словно молодой повеса, подзадоривает себя, дабы запастись дерзостью, и пытается как-то преобразить свою отвратительную рожу, но зря старается: от него за версту несет адвокатом. Прямо скажем, он был не так дальновиден, как прекрасная беломойка из Портильона, которая в один воскресный день, решив прихорошиться для своего возлюбленного, вымыла свой розан, сунула сами знаете куда свой безымянный пальчик, а потом его понюхала.

– Ах, ах! Миленький мой! – запричитала она. – Запашок-то еще тут! Ну ничего, я тебя прополощу чистой водичкой.

И, недолго думая, она присела на мелководье, и так расстаралась, что весь свой пыл остудила и естество ее съезжилось да сузилось до невозможности.

Но наш крючковорец считал себя прекраснейшим молодцем на всем белом свете, хотя на самом деле был не краше сушеной воблы. Короче говоря, он оделся очень легко, несмотря на собачий холод, и загодя устремился на улицу Ласточек. Ждать ему пришлось очень долго, но в ту минуту, когда кругом стемнело и он уже поверил, что его одурачили, служанка отворила калитку, и славный муж вне себя от восторга проник в королевский особняк. Побегушка спрятала его в закуток рядом с опочивальней, и он сквозь щелку в стене увидел свою жену во всей ее красе. Жена сняла с себя платье и украшения, а потом у очага облачилась в боевые доспехи, кои ничего не скрывают и не защищают. При этом, полагая, что их никто не слышит, она болтала со своей горничной:

– Ну разве я нынче не стою двадцати тысяч экю? Разве вот за это мне не причитается замок Бри?

С этими словами она слегка приподняла оба своих аванпоста, крепких, точно бастионы, и способных выдержать не один приступ, ибо, несмотря на бесчисленные атаки, они своей прочности не теряли.

– Одно это стоит целого королевства! – заявила она. – Я даже королю запрещаю к этому сокровищу прикасаться. Но, ей-богу, мне уже наскучило это ремесло. Работа есть работа, никакого удовольствия.

Горничная улыбнулась, и красавица добавила:

– Да, побывала бы ты на моем месте...

Горничная рассмеялась и сквозь смех промолвила:

- Тише, сударыня, он здесь.
- Кто?
- Ваш муж.
- Который?
- Настоящий.
- Тсс!

И побегушка выложила хозяйке все как на духу, ибо ей страсть как хотелось и расположение хозяйки сохранить, и двенадцать тысяч экю к рукам прибрать.

– Ну хорошо же! Пусть получит все, что ему причитается, – сказала жена адвоката. – Уж он у меня дождется. Если он хоть пальцем до меня дотронется, я утрачу весь мой лоск и стану уродливой, ровно макака. Ложись-ка на мое место и сама отработай свои двенадцать тысяч. Скажи ему, пусть уберется отсюда до зари, чтобы, мол, хозяйка не догадалась о твоей проделке, а я незадолго до того лягу к нему под бочок.

Бедный муж уже совсем закоченел и громко клацал зубами. Горничная зашла в его закуток, якобы за простыней, и сказала:

– Смотрите, не растеряйте ваш пыл. Госпожа нынче готовится со всей тщательностью, уж она вам услужит так услужит. Но ни звука, ни вздоха! Или я погибла.

Когда благоверный окончательно замерз, свечи погасли, побегушка сказала королевской зазнобе, что господин уже здесь, потом улеглась в ее постель, а красавица выскользнула из спальни. Адвокат выбрался из своего холодного тайника и спрятался под теплые одеяла, только и думая: «Ах! Как хорошо!»

На самом деле горничная дала ему больше, чем на сто тысяч экю. Адвокат почувствовал всю разницу между роскошью королевских домов и скудостью мелких буржуа. Побегушка хохотала как одержимая и прекрасно справлялась со своей ролью. Услаждая законника вскриками, она извивалась и судорожно подпрыгивала, билась, точно рыба, попавшаяся в сеть, выпускала ахи и охи, что избавляло ее от необходимости произносить любые другие слова. И на все поданные ею прошения адвокат отвечал без отказа, и, выжатый, точно лимон, заснул мертвым сном, но перед этим, желая сохранить воспоминание о прекрасной ночи, выдрал у женщины, откуда не знаю, потому что меня там не было, клочок волос и зажал его в кулаке как драгоценное свидетельство пылкости добросовестной красавицы. С первыми петухами королевская зазноба осторожно юркнула к мужу под одеяло и сделала вид, что спит. Горничная легонько постучала счастливчика по лбу и прошептала ему на ухо:

- Пора. Собирайте манатки и уходите! Уже рассвело.

Адвокат, разжав кулак, глянул на источник своего счастья.

– Ох, ох, – застонал он, одеваясь, – у меня в руке светлые, а у нее темные.

– Что вы наделали? – возмутилась служанка. – Госпожа заметит недостачу.

– Да, но сама посмотри!

– Что же вы, – с презрительным видом промолвила хитрая лиса, – не знаете, что все вырванное с корнем сохнет да выпцветает?

С этими словами она выпроводила замороченного рогоносца вон и покатила со смеху вместе со своей красавицей-хозяйкой. Об этой истории стало известно. Бедный адвокат, звали которого Ферон, умер с досады, поняв, что одному ему не досталась его жена, а она, которую потом прозвали прекрасной Фероньеркой⁴⁴, мирно рассталась с королем и вышла замуж за молодого графа де Бюзансуа.

И на старости лет она со смехом вспоминала эту проделку и признавалась, что всю жизнь у нее от судейских с души воротило.

Сие нас учит не привязываться сильнее, чем должно, к женщинам, кои наотрез отказываются склонить перед нами голову.

Наследник дьявола

Время действия: XV век.

В те времена, о которых идет речь, в соборе Нотр-Дам служил некий добрый старый каноник, проживавший в прекрасном собственном доме близ ограды собора на улице Святого Петра, что при быках. Каноник этот прибыл в Париж простым священником, нищ и гол, как нож без ножен. Будучи весьма красивым мужчиной, всеми ценными качествами обладая и отличаясь столь крепким сложением, что мог исполнять работу один за многих, без особого притом утомления, он посвятил себя с чрезвычайным рвением исповеданию дам; тоскующим

⁴⁴ *Прекрасная Фероньерка.* – Сведения о жене адвоката Ферона не отличаются достоверностью, однако именно ее обвиняют в том, что Франциск I заболел сифилисом, который она заполучила от своего мужа, а тот якобы нарочно заразился им, чтобы отомстить королю.

давал сладостное отпущение, недугующим – драхму своего бальзама, а всем оказывал какую-либо приятность. И столь он прославился своей скромностью, делами благотворительными и иными добродетелями, пастыря украшающими, что и при дворе нашлась ему паства. Дабы не возбудить ревности начальствующих лиц, а равно мужей и иных прочих, – короче сказать, желая облечь покровом святости благие и угодные иным деяния, супруга маршала Декуэрда подарила ему кость святого Виктора, и благодаря той кости происходили все чудеса, творимые каноником, а любопытствующие неизменно получали ответ: «Кость его исцеляющую силу имеет». На что никто и возразить не смел, ибо неприличным считалось сомневаться в чудодейственной силе реликвий. Под прикрытием рясы наш каноник достиг самой доброй славы мужа, «страха в бою не знающего». Посему и жил он как король, зашибая деньгу кропилом и обращая святую воду в вино. Кроме того, нотариусы во все завещания в разделе «Иным прочим» вписывали его имя, а также упоминали его в конце завещания в Caudicile – слово, происходящее от cauda, что означает «хвост», и следует понимать это так: «В хвосте завещания». Иные же ошибочно пишут Codicille, что означает «приписка».

Итак, добрый наш священник мог бы стать архиепископом, скажи он хотя бы шутки ради: «Не худо бы мне митру вместо шапки надеть, дабы голову не застудить». Однако ж он отвергал все предлагаемые ему блага и выбрал приход самый неприметный, желая сохранить за собой приятный доход от своих исповедниц. Но в один прекрасный день трудолюбивый наш каноник ощутил некую слабость в чреслах по той причине, что минуло ему шестьдесят восемь лет, а к тому же в исповедальнях он не щадил себя. И вот, перебрав в памяти все свои святые дела, он решил покончить с апостольским служением, тем паче что скопил приблизительно сто тысяч экю, если не более, заработанных в поте тела своего. С того дня исповедовал он лишь женщин знатного происхождения и прекрасных собой. При дворе толковали, что при всем своем рвении даже молодым священникам никак не угнаться за каноником с улицы Святого Петра, что при быках, так как он искуснее прочих мог обелить душу любой высокородной госпожи.

Со временем каноник стал согласно законам природы благообразным девяностолетним старцем, убеленным сединами; был он широк в плечах и грузен, как башня, но руки его тряслись. Множество раз в жизни он плевал, не кашлянув, а теперь он кашлял, а сплюнуть не мог, и не вставал больше с кресел за своей кафедрой – он, столько раз встававший на призыв ближнего. Однако ж старик пил и ел на славу, пребывая в молчании, храня полную видимость живого каноника из собора Парижской Богоматери.

По причине неподвижности названного каноника, по причине дурной молвы о прошлом его житии, которой невежественные простолюдины с некоторых пор стали внимать, по случаю его молчаливого затворничества, его цветущего здоровья, крепкой старости и многого другого, о чем и не скажешь, некие люди во славу колдовства и ради поругания святой нашей веры распространили слух, будто настоящий каноник скончался и что больше пятидесяти лет тому назад в тело святого отца вселился дьявол. И то сказать, бывшие его прихожанки ныне утверждали, что, видно, только дьявол великим своим жаром способен был производить ту алхимическую перегонку, каковая передавалась им от каноника, когда они того желали, и что у доброго духовника бес уже и в ту пору сидел в ребре. Но так как дьявол был изрядно ими обобран, измотан и не двинулся бы даже ради красавицы в двадцать лет, то люди разумные и смышленные, равно как и буржуа, которые обо всем любят судить и у плешивого на лысине найдут вошь, вопрошали: чего ради дьяволу принимать обличье каноника? Зачем ему ходить в собор Богоматери в час, когда там собираются каноники, и как осмеливается он вдыхать запах ладана, пробовать святую воду и прочая, и прочая. Отвечая на эти еретические речи, одни говорили, будто дьявол пожелал обратиться на путь истины, другие же – что он принял образ каноника, намереваясь сыграть шутку с тремя племянниками и наследниками достойного каноника и принудить их до дня их собственной кончины пребывать в ожидании богатого наследства от дяди, к которому наведывались они ежедневно взглянуть, не закрыл ли старичок глаза. Но находили его неизменно бодрым, взирающим на них оком ясным, живым и пронзительным, подобно оку василиска, и это их, казалось, весьма радовало, ибо на словах они очень любили своего дядюшку.

По сему поводу некая старуха утверждала, что каноник, наверное, дьявол и есть. Убедилась она в этом, когда двое его племянников – прокурор и капитан – провожали дядю ночью домой без факелов и фонарей после ужина у пенитенциария⁴⁵ и в пути по нечаянности толкнули старика на преогромную кучу камней, заготовленных для подножия статуи святого Христофора. При падении старца сначала раздался как бы выстрел, засим крики дражайших племянников, и при свете фонарей, принесенных от вышеназванной старухи, обнаружено было, что дядя стоял прям, как кегля, и весел был, словно кобчик, приговаривая, что доброе вино господина пенитенциария дало ему силу претерпеть подобный удар и что кости его довольно еще крепки и в более опасных переделках бывали. Добрые племянники, полагая, что старик уже мертв, были весьма удивлены и поняли, что времени не скоро удастся сломить их дядю, если даже камни и те сплюхвали, недаром они называли дядю добрым дядей, ибо был он скроен из доброго материала. Люди злоязычные говорили, будто каноник наш столь много камней встречал на своем пути, что почел за благо сидеть дома, дабы не заболеть от камней или подвергнуться иной, более страшной опасности. Это и является причиной его затворничества.

Из всех этих пересудов и толков следует, что старый священник, будь он дьявол или нет, сидел дома, умирать не желал, хотя имел трех наследников, с которыми мирился, как с коликами, прострелами и иными тяготами человеческой жизни.

⁴⁵ *Пенитенциарий* — священник, которому предоставлено право отпускать особо тяжкие прегрешения.

Один из наследников был нерадивейшим из вояк, когда-либо рожденных материнской утробой, и он разорвал оную, вылупливаясь на свет божий, по той причине, что уродился весьма зубастым и весь был покрыт шерстью. Ел он за два времени разом: за настоящее время и на будущее. И девок постоянно имел, которым оплачивал попорченные головные уборы. С дядей он сходствовал в протяженности, мощи и верной службе того, что часто в употреблении бывает. Во время больших стычек старался побольше противнику тумачков надавать, сам их не получая, что есть и всегда пребудет главнейшей задачей в ратном деле, которого он не избегал, и, не имея иных качеств, кроме своей храбрости, стал капитаном части копейщиков и весьма полюбился герцогу Бургундскому⁴⁶, который не слишком беспокоился, увы, чем заняты его солдаты в неурочный час. Старший племянник дьявола звался капитаном Драчом, а кредиторы, ростовщики, буржуа и прочие, которым он очищал карманы, прозвали его Гориллой, по той причине, что был он столь же хитер, сколь и силен, не говоря уж о горбе, украсившем его спину от рождения, и горе было тому, кто бы осмелился пройти насчет его горба: тут уж спуску не жди.

⁴⁶ *Герцог Бургундский* – Карл Смелый (1433–1477), последний герцог Бургундии, после гибели которого Бургундия прекратила свое существование как суверенное государство.

Второй племянник изучал право и с помощью дяди своего стал искусным прокурором, выступал в палате, где обделывал дела тех дам, коих в свое время каноник наиудачнейшим образом исповедовал. Племянника этого в насмешку прозвали Рвачом. Плоть Рвач был немощен и, казалось, выливал только холодную воду, а лицом бледен, и черты имел острые, наподобие мордочки хорька. Однако ж был он чуть получше своего братца и к дяде своему даже питал некоторую привязанность, но за последние два года сердце его мало-помалу разохлось, и вытекла оттуда капля за каплей вся его благодарность. В ненастье любил он, сунув ноги в дядины туфли, вкусить мысленно от плодов вожеленного наследства. Однако оба брата почитали свою часть наследства весьма скудной ввиду того, что по закону, по праву, по разуму, по справедливости, по природе и на деле требовалось третью часть выделить бедному двоюродному брату – сыну другой сестры каноника, хотя старик не особенно жаловал этого наследника, пастуха, бродившего по нантерским полям. Названный страж скотов, простой крестьянин, прибыл в город Париж по совету своих братьев, которые с умыслом поселили его у дяди, уповав, что дурью своей и грубостью, а равно как невежеством и бестолковостью досадит он канонику и тот вычеркнет его из своего завещания. И вот бедный Жук Пестряк, как прозвали пастуха, жил один со своим стариком-дядей уже целый месяц и находил более прибыльным и

приятным стеречь одного каноника, нежели целое стадо баранов. Он стал псом священника, слугой его, посохом старости, он говорил ему: «Спаси вас Господь», когда тот пускал ветры, «Будьте здоровы», когда тот чихал, и «Помилуй вас Бог», когда тот рыгал. Он бегал взглянуть, идет ли дождь и где кошка аббата. Молча внимал старику, не отвращая лица от его кашля, любовался старцем, как если бы тот был прекраснейшим из каноников, и все от чистого сердца и чистой души, сам не понимая, что он дядюшку холит, как собака, вылизывающая своих щенят. Дядюшка же, которого не приходилось учить, от чего все это проистекает, гнал от себя злосчастного Пестряка, заставлял его крутиться волчком, не давал ему вздохнуть. А двум другим племянникам твердил, что вышеназванный Пестряк – мужлан, остопоп и непременно его в гроб вгонит. Слыша такие слова, Пестряк лез из кожи, желая угодить дядюшке, ломал себе голову, как бы лучше услужить ему. Но так как у него пониже поясницы помещались как бы две огромные тыквы и был он весьма широк в плечах, конечностями толст и неповоротлив, то и походил более на Силена⁴⁷, нежели на легкокрылого Зефира⁴⁸. Одним словом, бедный наш пастух в простоте душевной не мог самого себя переделать и оставался, как был, тучным и жирным, ожидая, что с получением наследства приобретет желанную удобу.

⁴⁷ Силен – сатир, пьяный спутник Вакха, изображался с плешивой головой, толстым пузом и волосатыми ногами.

⁴⁸ Зефир — в античной мифологии олицетворение западного ветра; изображался в виде крылатого юноши.

Однажды вечером беседовал наш каноник о дьяволе, о тяжких муках, пытках, терзаниях, уготованных Богом для проклятых грешников. И добрый Пестряк, слушая эти рассуждения, тарасил свои круглые, как печные отдушины, глаза, но ничему не верил.

– Разве ты не христианин? – спросил каноник.

– Как же, христианин, – ответил Пестряк.

– Ну, так коли есть рай для добрых, разве не нужен ад для злых?

– Ад-то нужен, святой отец, а вот дьявола нету. Будь у вас какой злодей и переверни у вас все вверх дном, разве вы не выкинули бы его вон из дому?

– Да, верно.

– Так как же, дядюшка, не такой уж Бог простак, чтобы терпеть в этом мире, столь мудро устроенном его попечениями, какого-то мерзкого дьявола, который только и знает, что все портить. Чепуха это – не признаю я никакого дьявола, раз есть Господь благий, – уж поверьте мне! Хотел бы я видеть черта... Хо-хо, не боюсь я его когтей!

– Думай я, как ты, не стал бы я в мои молодые годы тревожиться, исповедуясь по десяти раз на дню.

– Исповедуйтесь и теперь, господин каноник, и будьте уверены, что это зачтется вам на небесах.

– Ну-ну, ужели правда?

– Да, господин каноник.

– И ты не страшишься отвергать дьявола, Пестряк?

– Да я его ни во что не ставлю.

– Смотри, как бы с тобой худого не приключилось от такой ереси.

– Ништо мне! Бог меня от дьявола защитит, ибо я верую, что он помудрее и подобнее, чем говорят о нем ученые люди.

В ту минуту вошли два других племянника, и, поняв по голосу дядюшки, что не так уж мерзок ему Пестряк и вечные жалобы на пастуха одно лишь притворство, имеющее целью скрыть сердечную склонность, оба братца немало удивились, переглянувшись, затем, увидя, что дядюшка смеется, спросили:

– Если бы вам пришлось писать завещание, кому вы оставите дом?

– Пестряку.

– А владение ваше по улице Сен-Дени?

– Пестряку.

– А арендованный у города Парижа участок?

– Пестряку.

– Что ж, – сказал капитан грубым своим голосом, – все, значит, достанется Пестряку?

– Нет, – отвечал каноник, улыбаясь. – Как бы ни тщился я составить свое завещание по всей справедливости, добро мое перейдет наихитрейшему из вас троих. Я уже так близко подошел к земному своему пределу, что ясно провижу ваши судьбы. – И прозорливый старец бросил на Пестряка лукавый взгляд, наподобие уличной потаскухи, увлекающей щеголя в вертеп.

Пронзительный взор каноника просветил разум пастуха, и слух и очи его отверзлись, как то бывает с девицей наутро после брачной ночи. Прокурор и капитан, приняв эту болтовню за

евангельское пророчество, отклонялись и вышли из дому, весьма уязвленные нелепыми намеками каноника.

– Что ты думаешь о Пестряке? – спросил прокурор у Гориллы.

– Я думаю, думаю... – ответил мрачно вояка, – думаю засесть в засаду на Ерусалимской улице да и скинуть ему голову наземь, к ногам поближе. Пусть чинит, коли желает.

– Ох, – воскликнул прокурор, – от твоей руки удар ни с чьим другим не спутаешь, так и скажут, что это дело рук Драча. А я подумываю иное: приглашу-ка его отобедать, и после обеда затеем игру, в какую у короля играют. Залезают в мешок, а все прочие судят, кто дальше в таком наряде прошагает. А мы на Пестряке мешок зашьем да и бросим дурака в Сену – не угодно ли, мол, поплавать.

– Это следует обдумать хорошенько, – сказал вояка.

– Тут и думать нечего, – продолжал прокурор. – Двоюродного братца отправим к черту, а наследство поделим с тобой пополам.

– Охотно, – согласился Драч, – но мы должны быть заодно, как две ноги одного тела, ибо если ты тонок, как шелк, то я крепок, как железо. Шпага петли не хуже... Запомните сие, дражайший братец.

– Да, – ответил адвокат. – На том и порешим. Теперь скажи – вервие или железо?

– Будь я проклят, авось не на короля идем! Ради какого-то мужлана, косолапного пастуха, столько слов тратить? Ну что, по рукам? Двадцать тысяч франков вперед в счет наследства тому из нас, кто его раньше порешит. Я ему честно скажу: «Голову свою подбери».

– А я скажу: «Поплавай-ка, любезный!» – воскликнул прокурор и захохотал, разевая рот до ушей.

Потом оба пошли ужинать. Капитан – к своей девке, а прокурор – к жене одного ювелира, в любовниках у которой он состоял.

А знаете, кого речи эти в изумление повергли? Пестряка. Бедный пастух услышал смертный свой приговор из уст двоюродных братьев, когда они на паперти прогуливались и беседовали, открывая друг другу свои мысли, как Богу на молитве. И пастух наш силился уразуметь, то ли слова их до слуха его достигали, то ли уши его до паперти дотянулись.

– Слышите ли вы, господин каноник?

– Да, – отвечивал тот, – слышу, как дрова потрескивают в печи.

– О, – воскликнул пастух, – если я не верю в дьявола, то верю зато в святого Михаила, моего ангела-хранителя, и поспешу туда, куда он зовет меня.

– Ступай, дитя мое, – сказал каноник, – только будь осторожен, не промокни, да и голову свою береги, а то мне слышится, будто журчит вода. Разбойники с большой дороги еще не самые опасные злодеи.

Словам этим Пестряк весьма удивился и, посмотрев на каноника, заметил, что на вид тот вполне весел, глазом по-прежнему востер, а ноги все так же у него скрючены. Но ввиду того, что надобно было отвратить смерть, ему грозившую, он подумал, что успеет еще налюбоваться каноником или ему угодить, и пустился, поспешая через город, как женщина, что трусит рысцой в чайании близкого удовольствия.

Оба двоюродных братца, отнюдь не подозревая, что Пестряк обладает той прозорливостью, какую подчас наделены пастухи, нередко предугадывающие близость непогоды, зачастую обсуждали в его присутствии грязные свои проделки, ни во что не ставя Пестряка.

Как-то раз вечером, желая развлечь каноника, Рвач поведал ему, какова в любви жена ювелира, которому она очень ловко наставляет рога точеные, полированные, резные, фигурные, не хуже королевских солонок. Эта прелестница, по словам его, была истинным кладезем наслаждений. Смелая насчет свиданий, она успевала согрешить, пока супруг ее поднимался по лестнице, ничего не подозревая; и подарки она поглощала, будто проглатывала ягоду за ягодкой, думала лишь о том, как бы наблудить; вертлявая, игривая, приветливая со всеми, будто самая добронравная жена, которая ни о чем худом и не помышляет, она умела ублажить своего добряка-мужа, который души в ней не чаял. И такая она была тонкая-претонкая пройдоха, что уже целых пять лет благополучно вела свой дом, свои любовные шашни и слыла добродетельной, завладела доверием мужа, ключами от всех замков, кошельком и всем прочим.

– А когда же вы играете на нежной флейте? – спросил священник.

– Все вечера. Часто я остаюсь у нее и на ночь.

– Но как? – удивился каноник.

– А вот как: в соседней с ее спальней каморке стоит большой сундук, в котором я прячусь. Когда добрый ее супруг возвращается от кума своего, суконщика, с которым он ужинает каждый вечер по случаю того, что часто занимается с суконщицей, моя милая, сославшись на легкое недомогание, оставляет его одного в постели и приходит исцелять свой недуг в названную каморку с сундуком. А поутру, когда ювелир трудится у своей плавильной печи, я убегаю.

И так как в доме два выхода – один на мост, другой на улицу, то я тем выходом всегда пользуюсь, где не встретишь мужа, а к нему заглядываю как бы для того, чтобы побеседовать о его делах, которые веду я в наилучшем порядке, не предвидя им конца. Это рогоносное дело для меня весьма доходно, ибо мелкие пошленные расходы и протори по тяжбам обходятся ему не меньше, чем содержание целой конюшни. Меня он очень любит, как и положено всякому рогоносцу, обязанному любить того, кто помогает ему вскапывать, поливать, удобрять, обрабатывать прекрасный сад Венеры; так что без меня он и шагу не ступит.

И вот эти-то речи и пришли на ум пастуху, когда его осенило в час опасности и разум подсказал ему, как спасти свою жизнь, ибо даже скотам отпущено достаточно понимания, без которого до времени порвалась бы нить их жизни.

Вот Пестряк и побежал на улицу Каландр, где ювелир должен был ужинать со своей кумой. Он постучался и, когда открылось в двери маленькое решетчатое оконце, ответил на вопрос: «Кто там?», назвавшись тайным королевским гонцом, после чего был допущен в жилище суконщика. Тут, приступив прямо к делу, он вызвал из-за стола веселого ювелира, отвел его в угол и сказал:

– Ежели бы один из ваших соседей наставил вам ветвистые рога и был бы вам выдан связанным по рукам и ногам, бросили бы вы его в реку?

– Ну разумеется, – ответил ювелир, – но ежели вы надо мной потешаетесь, то отведаете моих кулаков.

– Тише, тише, – продолжал Пестряк, – я друг ваш и пришел предупредить вас, что столько раз, сколько вы предпочли супругу суконщика вашей жене, столько же раз она отдавала предпочтение Рвачу перед вами, и ежели вы вернетесь к вашей плавильной печи, то увидите, какой там жаркий разведен огонь! При вашем возвращении тот, кто подметает там, куда лишь вы имеете право проникать, спрячется в большой сундук для платья. Вы же сделайте вид, будто я хочу приобрести у вас названный сундук и будто я ожидаю на мосту со своей тележкой, по вашему приказанию.

Ювелир схватил плащ, шапку и, даже не простившись с кумой, без дальних слов пустился бегом, словно отравленная крыса к себе в нору.

Он прибегает, стучится, ему отпирают, он входит, одним махом поднимается по лестнице, видит на столе два прибора, слышит, как хлопнула крышка сундука, видит жену, выходящую из комнаты любовных утех, и говорит ей:

– Милочка, тут два прибора.

– А что же, душенька, разве нас не двое?

– Нет, нас трое, – отвечает он.

– А разве кум ваш придет? – спрашивает она и с невинным видом поглядывает на лестницу.

– Нет, я говорю про того кума, который сидит в сундуке.

– Какой сундук? – отвечает та. – В уме ли вы? Где вы видите сундук? Разве сажают кумовьев в сундуки? Разве такая я женщина, что стану кумовой в сундуки совать? С каких это пор кумовья живут в сундуках? Что вы, с ума, что ли, сошли, путаете кумовьев с сундуками? Я знаю только одного вашего кума – мэтра Корнеля, суконщика, а из сундуков – лишь один сундук с нашей одеждой.

– Ох, – вздохнул ювелир, – дражайшая моя женушка, один негодный проходимец явился ко мне и уведомил меня, что ты взяла себе в любовники прокурора нашего и что сидит он сейчас у нас в сундуке.

– В сундуке?! – воскликнула она. – Зачем вы слушаете всяких сплетников? Они всегда зря болтают.

– Да, да, милочка, – продолжал ювелир, – я знаю тебя как добрую жену, на что нам с тобой ссориться из-за какого-то дрянного сундука. К тому же незванный советчик оказался столяром, и я продал ему этот проклятый сундук, я больше здесь его и видеть не желаю. А покупатель взамен дает мне два маленьких хорошеньких сундучка, где младенец и тот не уместится, и сплетни клеветников, завидующих добродетели твоей, сами собой иссякнут.

– Вы очень порадовали меня! Я отнюдь не дорожу моим сундуком, к тому же случайно он пустой. Наше белье в прачечной. Завтра поутру не составит большого труда вынести этот злосчастный сундук. Хотите ужинать?

– Нет, – ответил он, – я охотнее поем без сундука.

– Я вижу, – сказала она, – что легче выйти сундуку из дому, нежели из вашей головы.

– Эй! – крикнул ювелир, зовя подмастерьев и рабочих. – Идите сюда!

В тот же миг появились люди, и хозяин коротко приказал им вынести сундук. Сундук, послуживший любви, быстро протащили через залу, но во время переноски прокурор очутился в сундуке вверх ногами и, не будучи к тому привычен, забарахтался.

– Ничего, ничего, – промолвила жена, – это лестница шатается.

– Нет, моя милочка, это не лестница, а шкворень.

И без лишних слов сундук был пущен весьма ловко вниз по ступенькам.

– Эй, возница! – крикнул ювелир, и наш Пестряк, посвистывая на мулов, вместе с добрыми подмастерьями вскинули злокозненный сундук на тележку.

– Э, э!.. – завопил прокурор.

– Хозяин, сундук-то наш разговаривает! – заметил один из подмастерьев.

– А на каком таком языке? – спросил ювелир, дав подмастерью изрядный пинок в зад, каковой, к счастью, не был стеклянным. Подмастерье повалился на ступеньку лестницы, и тем было прервано его изучение сундучьего языка.

Пастух в сопровождении доброго ювелира отвез кладь к берегу реки. Не слушая красно-речивых увещаний говорящего сундука, они привязали к нему парочку-другую камней, и ювелир скинул груз прямо в Сену.

– Поплавай, любезный! – крикнул насмешливо пастух в тот миг, когда сундук, зачерпнув воды, нырнул в реку, подобно утке.

А наш Пестряк продолжал свой путь до улицы Сен-Ландри, что близ монастыря Нотр-Дам. Здесь разыскал он дом, признал дверь и крепко постучался.

– Откройте, – возопил он, – откройте именем короля!

Услыша эти слова, к дверям подошел старец, который был не кто иной, как известный всему Парижу ростовщик по имени Версорис.

– Что там такое? – спросил он.

– Я послан сюда начальником квартала предупредить вас, чтобы вы были начеку нынче ночью, – ответил Пестряк, – а он со своей стороны поднимет в нужный час стражу. Ограбивший вас горбун вернулся, держитесь крепко, он уж сумеет отнять у вас то, чего не успел унести раньше.

Сказав так, добрый наш пастух вновь побежал, но на сей раз на улицу Мармузе, где капитан Драч пировал со своей Маргариткой, самой пригожей из уличных красоток и самой неистощимой на смелые выдумки, по мнению подружек. Взгляд ее, живой и острый, разил, словно удар кинжала, а все повадки были столь соблазнительны, что и жители райских куш возгорелись бы любовным пылом. И была она к тому же нимало не пуглива, как и положено женщине, у которой не осталось иной добродетели, кроме дерзости.

Бедный Пестряк впал в великое смущение, зайдя в квартал Мармузе, ибо опасался не найти того дома, где жила Маргаритка, и еще пуще страшился застать наших голубков в постели. Но некий добрый ангел споспешествовал ему во всех его делах. И вот как. Выйдя на улицу Мармузе, пастух увидел яркий свет во всех окнах. Отовсюду выглядывали головы в ночных колпаках и чепцах: девки, красотки, хозяйки, мужья, девицы, покинув постель, смотрели друг на друга с удивлением, словно по улице при свете факелов вели вора на виселицу.

– Эй, что случилось? – спросил пастух одного горожанина, который спешил с алебардой в руке встать на страже у своих дверей.

– Да ничего, – ответил тот. – Мы было подумали, что арманьяки⁴⁹ бесчинствуют, а это, оказывается, Горилла избивает Маргаритку.

– Где же они? – спросил пастух.

– Вот в том прекрасном доме – видите на столбах пасти крылатых жаб, весьма искусной работы. Слышите, какой там шум подняли слуги и служанки.

И впрямь только и слышались крики: «Помогите! Спасите, убивают!» Тем временем в доме сыпались удары, и Горилла вопил грубым своим голосом: «Смерть блудодейке! Подожди, стерва, денег захотела, вот тебе деньги, вот!» А Маргаритка стонала: «Ой, ой, умираю! Помогите, ой, ой!»

Потом что-то стукнуло, зазвенело железо, и на пол тяжело упало нежное тело молодой прелестницы. Затем наступила тишина, погасли огни. Слуги, служанки, гости и все прочие вошли в дом, и вовремя подоспевший пастух поднялся по лестнице вместе со всем честным народом. Однако ж в просторном зале увидели они лишь разбитые бутылки, изрезанные шпа-леры, скатерть, сорванную со стола вместе со всеми яствами, и окаменели.

Пастух наш, не зная страха, влекомый единой мыслью, распахнул двери нарядной опочивальни Маргаритки. Он увидел девушку, всю растерзанную. С распущенными волосами, с нагою грудью, она лежала, распростершись на ковре, залитом кровью, и тут же стоял капитан. Присмиривший, озабоченный вояка, не зная, как ему выпутаться, бормотал:

– Полно, милая моя, будет тебе представляться мертвой. Ничего, я тебя подштопаю, куколка моя, шалунья. Мертвая или живая, ты все равно прелесть, так бы тебя и съел...

Промолвив эти слова, хитрый вояка схватил девушку и бросил ее на постель. Она упала как чурбан, словно висельник, сорвавшийся с крюка. Увидя это, храбрец наш решил, что пора уходить подобру-поздорову, и, однако ж, – до чего хитер был! – прежде чем уйти, воскликнул:

– Бедная Маргаритка, как это я мог порешить девушку, которую я так любил! Да, я убил ее, дело ясное, ведь если бы она осталась жива, уж никогда бы она не допустила, чтоб поник прелестный ее сосочек. Видит Бог, он болтается, словно грош на дне мошны.

⁴⁹ Арманьяки – сторонники герцога Орлеанского, во главе которых стоял граф д'Арманьяк. Враждовали со сторонниками герцога Бургундского (бургиньонами).

От таких слов Маргаритка приоткрыла один глазок и чуть наклонила головку, желая увидеть свое белое тело. И, ожив окончательно, вlepила здоровую пощечину капитану.

– Вот тебе за то, что клеветeшь на мертвых, – сказала она, улыбаясь.

– А за что он убил вас, сестрица? – спросил пастух.

– За что? Завтра сержанты нагрянут сюда и опишут все мое добро. А он не имеет ни денег, ни чести, а туда же, попрекает меня за то, что собиралась я принять одного красавчика-дворянина, который обещал спасти меня от судебных приставов.

– Эй, Маргаритка, смотри, кости переломаю!

– Ну, ну! – сказал Пестряк, и тут только капитан признал его. – Было бы за что! Постой-ка, друг мой, я тебе добуду немалую толику денег.

– А где? – спросил изумленный капитан.

– Подойдите, я скажу вам на ушко. Ежели, скажем, вы, проходя ночью, под грушевым деревом заметили бы на земле тридцать тысяч экю, неужто вы не нагнулись бы подобрать их, чтобы не пропал понапрасну этакий клад?

– Пестряк, я убью тебя, как собаку, ежели ты со мной задумал шутки шутить, или же поцелую тебя туда, куда сам захочешь, ежели укажешь, где взять эти тридцать тысяч, пусть даже ради этого придется в темном уголку пристукнуть любого нашего горожанина, а то и троих.

– Вам не придется никого и пальцем тронуть. Вот в чем суть дела: есть у меня подружка, которой я, как самому себе, доверяю, – это служанка ростовщика, живущего в Ситэ, неподалеку от дома нашего дядюшки. Итак, я узнал из верных рук, что добродетельный ростовщик отбыл нынче утром за город, зарыв перед тем в своем саду под грушею четверик золота, полагая, что за этим занятием никем, кроме ангелов Господних, он замечен не был. Но подружка моя, у которой в ту пору разболелись зубы, подошла к чердачному окошку подышать воздухом и проследила случайно старого выжигу. А потом, желая мне приятное сделать, обо всем мне поведала. Если вы поклянетесь по чести со мной поделиться, вот вам мои плечи, можете взобраться на стену и со стены прыгнете в сад, прямо на грушевое дерево, что рядом с оградой. Ну скажите-ка после этого, что я деревенщина и дурак бестолковый!

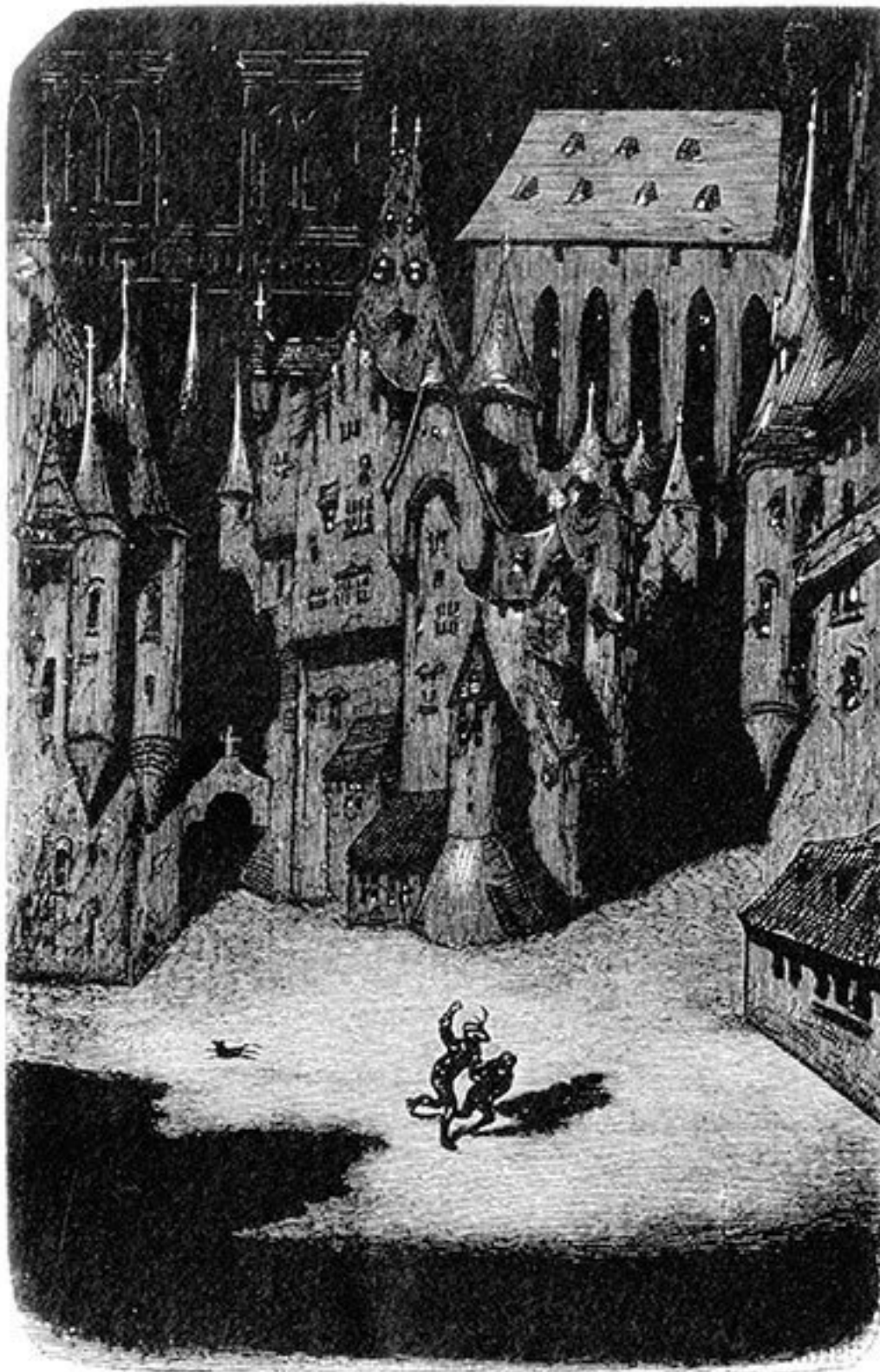
– Ничуть, ты честный малый, человек благородный, нежели когда-либо захочешь врага отправить на тот свет, только свистни – ради тебя я лучшего своего друга уколошу. Я более не двоюродный брат тебе, а родной твой брат. Живей, дорогая Маргаритка, – крикнул Горилла, – накрой опять на стол, утри свою кровь... она принадлежит мне! Я расплачусь за нее и дам тебе своей крови во сто раз больше, чем у тебя выточил. Вели достать бутылку доброго вина, забудем распрю, оправь живо свои юбки и смейся, слышишь?.. Вели собрать ужин, и продолжим наши вечерние молитвы с того места, где остановились. Завтра я одарю тебя богаче, чем королеву. Вот мой двоюродный брат, я желаю его угостить, хоть бы пришлось для этого весь дом перевернуть вверх дном. Эй, всё мечи на стол! Не бойся, завтра у нас в погребах всего будет вдосталь.

Тогда, в срок меньший, чем требуется попу, чтобы прочесть «Господи, помилуй», весь курятник забыл слезы и залился смехом, так же как недавно, забывши смех, ударился в слезы.

Только в вертепах разврата любовь чередуется с ударами кинжала и в четырех стенах разыгрываются и стихают бури. Но этого не понять благовоспитанным дамам нашим. Капитан развеселился, как школьник, сбежавший с уроков, и поил любезного своего родича, который пил все без разбору и, представляясь пьяным, болтал всякий вздор: вот завтра он скупит весь Париж, даст займы самому королю сто тысяч экю, станет купаться в золоте. Одним словом, наплел такую чушь, что капитан, опасаясь, как бы братец не сказал чего-нибудь лишнего, и решив, что он вовсе ума лишился, вывел его вон с добрым намерением, когда дело дойдет у них до дележа, чуть-чуть подпороть брюхо двоюродному братцу, дабы посмотреть, нет ли у него там губки, ибо названный пастух высосал не одну кварту доброго сюреньского вина. По дороге они обсуждали различные богословские вопросы, весьма запутанные, и наконец подкрались к ограде сада, где было спрятано золото ростовщика. Здесь Драч воспользовался широкими плечами Пестряка, словно мостом, и перескочил через ограду на грушевое дерево, как и подобает опытному воину, не раз бравшему приступом города. Однако ж ростовщик, подстерегавший его, сделал ему на затылке зарубку – одну, другую, да с такой силой, что после третьего удара покатилась голова капитана, но еще успел он в смертный свой час услышать звучный голос пастуха:

– Подбери голову свою, друг мой!

После сего щедрый наш пастух, в лице которого вознаграждена была добродетель, рассудил, что разумнее всего будет вернуться в дом к доброму канонику, ибо, милостью Божьей, труд по составлению завещания с каждым часом все упрощался. Итак, пастух со всех ног пустился на улицу Святого Петра, что при быках, и вскоре заснул, как новорожденный младенец, забыв даже, что означает слово «двоюродный брат». На следующее утро встал он, как

обычно встают пастухи, с восходом солнца и пошел в горницу к дядюшке, желая справиться, какая у него мокрота, кашлял ли он, хорошо ли ему спалось. Но старая служанка сообщила, что каноник, услыша звон к утрени в честь святого Маврикия, одного из покровителей собора Парижской Богоматери, по благочестию своему отправился в храм, дабы принять участие в завтраке, который дает архиепископ Парижский всему капитулу.

На это Пестряк ответил:

– Уж не лишился ли господин каноник ума, ведь этак недолго и занедужить, простуду схватить или насморк. Видно, ему жизнь не мила. Пойду разведу огонь пожарче, чтобы дядюшка получше согрелся, вернувшись домой.

И добряк направился в залу, где охотно сживал каноник, но, к великому своему удивлению, увидел, что дядя расположился в кресле у кафедры.

– Вот уж наболтала вздору ваша сумасшедшая Бюретта! Никогда не поверю, что столь рассудительный муж, как вы, пошли бы в такую рань и стали бы там торчать на амвоне.

Старик молчал. Пастух, подобно всем людям, любящим наблюдать и размышлять, был прозорлив душою и знал поэтому, что у стариков иной раз бывают мудрые причуды. Они беседуют с миром вещей сокровенных и до того под конец заговариваются, что начинают бормотать нечто, к делу вовсе не идущее. Посему из чувства благоговения к престарелому чудаку, погруженному в размышления, пастух отошел в сторонку, ожидая, когда старец придет в себя, и молча стал измерять взглядом длину ногтей дядюшки, которые, казалось, вот-вот продырявят его башмаки. Затем, приглядевшись со вниманием к ногам дражайшего каноника, ужаснулся, увидев, что кожа его ног багрово-красного оттенка и проглядывает сквозь нитяные петли чулок, точно опаленная огнем, отчего даже сами чулки казались красными.

«Он помер», – подумал пастух.

В ту минуту открылась дверь, и наш Пестряк увидел на пороге все того же каноника, возвращающегося из собора с обмороженным носом.

– Эге, дядюшка, да в уме ли вы? – воскликнул Пестряк. – Извольте обратить внимание, что вам не пристало стоять у двери, коли вы сидите за кафедрой в креслах у камина, и что на свете двух каноников, во всем сходствующих между собой, существовать не может.

– Было время, Пестряк, когда мне весьма хотелось пребывать в двух местах одновременно. Но сие не в человеческой власти, слишком уж это было бы хорошо. А у тебя, друг, в глазах двоится, ибо я здесь в единственном числе.

Тогда Пестряк повернулся к кафедре, и как же он удивился, увидя, что кресло пусто, а еще более, когда подошел ближе и заметил на полу кучку пепла, который слегка дымился, распространяя запах серы.

– Ой! – воскликнул пастух, потрясенный этим видением. – Признаюсь, что дьявол вел себя как благородный человек по отношению ко мне. Я помолюсь о нем Богу!

И тут же простодушно поведал канонику, каким образом дьявол, приняв канониково обличье, развлекался, играя роль Провидения, и помог ему, Пестряку, честно избавиться от своих злодеев, двоюродных братьев. Это показалось старому канонику назидательным и достойным, ибо он, будучи в здравом уме, сам помнил, что не раз приходилось ему наблюдать действия, в коих дьявол проявлял себя с лучшей стороны. И далее старец присовокупил, что всегда зло содержит в себе добро – в такой же доле, в какой зло содержится в добре; из чего следует, что не стоит слишком уж беспокоиться о загробной жизни. Превредная ересь, какую не один собор осудил со всею строгостью.

Вот как разбогател род Пестряков, и ныне смогли они, с пользой употребив наследство предка, помочь в сооружении моста Святого Михаила, где дьявол несколько не проигрывает от соседства архангела. Мост этот построен в память изложенной нами истории, причисляемой к подлинным происшествиям.

Увеселения короля Людовика Одиннадцатого

Время действия: XV век (царствование Людовика XI).

Король Людовик Одиннадцатый⁵⁰ был славным малым и очень любил посмеяться. Он пекся об интересах королевства и религии, пировал всласть и охотился как на мелких птах, так и на кроликов и крупную дичь. Посему очевидно, что педанты, изобразившие его коварным притворщиком, вовсе его не знали, ибо был он и верный друг, и мастер на все руки, и хохотун, каких мало.

⁵⁰ Людовик Одиннадцатый (1423–1483) – король Франции из династии Валуа с 1461 года, по прозвищу Благоразумный и Паук. Вошел в историю как основатель абсолютной монархии во Франции, объединивший под своей властью раздробленные феодальные владения и ликвидировавший самостоятельность крупных феодалов. Будучи дофином, принял участие в восстании дворян против отца, короля Карла VII (1440), а в 1456 году бежал в Брюссель, к своему дяде Филиппу, герцогу Бургундскому, где жил до смерти отца. Отличался властолюбием, скрытностью и подозрительностью. Покровительствовал наукам и искусствам, поощрял торговлю и промышленность. К концу жизни, опасаясь за свою власть и жизнь, поселился в Плесси-ле-Тур, где жил, как в тюрьме, никому не доверяя. Народ распускал про Людовика и его ближайших прислужников (Оливье и Тристана) самые ужасные слухи

Именно он, будучи в хорошем расположении духа, уверял, что в жизни есть всего четыре восхитительные и полезные вещи, а именно: срати горячим, пити холодное, стояти твердо и глотати мягкое. Некоторые поносили его за то, что он якшался с грязными шлюхами. Сие есть вранье возмутительное, ибо все его девицы, на одной из которых он женился, вышли из хороших семей и жизнь вели благородную. Расточительности да мелочности король не прилежал, он прибирал к рукам только крупное, и проклинают его те скряжники, коим после него не осталось ни крошки. Однако истинные правдоискатели знают, что сей король в частной жизни был очень неплохим и даже весьма приятным человеком, и прежде чем отрубить голову другу или покарать того, кого он помиловал, тем надлежало его до крайности разгневить, и месть его всегда была справедливой. Единственно в нашем друге Вервиль обманулся сей достойный государь, но один раз – это один раз, и виноват в том скорее кум Тристан, чем король. Вот что поведал о короле Вервиль, и я подозреваю, что он просто хотел посмеяться. Излагаю его рассказ для тех, кто не знает творения моего прекрасного земляка, причем даю только суть, опуская подробности, известные людям сведущим.

«Людовик Одиннадцатый отдал аббатство Тюрпеней (упомянутое в „Красавице Империи“) одному дворянину, который, прибрав к рукам доходы аббатства, велел величать себя господином де Тюрпенеем. Случилось так, что, когда король был в Плесси-ле-Тур⁵¹, настоящий аббат, который был монахом, предстал перед королем и обратился к нему с жалобой, доказывая, что, следуя всем канонам, уставам и монастырским порядкам, он является главой аббатства, а захватчик оногo вопреки всему притесняет его и уверяет, будто аббатство досталось ему по приказанию Его Величества. Покивав головою, король обещался удовлетворить сие ходатайство. Монах, настырный, как все увенчанные тонзурой божьи твари, раз за разом являлся к окончанию королевской трапезы, так что королю осточертела слащавая монастырская водица, он призвал своего кума Тристана⁵² и сказал:

– Куманек, здесь один тюрпенеец меня донимает, убери его с лица земли.

Тристану было все едино – что монах, что не монах, он подошел к дворянину, которого весь двор называл господином де Тюрпенеем, увлек его в сторонку и дал понять, что король желает его смерти. Несчастный начал было умолять и рогатиться, рогатиться и умолять, но все напрасно, слушать его никто не слушал, а вместо того его столь бережно стиснули между головой и плечами, что он задохнулся. Часа через три кум доложил королю, что с тюрпенецем покончено. Ровно через пять дней, то бишь в положенный душам срок для возвращения, монах опять явился во дворец, и король, завидев его, пришел в крайнее изумление, подозвал Тристана, который крутился, как обычно, поблизости, и шепнул ему на ухо:

– Ты не сделал того, что я приказывал.

– Простите, сир, но я все исполнил. Тюрпенеец мертв.

– Так я имел в виду этого монаха.

– А я думал, того дворянина!

⁵¹ *Плесси-ле-Тур* – королевская резиденция в пригороде Тура, замок, строительство которого завершилось в 1470 году. В этом замке Людовик XI любил бывать, в нем он провел последние годы своей жизни и умер.

⁵² *Тристан Пустынный* (Отшельник) – прево, глава военного трибунала и королевского суда, правая рука короля Людовика XI. Родился во Фландрии в начале XV века, поступил на военную службу, в июне 1451 года получил звание рыцаря (шевалье). Был доверенным лицом и «кумом» (так называл его Людовик) дофина приблизительно до 1453 года.

– Как? И он мертв?

– Да, сир.

– Ну и ладно.

Тут король обернулся к монаху и велел ему подойти. Монах приблизился.

– Становись на колени, – велел ему король.

Монах перепугался, но король сказал ему:

– Благодарю Бога, Он не пожелал, чтобы тебя убили по моему приказанию. Зато убили того, кто занял твое место. Господь в справедливости своей рассудил в твою пользу! Ступай прочь и молись за меня. И чтоб из монастыря ни шагу!»

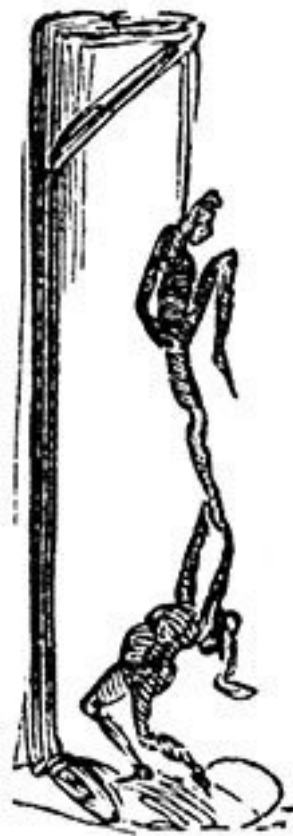

Что доказывает доброту Людовика нашего Одиннадцатого. Он вполне мог повесить монаха, дабы исправить допущенную ошибку. Касаемо задавленного дворянина, все яснее ясного: он принял смерть по долгу службы. Людовик весьма любил свой Плесси-ле-Тур, но поначалу, дабы не уронить своего королевского величия (подобной тонкости его преемники уже не ведали), не желал бражничать и шуметь прямо в замке. И он влюбился в женщину по имени Николь Бопертюи, которая, к чему теперь скрывать, была простой горожанкой. Мужа оной дамы король спровадил в далекую каталонскую глубинку, а ее саму поселил в доме на берегу Шера, близ улицы Кинкангронь, потому что место там было безлюдное и от прочих домов в отдалении. И муж, и жена такую благодарностью к королю прониклись, что Бопертюи родила ему дочь, которая закончила свои дни в монастыре. У этой Николь носик был востренький, словно клюв у щегла, а позади тела своего дородного носила она две данные природой большие и восхитительные подушки, которые на ощупь были плотными, а на вид белоснежными, точно крылья ангела. Сия Николь прославилась также своей необыкновенной ученостью, коей благодаря в любовных экзерсисах никогда не повторялась, ибо глубоко овладела сей прекрасной наукой, умела и разнообразно готовить оливки из Пуасси⁵³ и разогреть их как надо, а также владела такими секретами, которые королю доставляли особенное удовольствие. Она была весела точно зяблик, все время напевала и смеялась и никогда никого не огорчала, что свойственно женщинам открытым и честным, женщинам, которые всегда заняты... догадайте сами, чем или кем!..

⁵³ *Оливки из Пуасси* – старинный французский эвфемизм для обозначения тестикул; в Пуасси, древнем городе на Сене, не растут оливы, но зато до революции 1789 года в нем было два больших мужских (доминиканцы и капучины) и один женский монастырь (урсулинки), монахини которого славились своим распутством

Король часто встречался в ее доме со своими добрыми друзьями-приятелями, а чтобы никто его не видел, приходил туда по ночам, тайком. Но поскольку Людовик был подозрителен и боялся засады, он дал Николь самых злобных собак из своей псарни и стражников, готовых разорвать любого без предупреждения, и признавали эти псы только Николь и короля. Когда Его Величество входил в дом, Николь выпускала собак в сад, дверь в дом закрывалась крепкой решеткой и надежными запорами, король прятал ключи в свой карман, чувствовал себя в полной безопасности и, не боясь ни измены, ни предательства, как хотел забавлялся, проказничал и устраивал розыгрыши. В такие ночи кум Тристан наблюдал за соседними улицами, и тот, кому взбрело в голову после заката прогуляться по набережной, если не было у него на ту прогулку королевского дозволения, очень быстро оказывался в положении того несчастного, что с веревкой на шее благословляет прохожих своими пятками.

Сверх того, Людовик посылал своего куманька за потаскухами для своих приятелей или за людьми, которые могли бы принять участие в забавах, придуманных его дружками да Николь. Турские жители всегда с готовностью служили Людовику, а король приказывал им помалкивать, вот почему о времени препровождения короля стало известно только после его смерти.

Игра «Поцелуй меня в зад» была, как уверяют, придумана сим славным государем. И пусть мне придется отвлечься от основного предмета этого рассказа, я объясню вам, что это такое, потому что игра сия доказывает, сколь веселым и разносторонним нравом отличался наш король.

В Туре жили три скупца: первым среди них был довольно известный мэтр Корнелиус. Второго звали Пекар. Он торговал украшениями, мраморной бумагой и разными безделицами для церкви. Третий, по имени Маршандо, был очень богатым виноградарем. Последние два туренца, несмотря на скупость свою, стали родоначальниками добропорядочных семей. И однажды вечером, будучи у Бопертюи, король выпил, пошутил и еще до вечерни помолился в молельне госпожи Николь, пришел в прекрасное расположение духа и обратился к куму своему Лёдену⁵⁴, кардиналу Лабалю⁵⁵ и старому Дюнуа⁵⁶, который в ту пору еще не совсем раскис:

– Пора позабавиться, друзья мои! Думаю, мы повеселимся, коли поглядим, что станет со скопидомом, ежели показать ему мешок золота и не дать его заграбастать! Эй, кто-нибудь!

Тут же явился слуга.

– Ступай за моим казначеем, пусть немедля принесет шесть тысяч золотых, да пошевеливайся! Потом именем короля хватайте и тащите сюда моего друга мэтра Корнелиуса с Лебязьей улицы, Пекара и старого Маршандо.

⁵⁴ *Лёден* Оливье (1428–1484; настоящее имя – Оливье Некер) по прозвищу Оливье Дьявол – один из главных советников Людовика XI. Был камердинером, цирюльником и порученцем дофина, а затем и доверенным лицом короля. За заслуги получил дворянство и титул графа де Мелена. После смерти короля был заключен в тюрьму, приговорен к смерти и повешен.

⁵⁵ *Лабалю* Жан (1421–1491) – кардинал (с 1467) и дипломат, епископ Анжера, государственный секретарь и первый советник Людовика XI. В 1469 году за государственную измену был заключен в железную клетку, которая была его же изобретением, и просидел в ней 11 лет, после чего папа римский добился его освобождения.

⁵⁶ *Дюнуа* Жан де (1402–1468) – граф Дюнуа, или Орлеанский бастард, внебрачный сын герцога Людовика I Орлеанского, военный и государственный деятель, соратник Жанны д'Арк, поначалу противник, а затем союзник Людовика XI, ставший председателем совета реформ на благо общества.

Засим они продолжили пить и серьезно обсуждать вопрос о том, какая женщина лучше – с душком или со всех сторон помытая, худая или в теле, и, поскольку там был цвет учености, решили, что лучше та, что принадлежит мужчине вся, подобно блюду с горячими мидиями, и ровно тогда, когда Господь пошлет оному мужчине благую мысль к ней приобщиться. Потом кардинал спросил, что для женщины важнее: первый поцелуй или последний. На что Бопертьюи отвечала, что последний важнее (потому как женщина знает, что теряет), чем первый, ибо тогда ей еще неизвестно, выиграет ли она что-нибудь или нет. Вот во время этих и им подобных бесед, содержание коих история, к великому сожалению, не сохранила, принесли шесть тысяч экю золотом, что равняется сегодняшним тремстам тысячам франков, ибо, как верно замечено, все на свете мельчает. Король приказал выложить деньги на стол и подать больше свету, и золото засверкало точь-в-точь как невольно загоревшиеся глаза королевских сотрапезников, кои рассмеялись, друг на друга глядя, хоть и было им не до смеха. Долго ждать не пришлось, слуга привел бледных и до полусмерти перепуганных скупцов. Один лишь Корнелиус, который хорошо знал королевские причуды, сохранял присутствие духа.

– Итак, друзья мои! – сказал Людовик. – Посмотрите на эти червонцы.

Трое скряг пожирали глазами золото, чей блеск, представьте себе, затмил даже алмамент, сверкавший на груди Бопертюи.

– Это вам, – добавил король.

При этих словах скряги, хоть и не в силах были оторвать глаз от кучи золота, начали искося поглядывать друг на друга, и гости скоро поняли, что эти старые обезьяны по части кривлянья всех превосходят, ибо физиономии у них стали почти так же забавны, как у кошки, лакающей молоко, или как у девицы перед свадьбой.

– Да! – продолжил король. – Все достанется тому, кто, погрузив руку в кучу золота, три раза скажет двум другим: «Поцелуй меня в зад!» Но ежели при этих словах он не будет так же серьезен, как сыщик, оседлавший свою соседку, ежели хоть самую малость улыбнется, то заплатит сто экю госпоже Николь. Однако повторюсь, каждому дозволяется сделать три попытки.

– Я выиграю! – промолвил Корнелиус. Будучи голландцем, он открывал рот и улыбался так же редко, как часто открывалась и хохотала задница Николь.

Мэтр смело возложил руку на кучу золотых, как бы проверяя их пробу, и с силой сжал в кулаке несколько монет, но, как только взглянул на двух скупцов, опасавшихся его голландской основательности, и собрался вежливо сказать: «Поцелуйте меня в зад!», они хором промолвили: «Будьте здоровы!», как если бы он чихнул. Все рассмеялись, и Корнелиус последовал общему примеру. Когда же за червонцы взялся виноградарь, он почувствовал, что не в силах удержаться, и прыснул так, что смех вырвался изо всех пор его похожего на шумовку лица, словно дым из щелей печной трубы. Старик не смог вымолвить ни слова. Настала очередь лавочника, который всегда не прочь был позабавиться. Губы его сжались, точно веревка на шее висельника, он стиснул в ладони золотые, оглядел всех зрителей и даже короля и сказал насмешливо: «Поцелуйте меня в зад!»

– Он у тебя грязный?

– Извольте убедиться сами, – глазом не моргнув, отвечал ювелир.

Тут король испугался за свои экю, ибо Пекар хорошо начал и уже в третий раз собиравшись открыть рот, но Бопертюи сделала вид, что согласна воспользоваться его предложением, и Пекар фыркнул и расхохотался.

– Как тебе удалось, – спросил его Дюнуа, – остаться серьезным перед такой горой золота?

– О, монсеньор, во-первых, я подумал об одной из моих тяжб и о суде, который состоится завтра, а во-вторых, о моей жене – жуткой старой перечнице.

Страстное желание завладеть внушительной суммой заставило всю троицу предпринять еще одну попытку, и король почти целый час забавлялся, глядя, как они корчились, кривлялись, бормотали, скребли животы и, будучи людьми, привыкшими брать, а не давать, побагровев от досады, отсчитывали по сто экю и вручали их госпоже Николь.

Когда они удалились. Николь обратилась прямо к королю:

– Сир, позвольте мне тоже попробовать.

– Клянусь Пасхой! – воскликнул Людовик. – Нет, я охотно поцелую тебя сам и за меньшую сумму!

И вот таким бережливым он был всегда.

Однажды вечером толстый кардинал Лабалю в нарушение всех церковных канонов на словах и на деле стал приставать к Бопертюи, однако, к счастью для нее, эта ловкая кумушка была из тех, кому палец в рот не кладут.

– Остерегитесь, кардинал, – сказала она. – Король елсея не любит!

Затем явился Оливье Лёден, которого она тоже не захотела слушать, и в ответ на вздор, который он нес, сказала, что спросит у короля, как ему понравится, ежели Оливье ее побреет.

Поскольку этот самый цирюльник не просил сохранить в секрете его ухаживаний, она заподозрила, что все это очередные королевские хитрости и что именно друзья заставили короля усомниться в ее верности. Однако Людовику она отомстить не могла и потому решила отыграться по меньшей мере на его приспешниках, одурачить их и заодно позабавить короля своей проделкой. И вот однажды вечером, когда они собрались к ней на ужин, в ее дом пришла одна женщина, которая желала поговорить с королем. Эта влиятельная дама хотела испросить у короля милости для мужа своего, и после приключения, о котором я расскажу, она получила все, о чем просила.

Во время ужина Николь Бопертюи увлекла короля в прихожую и попросила его заставить гостей напиться допьяна и наесться до отвала, при этом быть веселым и шутить, а когда скатерть уберут, затеять ссору на пустом месте, грубить, никому рта не давать раскрыть, и тогда она покажет ему всю их подноготную и позабавит. Кроме того, она умолила короля выказать искреннее расположение к даме, пусть все думают, что она у него в чести, ибо эта дама согласилась принять участие в задуманном ею розыгрыше.

– Ну что ж, господа, – сказал король, вернувшись к гостям, – пора за стол, охота была долгой и удачной.

И вот цирюльник, кардинал, толстый епископ, капитан швейцарской гвардии и один законник из парламента, королевский любимец, проводили дам в тот зал, где трутся друг о друга челюсти и обгладываются кости.

И они принялись проверять на прочность свои камзолы. Что сие значит? Сие значит мостить желудки, заниматься природной химией, вести учет блюдам, терзать кишки, рыть себе могилу челюстями, играть с огнем, хоронить подливки, валять дурака или, говоря языком философическим, производить зубами нечистоты. Теперь понятно? Сколько надо слов, чтобы пробиться к вашим мозгам?

Королю не пришлось уговаривать гостей перегнать сей добрый ужин. Он пичкал их зеленым горошком, обращал к мясному рагу с каштанами и репой, нахваливал чернослив, просил уделить внимание рыбе, одному говорил: «Почему ты не ешь?», другому: «Выпьем за госпожу!», всем вместе: «Господа, отведаем раков! Прикончим эту бутылъ! Вы еще не пробовали

эти колбаски! А этих миног? Эй! Что скажете? Вот, клянусь Пасхой! Это лучший луарский сом! Эй, зацепите-ка мне того паштета! А это дичь из моих угодий, кто не полакомится, оскорбит меня лично!» Потом опять: «Пейте, король сегодня добрый! Отдайте должное этим соленьям, их солила наша хозяйка. Поклюйте виноград, он из моих виноградников. И мушмулу, мушмулу положите на зуб!» Так, способствуя вспучиванию их главного нарыва, добрый король смеялся со всеми вместе, и едоки подтрунивали друг над дружкой и спорили, пыхтели, жевали и рыгали так, словно короля рядом не было. Загрузив на борт множество провианта, высав несметное количество бутылей и разорив все, от чего ломился стол, гости побагровели, камзолы на них затрещали по всем швам, ибо животы от воронки до стока набились плотно, подобно сарделькам. Перебравшись обратно в гостиную, они уже едва дышали, и пыхтели, и сопели, проклиная самих себя и свое обжорство. Король умолк. Гости охотно последовали его примеру, ибо все их силы ушли на переваривание блюд, замаринованных в их туго набитых и урчащих желудках. Один говорил про себя: «Напрасно я поел этой подливки». Другой упрекал себя за то, что напичкал утробу угрем с каперсами. Третий думал про себя: «Ох-ох! Этот ливер мне даром не пройдет». Кардинал, самый пузатый среди них, фыркал, точно испуганная лошадь. Именно он первым не удержался, благородно рыгнул и тут же пожалел, что он далеко от Германии, где с отрыжкой поздравляют, потому что король, услышав сии утробные звуки, нахмурил брови и прошипел:

– Как ты посмел? Или я тебе пустое место?

Слова эти повергли всех в ужас, поелику обыкновенно короля добрая отрыжка из себя не выводила. И потому прочие гости решили иначе справиться с газами, распиравшими их реторты. Поначалу они пытались их удержать, но вскоре почувствовали, что брюшины их надулись, точно сборщики податей, натянулись и вот-вот лопнут. Тут Бопертюи шепнула королю на ухо:

– Знайте, что Пекар сделал по моей просьбе две большие куклы, похожие на меня и на эту даму. И еще я подмешала кое-каких снадобий в бокалы ваших сотрапезников, от них им скоро приспичит пойти в нужник, а мы с дамой сделаем вид, что уже заняли его. Вот тогда вы позабавитесь над их корчами.

С этими словами Бопертюи с дамой исчезли по своей надобности, а спустя положенное время Бопертюи вернулась одна, сделав вид, что оставила даму в лаборатории естественной алхимии. Тут король, обратившись к кардиналу, заставил его подойти и, ухватив за грудки, повел разговор о самых насущных делах. На все его слова Лабалю отвечал: «Да, сир», лишь бы избавиться от королевского благоволения и смыться, ибо вода уже залила его подвалы, а сам он, того и гляди, обронит ключ от своей задней двери. Прочие гости только и думали, как бы им приостановить накопление фекалий, коим природа, как и воде, дала свойство подниматься лишь до определенного уровня. Она материя преобразовывалась и продвигалась, подобно насекомым, готовым вырваться наружу из кокона, она бесновалась и проклинала королевскую власть, ибо нет ничего более невежественного и дерзкого, чем эти нечистые массы, кои рвутся на свободу подобно всем заключенным. Кстати и некстати они норовили выскользнуть, как угри из сетей, и каждому бедолаге стоило больших усилий и умений, чтобы не обгадиться при короле. Людовик же получал огромное удовольствие от допроса своих гостей и от перемен на их физиономиях, отражавших корчи и спазмы их грязных змеевиков.

Судья сказал Оливье:

– Я бы отдал свое кресло за то, чтоб хоть полминуты почитать в укромном уголке.

– О! Что может быть лучше хорошего стула! И я уже не удивляюсь тому, что мухи гадят где ни попадя.

Кардинал, полагая, что дама уже получила расписку в Счетной палате, вырвался из цепких королевских рук, отшатнувшись от него так, будто он внезапно вспомнил, что еще не прочитал свои молитвы, и направился к двери.

– Что это с вами, кардинал? – полюбопытствовал король.

– А что со мной? Клянусь Пасхой, ничего особенного, зато вам, сир, похоже, все нипочем!

Кардинал бежал, поразив всех своим лукавством. Он торжественно прошествовал к ретирадному месту, слегка ослабив шнурки на своей мошне, но, распахнув благословенную дверцу, обнаружил за ней даму, восседавшую, словно папа римский во время обряда посвящения. Еле сдерживаясь от нетерпения, кардинал спустился по лестнице, желая выскочить в сад, но, услышав лай собак, до смерти перепугался за свои полушария и, не зная, где избавиться от продуктов своей химии, вернулся в гостиную, дрожа так, словно он промерз до мозга костей. Прочие, завидев кардинала и полагая, что он опустошил свои естественные резервуары и очистил свои высокодуховные трубки, позавидовали его счастью. Цирюльник живо вскочил с места, будто ему приспичило разглядеть гобелены и посчитать балки, первым очутился у двери и, заранее ослабив задний зажим, с песней направился в желанное прибежище.

Однако там ему, как и Лабалю, пришлось принести сбивчивые извинения вечной заседательнице и захлопнуть дверцу так же быстро, как он ее открыл. Цирюльник вернулся с запруженными и распертыми каналами. За ним остальные гости прошли тем же путем, но никому из них не посчастливилось освободиться и облегчиться, и все они в прежнем смущении восседали вокруг Людовика и сочувственно переглядывались, задницами понимая друг друга лучше, чем языками, ибо в действии телесных составляющих нет никаких двусмысленностей, все в нем разумно и просто, и посему этой наукой мы овладеваем, едва родившись на свет.

– Полагаю, – сказал кардинал цирюльнику, – сия дама просидит там до завтра. Чего ради Бопертюи позвала сюда сию слабую утробой болящую?

– Она битый час трудится над тем, на что мне требуется две минуты. Лихоманка ее заberi! – вскричал Оливье Лёден.

Все приближенные, мучаясь коликами, переминались с ноги на ногу, дабы стерпеть и сдержать нечистые материи, когда помянутая дама вернулась в гостиную. Само собой, ее нашли прекрасной, изящной и охотно поцеловали бы ее туда, где у них самих столь нестерпимо свер-бело. Даже свет нового дня никто никогда не приветствовал так, как сию освободительницу бедных несчастных утроб. Лабалю встал. Прочие пропустили духовенство вперед из почтения, уважения и благоговения к церкви и снова, набравшись терпения, принялись корчить рожи. Король смеялся про себя вместе с Николь, споспешествовавшей удушению маявшихся живо-тами господ. Бравый капитан швейцарцев, больше других отдавший должное блюду, в которое повар положил слабительный порошок, запачкал свои короткие штаны, полагая, что выпустит один лишь фук. Пристыженный и здравомыслящий, он почел за благо забиться в уголок, лишь бы король не учуял запах. В этот момент вернулся кардинал в ужасающем смятении, ибо он узрел в епископском кресле Бопертюи. Невыносимо страдая, он втащился в гостиную и испустил истощное «О-о!», обнаружив Николь рядом с королем.

– Что еще? – спросил король да столь грозно глянул на священника, что любого другого на его месте хватил бы родимчик.

– Сир, – ничуть не смутившись, молвил кардинал, – все относящееся к чистилищу нахо-дится в моем ведении, и должен вам сказать, что в этом доме нечисто.

– Раб Божий, – скривился король, – как смеешь ты шутить со мной?

При этих словах у всех присутствующих душа ушла в пятки, а в зобу дыханье сперло.

– Где ваше почтение к королю? – От окрика Людовика все побледнели, а он резко открыл окно и крикнул: – Эй, Тристан! Поди-ка сюда!

Главный королевский прево не замедлил явиться. Поскольку все эти господа были никем, пока король их не возвысил, он точно так же мог в приступе гнева сровнять их с землей, и потому Тристан нашел всех, кроме кардинала, полагавшегося на защиту сутаны, остолбенев-шими и донельзя подавленными.

– Кум, препроводи господ в зал суда на набережной, они согрешили и опозорили самих себя своим чревобесием.

– Хороша ли была моя шутка? – спросила Людовика Николь.

– Хороша-то хороша, но чертовски зловонна, – засмеялся король.

Из этих слов дружки его поняли, что на этот раз король оставит их головы в покое, и возблагодарили милосердное небо. Этот государь весьма любит шуточки грязного пошиба. Но он отнюдь не злой, говорили его сотрапезники, располагаясь у дамбы на берегу Шера под надзором Тристана, который, как добрый француз, составил им компанию, а потом проводил по домам. Вот почему с тех самых пор жители Тура никогда не гадили у дамбы, зная, что ее облюбовали придворные.

Как верный паж, я не оставлю этого великого короля, не вспомнив о дьявольской шутке, которую сыграл он с Годгран, высохшей старой девушкой, страшно горевавшей, потому как за свои сорок лет так и не сумела найти покрывало для своего горшка, и бесившейся оттого, что остается нетронутой, ровно мул. Проживала она по соседству с Бопертюи, там, где проходит Иерусалимская улица, да столь близко, что с балкона госпожи Николь было и видно и слышно все, что происходит в ее комнате, расположенной на первом этаже. Король часто

забавлялся, подглядывая за сей вековухой, а та и не подозревала, что Его Величеству до нее рукой подать. И вот в один ярмарочный день случилось королю повесить молодого горожанина, который посмел силой взять одну благородную пожилую даму, по ошибке спутав ее с молодой женщиной. В общем-то, он не сделал ничего плохого упомянутой даме, напротив, оказал ей честь, приняв за молодуху, и все бы ничего, коли, обнаружив свою оплошность, он не разразился потоком брани, ибо предположил, что его обхитрили, и решил в качестве вознаграждения забрать у нее красивый серебряный кубок. Этот юноша был силен во всех отношениях и так красив, что весь город собрался посмотреть на его казнь из жалости и любопытства. Сами понимаете, что чепчиков на площади собралось больше, чем шапок. Молодой человек в самом деле очень красиво подергался на веревке и в полном соответствии с обычаем, принятым у висельников того времени, умер, галантно воздев к небу то самое копьё, которое наделало столько шуму. Многие дамы заметили по этому поводу, что не уберечь подобное сокровище от виселицы есть прискорбнейшее злодеяние.

– Что вы скажете, – спросила Бопертюи короля, – коли мы подложим сего красавца-висельника в постель к Годгран?

– Мы ее перепугаем, – отвечал Людовик.

– О сир, ни в коем разе! Будьте уверены, она ласково примет мужчину мертвого, ибо питает страстную любовь к мужчинам живым. Вчера я видела, что она проделывала перед колпаком, который напялила на спинку стула, вы бы со смеху умерли над ее речами и ужимками.

И вот пока сорокалетняя дева удалилась к вечерне, король приказал двум стражникам снять с виселицы молодого горожанина, отыгравшего последнюю сцену своего трагифарса, и нарядить его в белую рубаху. Стражники перелезли через изгородь садика Годгран, уложили упомянутого висельника в кровать так, что его было видно в окно, и удалились. Король играл с Бопертюи в комнате с балконом, ожидая того часа, когда старая дева уляжется спать. Годгран вскоре вернулась домой, вприпрыжку да вприскок, как говорят жители Тура из прихода Святого Мартина, до которого было не больше двух шагов, поелику Иерусалимская улица упирается прямо в стену монастыря. Годгран вошла в комнату и освободилась от сумки, молитвенника, четок, образков и прочей амуниции старых дев, потом сняла тушилку с углей, раздула

огонь, согрелась, погладила за неимением лучшего кошку, потом сходила в кладовку, приготовила ужин, вздыхая, и повздыхала, готовя ужин, поела в одиночестве, упершись глазами в стену, а запив съеденное, так громко пукнула, что даже король услышал, а Бопертью воскликнула:

– Эх, кабы висельник ей на это сказал: «Благослови вас Бог!»

Оба согладаясь прыснули со смеху, а потом король, верный христианин, глаз не отрывая, проследил за тем, как старая дева раздевается, любит себя, выдергивает волосы, выдавливает гадкий прыщ на носу, ковыряется в зубах, в общем, делает тысячу разных мелких дел, которыми – увы! – как это ни досадно, занимаются все женщины от мала до велика. Однако, не будь у них этих мелких природных изъянов, они так возгордились бы собою, что уже никто не имел бы возможности ими полакомиться. Покончив с водными и музыкальными импровизациями, старая дева залезла под одеяло и тут же испустила потрясающий, полный испуга, изумления и восторга вопль, обнаружив наконец висельника и почуяв прохладную его кожу и ее молодой дух. Смутившись донельзя, она отскочила в дальний угол, но, поскольку знать не знала, что перед ней труп, вернулась, решив, что над ней шутят, изображая мертвеца.

– Подите вон, злой насмешник! – промолвила она.

Поверьте, тон ее был весьма просительным и ласковым. Видя, что гость не шевелится, она рассмотрела его поближе и, признав молодого висельника, поразилась его красоте. Тут ее пробрала фантазия проделать чисто научный опыт в интересах повешенных.

– Что это она делает? – смеясь, спросил Людовик.

– Пытается его оживить. Как того требует христианское человеколюбие...

Старая дева принялась ласкать, тереть и трясти молодого человека, моля святую Марию Египетскую оживить влюбленного мужа, упавшего с неба, как вдруг ей показалось, что милосердно согреваемый ею мертвец приоткрыл глаза. Тогда она прижала руку к его сердцу и почувствовала слабое биение. Наконец, благодаря теплу постели, стараниям и горячности старой

девы, что жарче дыхания африканской пустыни, жизнь вернулась к красавцу-висельнику, которого совершенно случайно недодушили.

– Вот так-то мне служат мои палачи! – снова рассмеялся Людовик.

– О нет! Вы не посмеете казнить его во второй раз, он слишком красив, – заявила Бопертьюи.

– Верно, в приговоре нет ни слова о том, что его повесят дважды, но он женится на старухе...

Тем временем добрая вековуха поспешила за лекарем, славным цирюльником, который жил при аббатстве, и быстро привела его в дом. Он, недолго думая, взял ланцет и вскрыл молодому человеку вену, из которой, однако же, ни капли крови не выступило.

– Ах, – горестно вздохнул кровопускатель, – слишком поздно, кровь уже застоялась в легких.

Вдруг показалась первая капля, за ней вторая, а потом кровь полилась струей, и вызванное веревкой легкое удушье совершенно прошло. Молодой человек воспрял, слегка ожил, однако, по вполне понятным естественным причинам, тут же ослабел и впал в столь глубокое бесчувствие и бессилие, что все его члены обмякли и поникли. Старая девушка, которая, не отрывая глаз, следила за великими и благодатными переменами в теле сего дурно повешенного, тронула цирюльника за рукав и, указав пальцем на достойный жалости предмет, с любопытством спросила:

– Он что, теперь всегда будет таким?

– О да, весьма возможно, – отвечал ученый муж.

– Ах, повешенный, он был гораздо галантнее.

При этих словах король расхохотался. Годгран и кровопускатель, узрев его на соседнем балконе, затряслись от страха, ибо смех этот прозвучал, точно второй смертный приговор бедному висельнику. Однако король слову своему не изменил и приказал обвенчать Годгран со спасенным ею прекрасным распутником. И справедливости ради Людовик повелел дать молодому человеку новое имя – Морсоф, что значит «Отнятый у смерти» – вместо и взамен того имени, которое он потерял на эшафоте. Поскольку Годгран скопила за свою жизнь немало эку, они стали доброй семьей, и потомки их до сей поры живут в почете ввиду верной службы Морсофа королю Людовику Одиннадцатому. Вот только Морсоф до конца дней своих терпеть не мог вдовиц и старых дев и уже никогда не назначал ночных свиданий.

Сие нас, мужчин, учит быть внимательными и никогда не допускать ошибок, не путать старух с молодухами, ибо, хоть нас и не вешают за наши любовные заблуждения, они по-прежнему чреватые серьезными опасностями.

Жена коннетабля

57

Время действия: начало XV века.

⁵⁷ Коннетабль — главнокомандующий французской армией.

Из честолюбия и расчета, стремясь добиться самого высокого положения, коннетабль д'Арминьяк женился на графине Бонн, которая еще до замужества была страстно влюблена в юного Савуази, сына камергера Его Величества Карла VI⁵⁸.

Коннетабль, суровый вояка, был невзрачен на вид и нравом весьма крут, густо оброс волосами, лицо имел топорное и морщинистое, вечно кричал и сквернословил, то вздергивал на виселицу какого-нибудь разбойника, то потел в жарких баталиях, а в часы досуга придумывал всякие военные хитрости, любовными же делами пренебрегал. Нимало не стараясь скрасить супружескую жизнь какою-либо острой приправой, сей грубый рубака обнимал красавицу-жену равнодушно, как человек, голова которого занята куда более важными материями; а подобное хладнокровие всегда возбуждает в дамах вполне законное негодование, ибо для них приятности мало, если на нежности их и порывы страсти отзывается только супружеская кровать.

Посему не приходится удивляться, что, сделавшись женой коннетабля, графиня вся предалась любви к вышеназванному Савуази, коей было полно до краев ее сердце, что не осталось, разумеется, незамеченным ее другом.

Горя желанием запеть вдвоем одну и ту же нежную песню, они быстро настроили в лад свои лютни и с превеликим успехом стали разбираться в колдовских письменах любви. И вот в скором времени до сведения королевы Изабеллы дошло, что лошади красавца Савуази гораздо чаще стоят в конюшнях ее кузена д'Арминьяка, нежели у дворца Сен-Поль, где проживал старый камергер после того, как было разрушено его прежнее обиталище – по приказу Парижского университета, как это всем известно. Опасаясь, как бы с графиней Бонн не приключилась какая-нибудь беда, ибо вышеназванный коннетабль с такой же легкостью привык играть

⁵⁸ *Карл VI Безумный* (1368–1422) – французский король с 1380 по 1422 год. С 1392 года страдал приступами безумия, которые сменялись просветлениями. Был женат на Изабелле Баварской.

кинжалом, как священник раздавать благословения, сия бдительная и разумная государыня, обладавшая умением бросить при случае искусный намек, однажды при выходе от вечерни обратилась к своей кузине графине д'Арминьяк, когда та подошла с молодым Савуази окропить себя святой водой:

– Мой друг, не замечаете ли вы крови в этой воде?

– Ба! – бросил в ответ королеве Савуази. – Любовь любит кровь, Ваше Величество.

Королева нашла эту мысль весьма удачной и тотчас же ее записала, а позднее увидела ее в действии, когда король Карл, ее супруг и повелитель, жестоко расправился с ее возлюбленным, о восхождении звезды которого вы услышите в нашем повествовании.

Из многочисленных наблюдений известно, что в весеннюю пору любви кавалеры и дамы всегда страшатся выдать тайну своего сердца и, отчасти из благоразумия, отчасти ради приятной забавы морочить людей, скрывают от них свои похождения, и оба наперерыв стараются играть в прятки. Но довольно бывает одного мгновения рассеянности – и прахом пойдут все долгие предосторожности.

И вот в самом разгаре любовных радостей несчастная женщина попадает, как птичка в сети, или же друг ее при *своем* посещении – иногда прощальном – оставит после себя след в виде шпор, забытых по роковой случайности, или перевязи, или иных принадлежностей мужского костюма. А тогда удар шпаги разрывает те милые узы, в которые они оба усердно вплели золотые нити любовных усад! Но куда жизнь насыщена страстью, нечего думать о кончине, да и разве пасть от шпаги ревнивого супруга – не прекрасная смерть для любовника, ежели только смерть бывает прекрасной! Именно так и суждено было оборваться любовному счастью графини.

Однажды утром, когда у коннетабля д'Арминьяка выдался свободный часок благодаря неожиданному бегству из Ланьи герцога Бургундского, ему вздумалось пожелать своей супруге доброго утра, и он вознамерился разбудить ее достаточно нежным способом, чтобы она не

рассердилась, и вот графиня, погруженная еще в сладкую утреннюю дремоту, не подымая век, пробормотала в ответ на его прикосновение:

– Ах, оставь меня, Карл!

– Ого! – изумился коннетабль, услыша имя святого, который вовсе не числился среди его небесных покровителей. – Что это за Карл у вас в голове?

Не прикасаясь больше к жене, он вскочил с кровати и с пылающим от гнева лицом, обнажив шпагу, бросился по лестнице наверх – туда, где спала служанка графини, подозревая в ней сообщницу преступления.

– Эй ты, чертова потаскуха! – закричал он, давая волю своему гневу. – Читай молитву, сейчас я прикончу тебя. Какой такой Карл повадился ходить ко мне в дом?

– Ах, сударь, – отвечала служанка, – кто вам сказал об этом?

– Ну, держись! Я уничтожу тебя безо всякой пощады, коли ты не расскажешь мне все подробно, как и когда они встречались, как договаривались о свиданиях. Но если ты будешь вилять да спотыкаться на каждом слове, я сумею в один миг пригвоздить тебя своим кинжалом... Говори!

– Пригвоздите же, коли так, – отвечала служанка. – Все равно вы ничего от меня не узнаете!

Разъярясь еще больше от сего благородного ответа, коннетабль и в самом деле пригвоздил ее к стене, после чего снова бросился в комнату своей супруги, приказав повстречавшемуся ему на лестнице оруженосцу, которого разбудили вопли служанки:

– Ступай наверх, я немножко круто проучил Билетту.

Прежде чем вновь явиться к жене, коннетабль пошел к маленькому сыну, мирно в ту пору спавшему, и, грубо схватив его, потащил к матери. Та открыла глаза – и, как вы можете себе представить, весьма широко открыла, – услыша детский плач. С превеликим волнением увидела она своего малютку на руках у коннетабля; правая рука д'Арминьяка была в крови, и красными от ярости глазами поглядывал он то на мать, то на сына.

– Что с вами? – молвила графиня.

– Сударыня, – обратился к ней с вопросом ее скорый на расправу супруг, – от кого рожден сей ребенок? Мой он или друга вашего, Савуази?

При словах этих графиня Бонн побледнела и бросилась к своему сыну так стремительно, как бросается в воду испуганная лягушка.

– Разумеется, он наш! – отвечала она.

– Коли вы не желаете, чтобы голова его покатилась к вашим ногам, – продолжал муж, – сознайтесь во всем и отвечайте прямо: есть у меня по вашей милости помощник?

– Да.

– Кто же это?

– Это вовсе не Савуази, но я не назову вам никогда имени этого человека, я его не знаю.

Тут коннетабль вскочил с места и, схватив жену за руку, хотел было перерезать ей глотку, но, кинув на него гордый взгляд, она воскликнула:

– Что ж, убивайте, только не смейте прикасаться ко мне!

– Нет, я не стану лишать вас жизни, – возразил супруг, – у меня припасено для вас такое наказание, что будет хуже смерти. – И, произнеся эти жестокие и язвительные слова, коннетабль удалился, опасаясь хитростей и обманов, к коим охотно прибегают женщины в затруднительных случаях, и их никогда не поймать в ловушку, ибо они заранее, и денно и ночью, в одиночку или с подружками, обдумывают и изобретают на такой случай всяческие увертки.

Немедля пошел он допрашивать своих слуг, приводя их в ужас своим разгневанным грозным ликом, и все они отвечали ему, как Богу Отцу в Судный день, когда будет держать ответ каждый из нас. Никто из слуг и не подозревал, какая великая беда таилась под покровом кратких вопросов и коварных выпытываний их господина, но из всего, что было ими сказано, коннетабль мог сделать вывод, что ни один мужчина из обитателей дома тут не повинен ни сном ни духом; лишь один слуга, которому было поручено стеречь сад, хранил упорное молчание. Ничего от этого стража не выведав, коннетабль схватил мерзавца за горло и в ярости задушил его. И тогда коннетабль умозаключил, что непрошенный его помощник проникал в замок через сад, куда вел с берега реки потайной ход. Тем, кто не знает расположения замка д'Арминьяков, мы сообщим, что он занимает обширную усадьбу по соседству с великолепными строениями дворца Сен-Поль. Позднее на том месте был возведен замок Лонгвиль. В то время, о коем идет речь, жилище графа д'Арминьяка через монументальные каменные ворота имело выход на улицу Сент-Антуан; замок был отлично укреплен, и высокие стены ограды, тянувшиеся по берегу реки против Коровьего острова – там, где ныне находится пристань Грев, – были снаб-

жены башнями. Все это можно было видеть на рисунке, долгое время хранившемся у кардинала Дюпра⁵⁹, королевского канцлера.

Коннетабль ломал себе голову; перебрав в уме все известные ему испытанные способы засады, он выбрал наконец наилучший из них и приспособил его столь умело к данному случаю, что обольститель неминуемо должен был попасться, как заяц в силоч.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Тот, кто наставил мне рога, теперь не вырвется из моих рук, и у меня еще хватит времени поразмыслить, как расправиться с ним!

И бородатый, храбрый воин, не раз одерживавший верх над самим Жеаном Бесстрашным, обдумал порядок сражения, которое решил дать своему неведомому врагу.

Отобрав изрядное количество самых преданных и ловких стрелков, коннетабль разместил их внутри башен, выходящих к реке, и под угрозой жесточайшего наказания приказал стрелять без разбора в любого обитателя замка – за исключением своей супруги, – кто выйдет из садовой калитки и кто будет днем или ночью пропускать любовника через потайную дверь. Такие же распоряжения были отданы и тем людям графа, кто сторожил вход в замок со стороны улицы Сент-Антуан.

Слугам и даже капеллану было велено под страхом смерти не выходить никуда из жилищ своих. А поскольку с обоих флангов оборона замка поручена была стрелкам из личной охраны коннетабля, которым было приказано не спускать глаз с боковых улиц, то неведомому любовнику, наградившему коннетабля рогами, неминуемо предстояло быть схваченным в тот самый миг, когда, ничего не подозревая, он придет в условный час дерзко водрузить свое знамя в самом сердце законных владений графа. В такую западню не мог не попасться даже самый

⁵⁹ Дюпра Антуан (1463–1535) – канцлер (с 1515) и кардинал (с 1527). Уже при Людовике XII пользовался политическим влиянием и в 1507 году стал первым президентом парижского парламента. Герцогиня Ангулемская поручила ему воспитание своего сына, будущего короля Франциска I. Во время отсутствия Франциска I и его плена в 1526–1527 годах Дюпра вместе с герцогиней Ангулемской стоял во главе регентства.

ловкий человек, разве только что он оказался бы под особым покровительством Божиим, как наш добрый апостол Петр, коему Спаситель не дал утонуть в волнах Тивериадского озера в тот достопамятный день, когда ему вздумалось испытать, не окажется ли вода столь же твердой, как суша.

У коннетабля оказались дела в Пуасси, и он должен был тотчас после обеда сесть на коня; зная о намерении своего супруга, графиня еще накануне решила пригласить своего юного поклонника на приятное состязание, в коем сила всегда оказывалась на ее стороне.

Пока коннетабль готовил, как было описано выше, засаду в своем замке и расставлял вокруг потайной двери зоркую стражу со смертоносным оружием в руках, дабы схватить обольстителя, откуда бы тот ни явился, жена коннетабля тоже не сидела сложа руки и не зевала по сторонам.

Надо сказать, что пригвожденная служанка вскоре «отгвоздилась», а затем, дотащившись кое-как до своей госпожи, сообщила ей, что рога носный сеньор пока ничего не знает, и, раньше чем отдать Богу душу, она утешила дорогую свою госпожу, заверив, что та во всем может положиться на ее сестру, которая служит в замке прачкой и охотно даст изрубить себя на мелкие кусочки, как мясо для колбасы, лишь бы угодить госпоже; камеристка сказала, что сестра ее была самой ловкой и продумной бабенкой во всей округе и славилась от Турнеля до Траугара среди простого люда как женщина весьма изобретательная на разные выдумки в запутанных сердечных делах.

Тогда, не переставая оплакивать кончину верной своей служанки, графиня призвала к себе прачку и, приказав ей бросить стирку, начала вместе с нею так и сяк раскидывать умом, желая спасти Савуази даже ценой всего счастья, что суждено ей в жизни. Прежде всего жен-

щины стали обдумывать, как бы его уведомить о подозрениях коннетабля и предупредить, чтобы он вел себя осторожно.

И вот услужливая прачка, нагруженная, словно мул, грудой белья, попыталась выйти из замка. Но у ворот она наткнулась на вооруженного человека, не желавшего внимать никаким ее доводам и мольбам. Тогда из великой преданности своей госпоже прачка решила атаковать солдата с наиболее уязвимой стороны и своим бойким заигрыванием вскоре так растормошила его, что он весьма охотно позабавился с ней, хотя и был при всех своих воинских доспехах. Но и после этого он ни за что не соглашался пропустить прачку на улицу, и, как ни старалась она вслед за тем получить разрешение на выход из замка от других, самых красивых молодых людей, думая, что они будут полюбезнее, ни один из стрелков и прочих вооруженных стражей так и не осмелился открыть перед ней хотя бы самую узенькую лазейку.

– Вы скверные, неблагодарные люди, – с возмущением воскликнула прачка, – не хотите отплатить мне добром за добро!

По счастью, благодаря шашням с воинами она обо всем разузнала и, с большой поспешностью воротясь к своей госпоже, поведала ей о черных замыслах графа.

Тогда они стали снова держать совет, но беседа их обо всех этих военных приготовлениях, о грозных графских приказах, о его тайных, пагубных, дьявольски коварных распоряжениях, о страже и обороне замка заняла времени не более, чем его требуется для того, чтобы дважды пропеть аллилуйю, – и обе уже поняли тем шестым чувством, коим наделена каждая женщина, что бедному любовнику грозит великая опасность.

Как только графиня узнала, что лишь ей одной дозволено выходить из замка, она не мешкая воспользовалась своим правом, однако ж ей не удалось отойти от дому и на расстояние стрелы, пущенной из самострела, ибо коннетабль велел четырем пажам своим ни на шаг не отходить от графини, а сверх того, приказал находиться при ней неотлучно двум офицерам из своей личной стражи. Тогда бедная супруга коннетабля вернулась к себе в покои и заплакала горше всех Магдалин, изображения коих мы видим в храмах.

– Увы! – сокрушалась она. – Милого моего убьют, и я больше его не увижу!.. А сколько нежности было в речах его, сколько прелести в его ласках!.. Так неужто же прекрасная голова, что так часто покоилась на моих коленях, будет мертвой, холодной? О, зачем не могу я швырнуть моему жестокому супругу пустую и никудышную голову вместо бесценной, полной очарования головы моего друга!.. Голову смрадную – вместо благоуханной! Ненавистную – вместо горячо мною любимой!

– Ах, сударыня, – воскликнула прачка, – что, если нам напялить господское платье на сына повара, который влюблен в меня по уши и очень мне докучает? А потом, нарядивши этак молодчика, мы выпроводим его через потайную дверь...

Тут сообщницы обменялись взглядом, выдававшим их кровавый замысел.

– А когда поваришку убьют, – продолжала прачка, – все солдаты разлетятся как журавли.

– Хорошо. Но что, если граф опознает беднягу? – И в глубоком волнении графиня, покачивая головой, воскликнула: – Нет, нет, дружок! Здесь должна быть пролита без всякой жалости благородная и только благородная кровь!

Затем, подумав немного, она, чуть не прыгая от радости, обняла прачку:

– Знаешь, своим советом ты подала мне хорошую мысль, как спасти моего милого, и за это я так щедро тебя награжу, что ты будешь жить припеваючи до конца дней своих!

Засим графиня осушила слезы, придала своему лицу выражение невинное, как у целомудренной невесты, взяла молитвенник, сумку для раздачи милостыни и направилась к церкви Сен-Поль, откуда уже доносился благовест, возвещавший начало вечерней службы. Надо сказать, что сей долг благочестия всегда свято выполнялся графиней, ибо она, как и все придворные дамы, была изрядной ханжой.

Мессу эту недаром прозвали в народе «расфуфыренной мессой»: здесь можно было встретить только щеголей и красавцев, молодых дворян и нарядных придворных дам, от которых веяло тончайшими ароматами; словом, здесь нельзя было увидеть одеяния без гербов, шпор без позолоты.

Итак, графиня Бонн направилась в церковь, приказав оставшейся в замке ошеломленной прачке быть начеку. Вскоре она с большой торжественностью, в сопровождении пажей, двух лейтенантов и стражей, явилась в храм.

Надо сказать, что среди блестящих рыцарей, увивавшихся в церкви вокруг дам, у графини было немало воздыхателей, преданных ей всем сердцем и готовых, как это водится у молодых людей, поставить все на кон в надежде на желанный выигрыш.

В числе сих соколов и ястребов, которые точили жадный клюв на прекрасную добычу и чаще шныряли глазами по скамьям, чем обращали их к алтарю и священнослужителям, был один юноша, коего графиня порою милостиво дарила беглым взглядом, ибо он был менее назойлив и, казалось, был уязвлен ею сильнее, чем остальные.

Юноша этот держал себя скромно, стоял неподвижно всегда возле одной и той же колонны и с немым восхищением взирал на ту, которую избрал он дамой своего сердца. Бледное лицо его было подернуто дымкой меланхолии. Оно говорило о сердце, способном глубоко чувствовать, как чувствуют люди, которые живут жгучими страстями и находят тайную усладу даже в безнадежной любви. Таких людей на свете весьма немного, и куда чаще встречаются мужчины, предпочитающие всем известные грубые утехы тем неизреченным восторгам, что таятся и расцветают в сокровенной глубине души.

Жене коннетабля казалось, что юноша этот, хотя одежда его была опрятна, сшита складно и даже носила отпечаток тонкого вкуса, был всего-навсего бедным рыцарем, не имевшим иного достояния, кроме плаща и шпаги, и приехавшим из дальних краев попытать счастья. И вот, догадываясь о его бедности и страстной его любви к ней и видя, как хорош собою этот стройный

юноша с темными кудрями до плеч и какое у него кроткое, робкое выражение лица, супруга коннетабля от всей души желала, чтобы ему всегда сопутствовала благосклонность женщин и фортуны.

По обычаю хороших хозяек, у коих ничто зря не пропадает, она полагала, что пренебрегать поклонниками не следует, и стала по прихоти своей разжигать в нем страсть – то легкой улыбкой, то быстрым взглядом, скользившим невзначай в его сторону, словно ядовитая змейка. Не жаль ей было насмеяться над счастьем сей юной жизни, – властительная особа, она привыкла играть куда более важными людьми, чем простой рыцарь. А разве супруг ее, коннетабль, не рисковал иной раз судьбою целого королевства, не ставил ее на карту, как вы ставите мелкую монету, играя в пикет?

И вот прошло не более трех дней, как при выходе от вечерни супруга коннетабля, указывая глазами королеве на молодого искателя любви, с усмешкой промолвила:

– Какой достойный человек!

Словцо это сохранилось в языке знати. Позднее им стали обозначать придворных особ. Именно графине д'Арминьяк, а не кому-либо иному обязан французский язык сим метким выражением.

Случайно графиня оказалась права в своем мнении о молодом дворянине. То был рыцарь Жюльен де Буа-Буредон, еще не служивший ни под чьими знаменами. Унаследовав от родителей поместье, где леса не хватило бы даже на зубочистку, и не располагая никакими ценными благами, кроме прекрасных даров природы, кои весьма кстати достались ему от покойной матушки, он задумал извлечь из них при дворе выгоду и прибыль, зная, как падки придворные дамы до естественных сих богатств и как дорого ценят их, предоставляя их обладателю получать с них верный доход от вечерней зари до утренней. Немало подобных ему молодых людей, вступив на узкую стезю женской благосклонности, пробивали себе дорогу в жизни, но Буа-Буредон был далек от того, чтобы тратить свой любовный пыл расчетливо и скупно, – нет, он израсходовал его сразу, лишь только увидел на «расфуфыренной мессе» графиню Бонн во всем великолепии ее красоты. С первого же мгновения он воспылал к ней истинною любовью – к вящей выгоде для своего кошелька, ибо нашего рыцаря совсем отбило от еды и питья. А такая любовь всего хуже, ибо она побуждает нас к воздержанию в пище все время, покуда длится воздержание в любви, – два недуга, из коих довольно и одного, чтобы свести человека в могилу.

Таков был молодой рыцарь, о котором вспомнила прекрасная супруга коннетабля и поспешила прийти в храм, дабы предложить влюбленному умереть ради нее.

Войдя в храм, она тотчас увидела бедного своего обожателя, который, как всегда, стоял, прислонясь к колонне, и с радостным волнением поджидал графиню, всем существом своим устремляясь к ней, как страждущий больной тянется к солнцу, к весне и к свету. Отведя от него взгляд, графиня хотела подойти к королеве и попросить ее о помощи в столь отчаянном

положении, ибо ей стало жаль юношу, но тут один из сопровождавших графиню воинов весьма почтительно обратился к ней:

– Сударыня, мы получили распоряжение не допускать вас до разговора ни с женщинами, будь то даже королева, ни с мужчинами, будь то даже ваш духовник. Нарушив сей приказ, мы рискуем собственной жизнью.

– А разве звание ваше, – возразила жена коннетабля, – не обязывает вас умирать?

– Оно также обязывает нас повиноваться приказам, – отвечал воин.

Тогда графиня, сев на свое обычное место, приступила к молитве: взглянув украдкой на своего обожателя, она нашла, что он сильно похудел и осунулся.

«Ну что ж, – подумала она про себя, – тем меньше будет мне с ним хлопот и волнений: ведь он уже и сейчас чуть жив».

С этой мыслью она бросила на рыцаря, стоявшего у колонны, жгучий взгляд, какой может позволить себе лишь принцесса или распутница, и притворная страсть, которою загорелись вдруг ее прекрасные глаза, причинила воздыхателю, стоявшему у колонны, сладкую боль. Да и кто же останется равнодушным к жаркой волне жизни, когда вся кровь кипит и бурно приливает к сердцу?

И с радостью, для женской души вечно новой, жена коннетабля убедилась в могуществе своего великолепного взгляда по безмолвному ответу рыцаря. Яркий румянец, вспыхнувший на его щеках, был красноречивее самых превосходных речей греческих и римских ораторов, и неудивительно, что графиня с удовольствием заметила его и отлично все поняла.

Желая удостовериться, что сие не было случайной игрой природы, она решила испытать, как далеко простирается магическая сила ее взоров. Раз тридцать обжигала она поклонника

пламенем глаз своих и окончательно уверилась в том, что рыцарь храбро умрет за нее. Мысль эта столь сильно ее взволновала, что посреди молитв ею трижды овладевало желание подарить ему разом все доступные человеку наслаждения, обратив их в единый фонтан любви, дабы ей никогда не могли бросить упрека в том, что она не только отняла жизнь у бедного рыцаря, но и лишила его блаженства.

Когда священнослужитель, оборотясь лицом к своей раззолоченной пастве, провозгласил: «Изыдите с миром», жена коннетабля направилась к выходу из храма с той стороны, где стоял у колонны ее обожатель, прошла мимо него и метнула пламенный взгляд, повелевавший ему следовать за нею: затем, желая подтвердить, что он правильно толкует и понимает значение еле заметного ее зова, хитрая женщина, уже миновав колонну, чуть-чуть обернулась, как бы вновь подзывая его. Она заметила, что юноша подался со своего места, но из скромности не осмеливается идти за нею; однако ж от последнего ее знака он осмелел и, уже не боясь показаться дерзким, присоединился к свите графини, двигаясь бесшумно и осторожно, как невинный юнец, с опаской вступающий в одно из тех соблазнительных мест, кои зовутся злаными. И шел ли он позади или впереди, справа или слева, жена коннетабля не переставала бросать ему огненные взоры, дабы вернее заманить его и привлечь к себе: она была подобна рыболову, который, приподымая тихонько леску, пробует, клюет ли рыбка. Короче говоря, графиня искусно выполняла ремесло распутных девиц, когда они трудятся, не жалея сил, чтобы подвести святую воду к своим мельницам, и, глядя на нее, вы могли бы сказать: «До чего похожи на потаскух высокородные дамы!»

Перед входом в замок графиня с минуту поколебалась, затем снова обернулась к несчастному рыцарю, как бы приглашая его следовать за собой, и стрельнула в него таким сатанинским взглядом, что он тотчас же ринулся к владычице своего сердца, поняв, что она призывает его к себе. Тут графиня подала ему руку, и они оба, дрожа и волнуясь по причинам совсем различным, очутились внутри замка. В тот роковой час в г-же д'Арминьяк заговорила совесть, ей стало стыдно, что она прибегает к столь низким уловкам, посылая человека на смерть, и намеревается изменить Савуази, чтобы вернее спасти его, но известно, что малые укоры совести, равно как и великие, хромают на обе ноги и оттого всегда приходят с опозданием. Видя, что на карту поставлено все, жена коннетабля крепко оперлась на руку своего обожателя и сказала:

– Пойдемте скорей в мою опочивальню, нам надо поговорить...

Он же, не ведая, что вскоре ему предстоит расстаться с жизнью, онемел и не мог ответить ни слова, задыхаясь от предвкушения близкого счастья.

Когда прачка увидела прекрасного рыцаря, коего столь быстро поймала ее госпожа, она подумала: «Ну и ловко обдeldывают такие дела придворные дамы!» И она отвесила опрометчивому воздыхателю низкий поклон, не то насмешливый, не то почтительный, каким мы удостоиваем храбреца, готового умереть из-за ничтожной безделицы.

– Пикарда, – молвила жена коннетабля, притянув к себе прачку за юбку, – у меня не хватает силы признаться, чем собираюсь я заплатить ему за безмолвную его любовь и благородное доверие к женской честности...

– Ах, сударыня, да к чему же и говорить ему об этом? Порадуйте его, а потом выпустите через потайную дверь. Сколько мужчин умирает на войне из-за пустяков! Так почему бы такому прекрасному рыцарю не умереть ради ваших милостей. А для вас я мигом раздобуду другого, коли захотите утешиться.

– Подожди! Я ему все расскажу, – воскликнула графиня, – пусть это будет мне наказанием за мой грех...

Полагая, что дама его сердца потихоньку отдает своей служанке какие-нибудь тайные распоряжения, дабы ничто не могло помешать обещанной ему беседе, влюбленный рыцарь скромно держался в отдалении и, взирая на потолок, считал мух. Про себя он все же дивился смелости графини, но, как сделал бы даже горбун на его месте, находил сотни разных причин

для ее оправдания и, разумеется, почитал себя вполне достойным страсти, толкнувшей красавицу на столь безумный поступок. От сих приятных размышлений его оторвала жена коннетабля, отворив дверь в свою спальню и пригласив рыцаря войти. Здесь эта властительная особа вдруг сбросила с себя все величие и, превратясь в простую женщину, упала к ногам юноши.

– Увы, дорогой рыцарь, – сказала она, – велика вина моя перед вами! Знайте, что при выходе из этого дома вас ожидает смерть... Безумная любовь, которую я питаю к другому, ослепила меня, вы не можете заменить его в моем сердце, но вы должны встать на его место перед лицом его убийц. Спасите мое счастье, умоляю вас!

– О, – отвечал Буа-Буредон, затаив в глубине души мрачное отчаяние, – я полон признательности к вам за то, что вы располагаете мною, как своей собственностью. Я люблю вас, так люблю, что был бы готов, подобно женщине, дарить вам вседневно то, что можно отдать лишь раз... Возьмите же мою жизнь!

И, говоря это, несчастный рыцарь не отрываясь смотрел на графиню, словно хотел на нее наглядеться за все долгие дни, которые он мог бы ее созерцать, ежели бы остался жив. Услыхав его смелую, пылкую речь, графиня вскочила:

– Ах, если б не было Савуази, как я любила бы тебя!

– Увы, судьба моя свершилась, – ответил Буа-Буредон. – Мой гороскоп предсказал мне, что я умру из-за любви к знатной даме. О боже! – воскликнул он, сжимая рукоять шпаги. – Я дорого продам свою жизнь, но рад буду умереть с мыслью, что кончина моя оградит счастье той, кого я люблю. Я умру, но что из этого! Я останусь жить в вашей памяти...

Жену коннетабля восхитил решительный жест и дышавший отвагою облик юноши, и сердце ее вспыхнуло любовью. Вскоре, однако, она почувствовала себя задетой за живое тем, что он, видимо, думал расстаться с ней, не потребовав от нее даже самого скромного знака благосклонности.

– Подойдите, дайте мне вооружить вас! – молвила она, открывая ему объятия.

– О повелительница моя! – промолвил юноша, и слезы увлажнили его пламенный взор. – Или вы желаете сделать для меня невозможной смерть, подарив мне бесценное сокровище жизни?

– Подожди, – воскликнула она, покоренная его жаркой любовью. – Не знаю, что нас ждет, но сейчас приди ко мне! А там – пусть мы все погибнем у потайного хода!

Единым пламенем зажглись их сердца, единые волшебные созвучия наполнили слух, и, сжимая друг друга в объятиях, в бреду той сладостной лихорадки, которая, надеюсь, вам известна, они забыли обо всех опасностях, подстерегавших Савуази и их самих, забыли о коннетабле, о смерти, о жизни, обо всем на свете.

Тем временем люди, стоявшие в дозоре у ворот замка, пришли доложить коннетаблю о приходе любовника и рассказали, что обезумевший от любви рыцарь не посчитался с выразительными взглядами, которые во время мессы и по дороге в замок бросала ему графиня, чтобы предостеречь его и спасти от гибели. Коннетабля они встретили на дороге к потайной двери, куда он направлялся с большой поспешностью, ибо стрелки, поставленные у набережной, тоже подавали издали сигналы, говорившие о том, что любовник вот-вот появится из сада.

И в самом деле, Савуази пришел в назначенный для свидания час; помышляя, как все любовники, только о своей милой, он не заметил графских соглядатаев и тихо проскользнул в потайную дверь.

Одновременное появление двух любовников и было причиной того, что коннетабль оборвал на полуслове дозорных с улицы Сент-Антуан, заявив им с властным жестом и непререкаемой уверенностью:

– Я знаю, зверь уже попался в западню.

И, подымая страшный шум, все ринулись к потайной двери с криками:

– Смерть ему!.. Смерть!..

Солдаты, стрелки, офицеры, сам коннетабль – все побежали за Савуази, внуком короля, и преследовали его по пятам вплоть до окон графини, и вопли несчастного молодого человека, выделявшиеся среди рева солдат, смешивались со вздохами и стонами страсти влюбленных, спешивших насладиться и объятых превеликим страхом.

– О боже, – прошептала графиня, бледнея от ужаса, – Савуази умирает сейчас из-за меня!

– Но зато я буду жить для вас, – отвечал Буа-Буредон, – и буду почитать себя счастливым, если мне придется заплатить за восторги любви той же ценой, какую он расплачивается сейчас за свое блаженство.

– Спрячьтесь скорее сюда, в шкаф! – вскричала графиня. – Я слышу шаги коннетабля!

И в самом деле, вскоре в покои графини явился сеньор д'Арминьяк, держа в руке голову Савуази; положив эту окровавленную голову на камин, он обратился к жене:

– Вот полезное зрелище, сударыня, оно научит вас соблюдать свой супружеский долг.

– Вы убили невинного, – отвечала, нимало не смутясь, графиня, – Савуази вовсе не был моим любовником.

И, произнося эти лживые слова, она гордо глядела на коннетабля, женским притворством и дерзостью так ловко скрыв на лице свои чувства, что супруг ее смутился, словно девица, испустившая неподобающий звук в многолюдном обществе; и тут ему вдруг явилась мысль, что он совершил непоправимое несчастье.

– О ком же тогда вы грезили нынче утром? – спросил он жену.

– Мне снился король, – отвечала она.

– Но почему же, мой друг, вы мне этого не сказали?

– Да разве вы поверили бы мне? На вас напал тогда такой лютый гнев!

Пропустив слова мимо ушей, коннетабль продолжал:

– А как же очутился у Савуази ключ от нашей потайной двери?

– Ах, откуда мне это знать! – отрезала она. – Да и хватит ли у вас уважения ко мне, чтобы поверить моим словам?

И, делая вид, что идет распорядиться по хозяйству, жена коннетабля повернулась на каблучках с такой легкостью, как поворачивается на ветру флюгер.

Можно представить себе, в сколь затруднительном положении оказались граф д'Арминьяк, не знавший, что делать ему с головой несчастного Савуази, и Буа-Буредон, который, боясь выдать себя неожиданным кашлем, слушал, как граф, оставшись один, бормочет какие-то несвязные слова. Наконец граф дважды стукнул изо всей силы кулаком по столу и громко сказал:

– Ну, теперь, Пуасси, держись!

И он ускакал, а Буа-Буредон, переодетый в чужую одежду, с наступлением ночи исчез из замка.

О несчастном Савуази было пролито немало слез его дамой, сделавшей решительно все, что может сделать женщина ради спасения своего друга, а немного позднее пришлось ей не только его оплакивать, но и сильно пожалеть о своей потере, ибо, когда жена коннетабля рассказала обо всем случившемся королеве Изабелле, та освободила Буа-Буредона от служения своей кухне и взяла его на службу к себе, так была она растрогана стойкостью, мужеством и прочими достоинствами молодого рыцаря.

Что касается Буа-Буредона, то сама смерть вручала дамам его судьбу. Попад в милость к королеве, он стал весьма заносчив со всеми и однажды позволил себе непочтительно обойтись даже с самим королем Карлом – в один из тех дней, когда к несчастному безумцу возвращался рассудок, – и придворные, завидуя успехам Буа-Буредона, сообщили королю о том, что молодой рыцарь сделал Его Величество рогачом. В один миг Буа-Буредон был зашит в мешок и, как известно, сброшен в Сену неподалеку от переправы Шарантон. Нечего и говорить, что с того дня, как коннетаблю вздумалось столь опрометчиво пустить в ход кинжал, любезная жена его так ловко намекала на два убийства, совершенные им, так часто попрекала ими мужа, что сделала его мягким, как кошачья шерстка, и вертела им как хотела, направляя свою супружескую жизнь в желанное ей русло. Граф же неустанно превозносил свою супругу, называя ее женщиной честной и благонравной, каковой она и была в действительности.

Поскольку в книге сей мы должны, следуя правилам великих писателей древности, не только позабавить людей, но и дать им нечто полезное, преподать им поучение тонкого вкуса, я скажу вам, что главная суть настоящего повествования заключается в следующем: ни при каких, самых трудных обстоятельствах женщинам не следует терять голову, помня, что бог любви никогда не оставит их, особенно коли они молоды, хороши собой и благородного происхождения; засим повесть наша учит, что, отправляясь в назначенный час на свидание, любовникам не годится быть бесшабашными ветренниками, что им надобно вести себя осторожно и осмотрительно, дабы не угодить в какую-нибудь ловушку и уберечь себя от гибели, ибо после прелестной женщины самое драгоценное сокровище на свете – красивый молодой человек.

Тилузская девственница

60

Время действия: неопределенно.

⁶⁰ Тилуза – маленькое село к югу от замка Саше, где в октябре 1831 года Бальзак работал над первым десятком «Озорных рассказов» и где сейчас находится музей Бальзака. Саше расположен к юго-западу от Тура, на берегу Эндра.

Сеньор де Вален, хозяин славных земель и замка, что неподалеку от села Тилуза, взял в жены женщину тщедушную, и она по причине то ли приязни-неприязни, то ли охоты-неохоты, то ли здоровья-нездоровья держала своего мужа на голодном пайке, лишая сластей и ласк, предусмотренных всяким брачным договором. Справедливости ради надо отметить, что выше-означенный сеньор был грязным вонючим мужланом, вечно гонявшимся за дикими тварями, и веселеньким, ровно закопченные стены. И для полного счета этот самый охотник дожил уже до шестидесяти лет, о чем он, правда, поминал так же часто, как вдова повешенного о веревке. Но что делать, коли природа, которая населяет нашу грешную землю созданиями кривыми, хромыми, слепыми и уродливыми, относится к ним с таким же почтением, как и к красавцам; она, подобно ткачам на гобеленной фабрике, сама не знает, что творит, и одаривает всех одинаковыми нуждами и падкостью на сладкое. Однако, как говорится, всякий телок находит свой хлевок, а с другой стороны, на каждый горшок найдется своя крышка. И потому сеньор де Вален повсюду высматривал красивые горшочки, дабы их покрыть, и часто охотился не только на диких зверей, но и на домашних. Однако земля его на подобную дичь была не богата, а девственницу и вовсе было днем с огнем не сыскать. И все же, кто ищет, тот всегда найдет, и дошло до сеньора де Валена, что живет в Тилузе одна вдова-тонкопряха, владеющая настоящим сокровищем в лице юной девицы шестнадцати лет, которая вечно цепляется за юбку матери, а та глаз с дочки не спускает, ходит вместе с ней даже по воду, спит с ней в одной постели и заставляет вставать спозаранку и работать так, что они вдвоем каждый божий день выручают восемь солей. По праздникам мать водит дочку в церковь, ни на шаг от себя не отпуская, не позволяет ей словом перемолвиться с молодыми парнями, и никто даже пальцем не смеет дотронуться до ее драгоценной девицы. Однако времена настали тяжелые, вдова с дочкой уже еле-еле перебивались с хлеба на воду. Проживали они у своего бедного родственника, зимой им не хватало дров, а летом одежды, и уж долгов за жилье у них накопилось столько, что даже судебный пристав пришел бы в ужас, хотя эту братию чужими долгами испугать ох как непросто. Короче, пока дочь хорошела, вдова впадала во все большую нищету и влезала в долги в счет девственности своей дочери, подобно алхимику, рассчитывающему на свой тигель, в котором он плавит все подряд в надежде получить золото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.